

НАУМ КЛЕЙМАН

ОЧЕРКИ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ.
ОПЫТ ВЫЖИВАНИЯ.

«Я говорю сыновьям, что у меня в детстве были преимущества, которых они лишены. Я родился в самой ужасной нищете. Мне некуда было двигаться, кроме как вверх.»

Кёрк Дуглас

Предисловие

У меня родилась внучка - большое событие в жизни. Я впервые стал наблюдать, как этот комочек потихоньку начинает превращаться в человека. Уже давно я пришёл к мысли, что человек очень похож на запрограммированную субстанцию со своей особой программой и со своими возможностями. Если предположить это, то тогда понятна и роль мозга, значение которого возможно в приеме и обработке сигналов от командной системы - назовём её - Создатель. Принимая это, можно попытаться объяснить феномен Нострадамуса, Мессинга и других, как хакеров, которые могут вскрывать другие программы.

Кроме того, большое влияние на мозг оказывает окружающая среда. Как это происходит, кто и зачем это сделал - я не знаю. Человек представляется мне сложным компьютерным устройством с заложенным поведением, причём возможна многовариантность, связанная с приспособляемостью к среде.

Я хочу попробовать описать историю своей жизни под этим углом. Попытаться описать моё развитие, развитие моей субстанции, с уже заложенными некими данными, например: еврей, делать добро, любить ближнего и так далее, в меняющейся ситуации: СССР, Украина, послевоенное время, бедность, антисемитизм, Москва, социализм, США. Я попытаюсь проследить весь мой путь развития и, по мере возможности, попутно что-то попытаться прокомментировать. Постараюсь объяснить через опыт своей жизни, что такое социализм и как он на самом деле ужасен, показать жизнь в

Украине и России изнутри. Хоть как-то предупредить о страшной опасности этой системы для людей. К сожалению, я в ней прожил 50 лет своей жизни - самые активные годы. Эта система уничтожает все нормальное и она беспощадна. Элементы социализма уже появились в Европе и США. Это путь в никуда, это тупик, вырождение. За время советской власти были уничтожены миллионы людей. Даже говорить об этом страшно. И что? Кто-то был наказан? Народ раскаялся? Даже сейчас много людей в России ходят на демонстрации с портретом усатого тирана Сталина. Рабы любят и помнят своего хозяина-палача. Это ужасно. Чего же ждать от этой страны? Страшно даже подумать.

Глава 1

41-ый. Эвакуация

Сталин и война нанесли страшные удары по семье: мамин брат был арестован как английский шпион и, конечно, погиб в лагерях, его семья погибла при бомбёжке, а мама с бабушкой и дочкой, с семьей сестры, когда гитлеровцы подошли к Виннице, на все деньги и драгоценности купили подводку (лошадь с телегой) и двинулись на юг страны - подальше от немцев. Соседи говорили им: «Что вы делаете, придет настоящая власть - вы же помните немцев в 1918 году. Это хорошие, образованные люди...» В Виннице немцев встречали с цветами.

Всех соседей-евреев собрали и расстреляли на второй день после вступления немцев в город. Вот так судьба распорядилась жизнями людей. А моя семья продвигалась в сторону солнечного Узбекистана, иногда опережая гитлеровские войска всего на два часа. Это было ужасное путешествие неопытных людей, которые пытались спасти себя и свои семьи. Жили на подводе в течение многих дней и в любую погоду. В дороге, во время бегства умерла моя бабушка, а потом и сестра - от менингита. Мама стала седой в 29 лет. Жизнь стала почти бессмысленной. Остатки семьи добрались до Узбекистана. Там же случайно оказался и отец, которого направили работать на шахту - шахтёров освобождали от воинской службы. Жизнь поддерживалась только хлебными карточками. Утеря карточки - голодная смерть. Жили в бараке на 12 семей, по одной комнате на семью. Стены барака были из камыша, обмазанного глиной. Отец работал в шахте с

уголовниками, которым заменили смертную казнь на 25 лет заключения. Он занимал должность мастера. Перед спуском в шахту папа прощался с мамой, потому что выжить в таком коллективе под землей было практически невозможно. Но отец был очень добрым человеком, и его не тронули. Более того, когда у мамы украли хлебные карточки, папа в отчаянии рассказал это бандитам, и они нашли того, кто украл, и вернули карточки. Выжить - это была главная задача на тот момент.

Нормальный человек не может существовать, если он ежедневно осознает, в каком кошмарном, несправедливом и порочном мире он живет. Это привело бы к массовым суицидам, чего не случилось. Чтобы выжить, люди «рационализируют» зло, учатся сначала объяснять его, а потом не замечать. Методы не меняются со времен инквизиции, а, может быть, и ранее: «это меня не касается», «нет дыма без огня», «они сами во всем виноваты», «нельзя провоцировать сильного» и так далее.

Вот что об этом говорит сын Мартина Бормана: «И в нацизме, и в сталинизме, и в северокорейской идеологии, в любой тоталитарной идее много привлекательного. Люди боятся многообразия и сложности жизни. А подобная идеология создаёт впечатление, будто она всё объясняет и отвечает на все вопросы. И люди делают вид, что верят в нее. До такой степени, что убеждают в этом сами себя. Это сумасшествие. Но однозначность привлекает, безумие захватывает, оно заразительно».

Задача выживания осложнялась ещё разгулом антисемитизма, который разжигала сама власть, а уж на бытовом уровне...

После войны родители вернулись в Винницу. Им выделили полуподвальное помещение площадью 8 квадратных метров. По стенам ползали разные жуки, кухни не было: вместо кухни был навес над лестницей, которая вела во двор. На доске под навесом стояли наш и соседские примусы. Готовили, по сути, на улице, зимой и летом, в любую погоду. Особенно тяжело готовить было в холодную и ветреную погоду. Туалет для всех был один и стоял в 100 метрах от дома, вода в 40 метрах. Двор не освещался - в туалет надо было идти в полной темноте. В этом же доме над родителями жил начальник тюрьмы. Его семья состояла из четырёх человек. Только кухня у них была 24 кв.м., плюс три большие комнаты по 20 кв.м. каждая. Равенство в социалистической стране было очевидно, но все боялись что-либо сказать.

Глава 2

Человек второго сорта

Я с мамой

Я с папой

Вот в этих условиях я и появился. Меня очень ждали, потому что ребёнок придавал этой жуткой жизни какой-то смысл. Я чувствовал, да и сейчас чувствую эту безграничную любовь моих родителей, хотя их давно уже нет в живых.

Я родился 7 января 1948 года в городе Виннице на Украине в бедной еврейской семье. Население Винницы (около 90 тысяч человек) было многонациональным. Люди разговаривали на русском, украинском, польском и идиш. Часто язык был смешанным. Папа и мама говорили на русском и идиш, но понимали ещё польский и украинский. В центре города были костел и церковь. Официальной синагоги не было, но несколько синагог было в частных домах. Время было послевоенное, очень тяжёлое для всех, а для евреев особенно - началась борьба с космополитизмом. Как его описать? Как передать его воздух? Как передать ощущения и восприятия жизни ребёнка, живущего в полуподвале, где единственное окно ниже тротуара, и ты можешь видеть только нижнюю часть ног проходящих мимо окна людей - и так продолжалось целых 11 лет. В фильмах Бергмана, Феллини, Антониони, Тарковского атмосфера жизни того времени очень достоверна. На картинах импрессионистов ты чувствуешь время и живешь в нем. Но как это передать словами?

Как передать эту жизнь в СССР, цель которой - только выживание? Мне очень нравится Питер Брейгель-старший, который точно передает атмосферу жизни людей времён инквизиции, аналогичное нашему послевоенному, где

только тупость может спасти тебя от гибели. Ты должен показывать, что ты лоялен власти вплоть до самопожертвования, и тогда имеешь шанс выжить. Мое детство проходило как бы под музыку Баха и картины Брейгеля.

Мама была бухгалтером на швейной фабрике и пользовалась уважением на работе. Она была красивая, умная, волевая женщина, благодаря которой семья и выжила, потому что папа был добрейший человек, который готов был отдать все, но на роль лидера не годился. Папа закончил еврейский горный техникум по профессии горный мастер (такие еврейские учебные заведения, где преподавали на идиш, существовали на Украине в тридцатые годы) и всю жизнь работал на шахтах и карьерах, пока не заработал астму.

Себя я помню с 5 лет. Мама мыла пол в нашей маленькой комнате, а по радио сообщили о смерти товарища Сталина. Мама заплакала, а мне было всё равно: я ещё не успел полюбить Великого вождя пролетариата товарища Сталина.

Наша дворовая команда (я крайний справа)

Игрушек у меня не было, кроме, пожалуй, старой пустой консервной банки и палки. Из еды самым большим лакомством был чёрный хлеб с маслом и сахаром.

В послевоенной Виннице главной кровеносной артерией города являлся базар. Всё население города минимум один раз в неделю посещало базар, который работал каждый день с утра до вечера, так как продовольственные магазины практически были пусты. Там почти ничего не было кроме голых худых синих кур, которые кроме жалости и сочувствия не вызывали никаких других эмоций. Такое было впечатление, что их завезли после приговора трибунала и высылки их туда на Колыму за вредительство и срыв продовольственной программы партии. Бывало, правда редко, сливочное масло белого цвета и без вкуса, а также сметана, которая по вкусу была как вода, но белого цвета. О том, что это масло и сметана, можно было определить только по названиям на ценниках. Засохшая селёдка была немым укором крупнейшему в мире рыбному хозяйству страны-неоднократному победителю социалистического соревнования. Все продукты покупались только на базаре.

Наш двор состоял из нескольких одноэтажных и двухэтажных домов. Было довольно мало детей. Мы не дружили, но как-то контактировали. Приёмников не было - одно радио и слухи. Да, ещё газета «Правда», которую дети, естественно, не читали. Время было голодное, и мы часто слышали о грабежах и убийствах. Человеческая жизнь стоила немного. Воровство было повсеместным, и довольно часто мои старшие товарищи попадали в тюрьму. Помню множество людей без рук и ног, часто с орденами и медалями - они просили милостыню, и мне их было безумно жалко. А потом они все пропали. Только спустя много лет я узнал, что всех этих инвалидов войны по распоряжению Сталина вывезли на остров Валаам, где в лагерях они все быстро умерли. Дикая, ничем не оправданная жестокость, а народ её и не заметил.

Наша комната была настолько мала, что для моей кровати не было места. Поэтому я спал на раскладушке, которая почти упиралась в дверь, и вся мебель сдвигалась на ночь в угол. Дверь закрывалась на крючок, который не смог бы выдержать удара ноги. Ночью, когда я просыпался, то с ужасом смотрел на него: он был единственной защитой от бандитов. Я его помню и сейчас. Наша семья была единственной еврейской семьёй во дворе, что было причиной дополнительного напряжения.

Я родился левшой и не выговаривал букву «р». Это было ужасно. По произношению буквы «р» среди детей на улице определяли национальность и часто били. Еврейские дети очень часто картавили, и это была проблема. Интересно, что об этой проверке определения национальности я позднее прочитал у писателя Бориса Стругацкого. Это случилось с ним, когда он ребёнком был в эвакуации. То есть, это было по всей стране.

Считалось, что надо писать только правой рукой. Я это понял очень рано и с большим упорством старался преодолеть эти, якобы, недостатки. Мне давали понять, что евреи люди второго сорта. Я был умным мальчиком, но второго сорта. Это прошло через всю мою жизнь и только в Америке стало уходить. С другой стороны, это стало причиной большего упорства в учёбе. Только будучи на порядок выше в знаниях, ты мог рассчитывать на какой-то успех.

Об этом писал Константин Паустовский в своих воспоминаниях об учёбе в Киевской гимназии. Вот что говорил Веллер: **«У еврея с раннего детства больше оснований для задумчивости. Больше препятствий. И формируется мировоззрение: если хочешь чего-то добиться - ты должен думать, как обойти запреты, как найти решения. Ты должен работать упорно, сколько угодно, пока не добьёшься. Ты должен делать больше других, чтобы тебе позволили - может быть! - стать вровень. А жаловаться некому. Так устроен мир. А если жизнь не превращает еврея в лакея - она превращает его в гладиатора. Чем в менее выгодные условия ты поставлен изначально - тем большего ты добьёшься в конце, развив ум и волю преодолением препятствий.»**

Всё правильно сказано, но ты реальный человек со своими слабостями, наконец. И временами кажется, что выдержать это невозможно. Иногда казалось, что кровь брызнет из твоего тела и наступит долгожданный конец и кончатся твои страдания. Этот путь очень тяжелый и много полегло наших. Кто их помнит? Помнят и знают только победителей. Много раз, когда я был очень близок к поражению, я думал об этом. Казалось, что завтра будет твой конец, но какая-то внутренняя сила толкает тебя двигаться дальше...

Родители работали с утра до вечера, и часто меня не с кем было оставить. Одно время у нас жила пожилая полька - бабушка Каролина. Она была очень хорошей, доброй женщиной. Мы с ней часто ходили в костел, и я довольно свободно говорил по-польски. Совершенно не помню, где она спала в нашей комнате. Но ей уже было около восьмидесяти лет, и однажды она ушла в дом для престарелых. Костёл закрыли и сделали из него

лекторий. Я пошёл в детский сад, но ничего интересного о нём не могу вспомнить.

Асфальтированных дорог не было, и часто после дождя пройти куда-то было сложно даже в галошах. Ходьба после дождя в какой-то степени напоминала балет, но часто и это не помогало, потому что галоши застревали в грязи, и их нужно было доставать, пачкаясь, конечно, ещё больше... Часто не было электричества, и свечи, керосиновые лампы всегда были под рукой. Голову часто мыли с керосином - против вшей. Этот запах я запомнил на всю жизнь. От простуды и других болезней ставили банки, след от которых на спине оставался довольно долго. Мылись не чаще одного раза в неделю - это отнимало много времени. Рубашки меняли, когда воротник был откровенно грязным.

Но земля была хорошая, и всё росло без удобрений. Овощей и фруктов было много. Везде росли яблони, груши, вишни, сливы. Все на зиму варили варенье, солили огурцы и помидоры - это была главная еда зимой. У каждой семьи был сарай с погребом, где зимой хранилась картошка. На лето приезжали семьи из Ленинграда и Москвы, чтобы подкормить детей овощами и фруктами. Одежды почти не было - только на одну смену. Мебель была самая примитивная и очень старая. На Новый год нам давали подарок, в котором был один апельсин, немного дешёвых конфет и печенье. Мы ждали этот подарок целый год. А дома мама делала винегрет. Но это было только один раз на Новый год. Иногда за пятьдесят копеек мне покупали пончик с повидлом, но это уже был деликатес. Как добывали мясо, выстаивая в очередях на базаре по два, а то и три часа - это другая история.

Недалеко от нас жил первый секретарь обкома партии. Его особняк и большой участок земли были огорожены высоким забором. Секретаря круглосуточно охраняла милиция, и о контакте не могло быть и речи. Это была другая, неведомая нам жизнь.

В 1953 году началась новая антисемитская кампания, так называемое «Дело врачей». Врачей, по национальности евреев, обвинили в целенаправленном отравлении руководителей страны. В Сибири и Казахстане уже началось строительство бараков для евреев из Москвы, Ленинграда, Киева и др. Тщательно готовилось грандиозное преступление - ссылка целого народа. У товарища Сталина и НКВД был огромный опыт по выселению и уничтожению народов: немцы, крымские татары, чеченцы, а теперь - евреи. К счастью, товарищ Сталин умер, и операция по

уничтожению евреев захлебнулась. Символично, что Сталин умер в день еврейского праздника Пурим.

В связи с кампанией папу уволили с работы без объяснения причин. Семья жила на зарплату мамы. Зарплата была маленькая, и прожить на неё было невозможно. Помогал папин брат - дядя Володя. Дядя Володя служил в погранвойсках на острове Сахалин, и до него ещё не добрались. У него была семья: жена тётя Сима и двое мальчиков - Феликс и Игорь. Они были моего возраста: Феликс 47 года рождения, Игорь 50. Я их увидел впервые только когда был во втором классе. Тётя Сима умерла очень рано в возрасте 37 лет, и я видел её только один раз.

Папу взяли на работу только через год после смерти Сталина. Ему помог хороший человек по фамилии Зверев. Он занимал большую должность в профсоюзе и помог папе - устроил его мастером на открытый карьер в селе Стрижевка недалеко от Винницы. Семья начала приходить в себя.

Я пошёл в школу. Это была небольшая средняя школа N 7. Она располагалась недалеко от дома, где мы жили. В первые годы мы учились в две смены, что было неудобно всем. Потом школу достроили, и вторая смена исчезла.

Во втором классе мама купила мне на июль путёвку в санаторий в Одессе. Я был очень худой и болезненный, у меня часто, бывала гнойная ангина. Жизнь в подвале совсем не укрепляла мое здоровье. Предполагалось, что морской воздух поможет мне. Мы с мамой поехали в Одессу на поезде, а с вокзала я первый раз в жизни ехал на троллейбусе, все время ожидая встречи с морем. И, наконец, оно показалось и поразило меня на всю жизнь. Вода завораживает меня, и я впадаю в транс, из которого не хочется выходить. Я и сейчас часами гуляю у моря и мечтаю. Для меня это какая-то тайна, которую, может быть, мне никогда не разгадать. Я не поправился в Одессе - кормили плохо и никто за нами не смотрел. Но маме отсылали бодрые письма и, когда она приехала через месяц меня забирать, я был грязный и худой, но море я полюбил на всю жизнь.

У моей мамы была сестра - тётя Рива, а у неё был муж дядя Айзек. Дядя Айзек был из богатой семьи - из Жмеринки. Он ненавидел Советскую власть всей душой. Его происхождение, по понятным причинам, скрывалось. Мне он много рассказывал о своей жизни до революции, и это было интересно.

У них было двое детей: старшая Рая и младший Саша. Оба они учились хорошо и после школы уехали учиться в Москву. Москва для меня была, как

другая планета. Помню, когда Рая привозила из Москвы сливочное масло, я с большим восторгом смотрел на него: на бумаге, в которую было обернуто масло, было напечатано, что оно изготовлено в городе Москве.

Когда они приезжали на каникулы, а потом в отпуск, я старался всё время быть у тёти Ривы. Особенно, когда приезжал Саша, так как Рая была старше меня на 12 лет, а Саша только на 7. Он был близким мне человеком и мне казалось, что это на всю жизнь. Увы, опасно планировать человеческие взаимоотношения на длительный период.

Саша был умным и грамотным парнем. Он привозил новости из столицы, очень много читал. Он оказал на мое мировоззрение в тот период огромное влияние. Я всё впитывал, как губка, и иногда это проявлялось в школе. Многие вещи я уже видел по-другому. Бедная Нелла Бенционовна - наш учитель истории. Я задавал ей очень неудобные вопросы, на которые в то время она не могла ответить. Например, я спросил ее о Павлике Морозове - официальном герое молодого поколения, который донёс на отца в НКВД. Мне были непонятны два момента: мог ли Павлик в 8 лет разбираться в политике и решать, кто прав, и как можно было донести на отца? Чему нас учат? Она стояла с покрасневшим лицом, и в её глазах я видел ужас. Что можно было требовать от неё? В силу моего очень юного возраста я не понимал огромной опасности моих вопросов. Уже гораздо позднее я узнал, что пойти в НКВД Павлика подговорила мать, потому что его отец от неё ушёл. Это была месть - и только, Павлик был маленьким мальчиком и ничего не понял - просто послушал маму. А корреспондентом, который описал этот «героический поступок», был молодой журналист Суслов, да-да, тот самый, будущий главный идеолог Коммунистической партии. А о дикой жестокости чекистов, которые арестовали всю родню отца и заставили их копать себе могилу, а потом всех расстреляли и бросили в эту могилу, молодой журналист не написал.

Или Бородинская битва, где русские войска потерпели поражение от французов и отошли, сдав второй по значению город Российской империи - Москву. Почему мы празднуем победу под Бородино? Таких вопросов было много, я всех уже и не помню. К счастью, всё обошлось для нас с учительницей.

Я много читал - даже трудно определить чёткую тематику. Читал всё, что попадало под руку. Читал Толстого, Достоевского, Бунина, Куприна, ну и, конечно, французских писателей: Мопассана, Бальзака, Дюма. Дюма мне нравился больше всех. Очень хорошо его было читать ночью - оставаясь с его

героями наедине. Можно было мечтать о смелых и честных друзьях, прекрасных женщинах и прочем. Всё это было очень далеко от реальной жизни, но помогало днём выживать.

В 1959 году папе дали двухкомнатную квартиру на втором этаже двухэтажного дома. Вселялись все ночью, за день до официального разрешения, так как боялись, что кто-то заселится в наши квартиры самовольно, это было вполне вероятно. Теперь у нас была газовая колонка и туалет в ванной комнате. Наконец-то не нужно было каждую неделю ходить в баню (место, где можно помыться горячей водой) и стоять часами в очереди. Трудно передать это счастье.

Но школа от нашей новой квартиры была далеко, приходилось ездить на троллейбусе, а потом ещё идти пешком.

В старших классах я выглядел моложе своих лет и не имел опыта общения с девушками. Все это затрудняло попытки сближения. Девушки, конечно, это чувствовали и не шли на контакт. Пришла первая любовь. Она была платоническая, я думаю, что Лора из старшего класса даже не догадывалась об этом. Но я чувствовал, что моё время ещё впереди.

Вот три картинки событий из моей жизни, чтобы почувствовать воздух того времени.

Дедушка Эршале (наши семьи познакомились в Узбекистане и подружились) рассказывал мне о Голодоморе на Украине. Войска окружили город и не впускали голодных крестьян, у которых отобрали пшеницу. Некоторые от отчаяния пытались прорваться, но были убиты, а многие умирали возле солдат. Были случаи людоедства.

В школе нам задали выучить наизусть сцену дуэли Онегина и Ленского из «Евгения Онегина» Пушкина. Была суббота, жаркий полдень давил на мозги, вызывая сонливость. Я пытался запомнить стихи, а в соседнем доме в это время была свадьба: проститутка Людка третий раз в свои 23 года выходила замуж. Все в соседнем дворе уже изрядно выпили и начали танцевать под духовой оркестр. В нашем дворе резали свинью, которая отчаянно сопротивлялась, издавая дикие звуки. В это время я старался запомнить сцену дуэли. У меня ничего не получалось, так как в тот момент, когда Евгений Онегин стал поднимать пистолет, свинья с громким визгом вырвалась и стала бегать по двору, а в соседнем Людка в очередной раз прощалась с девичеством под духовую музыку и пьяные крики гостей. Визги свиньи чередовались с низкими звуками духовых и дуэлью. Всё это

создавало хаос в моей голове, и память отказывалась работать. Моя встреча с прекрасным произошла в неподходящее время.

В соседнем доме жили три проститутки, но отношение к ним было нормальным - никто их не осуждал, ну, они выживали, как умели, но все помогали друг другу, и взаимоотношения были человеческие.

Я часто беседовал с дядей моих друзей. Он был старым интеллигентом. Надо сказать, что в Виннице многие интеллигентные евреи носили нижнее бельё. Может быть, это была защита от насморка, который свирепствовал на территории Украины, не знаю. Даже летом в 30-ти градусную жару он под пижамой носил кальсоны. Я об этом догадывался по длинным веревочкам, которые свисали из-под пижамы. Он рассказывал мне о своем участии в штурме Зимнего дворца в ноябре 1917-го года, но совсем не так, как это описывала официальная история.

Он тогда был студентом Петербургского университета и, проходя мимо Зимнего дворца, увидел группу вооружённых людей, которые ворвались в здание. Предполагая, что эти люди пришли грабить царский дворец, он решил присоединиться к ним и взять что-нибудь тоже. Ему удалось схватить в ванной комнате красивое полотенце, но подбежавший вооруженный матрос отобрал его и спрятал под тельняшкой, воровато оглядываясь, очевидно, он хотел сохранить полотенце для будущего музея Революции. Поняв, что здесь опасно и грабят профессионалы, дядя быстро ушёл, но от революции у него осталось очень неприятное впечатление, и оно не изменилось в течение всей его жизни.

Параллельно с общеобразовательной школой я учился в вечерней математической, так как поставил себе цель поступить в МГУ на мехмат. Вел её Сергей Сергеевич Яровой. Ходил туда с большим удовольствием, так как Яровой был очень талантливым математиком. От него я научился смотреть на математику как на искусство. Важно было не только решить задачу, но и сделать это красиво и элегантно. Единственным недостатком Сергея Сергеевича было пьянство - этот всенародный бич. После курсов я ещё занимался дома до двенадцати часов ночи. И так каждый день - три года. Временами мне казалось, что мехмат достижим. Из нашего класса я один собирался в Москву. Большинство даже и не думало куда-то уезжать. Все старались поступить в Виннице. Это было понятно и удобно. Было откровенно страшно ехать в этот огромный незнакомый город.

Но была ещё одна серьёзная причина. Лидер нашей страны Никита Хрущев несколько лет назад принял решение увеличить длительность учёбы

в школе. Теперь мы были должны учиться на один год больше, то есть, вместо десяти классов - одиннадцать, - для приобретения производственной специальности. Для мальчиков в нашей школе была одна специальность - столяр. Идиотизм этого решения я даже не обсуждаю, но мы потеряли на этом год жизни. И вот через три года правительство решило вернуться к старой системе десяти классов, в результате получилось два выпуска в один год. То есть, конкурс при поступлении увеличился в два раза. Значит, вероятность поступления в институт уменьшилась в два раза.

А я думал только о Москве. Жизнь в Виннице была мне не интересна, да и авантюризм подталкивал рискнуть. Самое страшное для меня было - попасть в армию. Жить по приказу - невыносимо, да и терять два года жалко, тем более, что один я уже потерял в школе.

В Виннице коррупцией, антисемитизмом был пронизан даже воздух. Эта среда выталкивала мою субстанцию - они не могли сосуществовать вместе. Мне тогда казалось, что в России всё гораздо лучше и честнее. Я должен был получить медаль, но преподаватель украинского языка и литературы Понз Тадей Андреевич ставил мне оценки на один бал ниже, чем другим, а мне нужна была пятёрка. Он объяснял мне это тем, что у меня плохой вкус. Я чувствовал, что он ненавидит меня физиологически. Тем не менее, я подошёл к нему и сказал, что из-за него я не получу медаль (медаль позволяла сдавать только два экзамена вместо пяти при поступлении в институт). Он ответил, что если я сдам ему выпускной экзамен на пятёрку, то он поставит мне пятёрку в аттестат. Я хорошо подготовился и сдал на пятёрку, но в аттестат он поставил четвёрку, и я остался без медали.

Я хорошо знаю историю Украины, начиная с героя-бандита Богдана Хмельницкого, который уничтожил около 250 тысяч евреев, и кончая Симоном Петлюрой и расстрелом евреев украинцами в Бабьем Яру. Разве кто-то покаялся хоть раз? Любить Украину мне было не за что. Да и не случайно массовый исход евреев из СССР начался именно с Украины.

Глава 3

Иногородний студент

И вот, наконец-то, поезд в Москву тронулся, и я поехал навстречу своей мечте, которую, надо прямо сказать, представлял довольно смутно. Моей мечтой был мехмат МГУ - элитный факультет страны. Но туда очень редко брали евреев, а в этот год выпускались 10 и 11 классы вместе, то есть, никаких шансов. Надо было посоветоваться с братом.

Встречали меня Рая и Саша. Рая работала в Москве, а Саша в 2-х часах езды от Москвы на автобусном заводе в городе Ликино-Дулево.

Москва меня ошеломила и оглушила: огромное количество людей, зданий, транспорта. Ты никто и ничто. Количество людей просто подавляло. Как жить и выжить в этом Вавилоне?

Мы решили не терять времени даром и сразу поступать в Автомеханический институт, который закончил мой брат шесть лет назад. Я автомобилями не увлекался, но автомобильный факультет был модным, а других предложений не было. Моя будущая специальность была - конструирование и испытание автомобилей. Конечно, это не мехмат, но в любом варианте - это лучше армии. На время подготовки и сдачи экзаменов институт давал общежитие, куда мы и поехали прямо с Киевского вокзала. Но почему-то общежитие для абитуриентов временно организовали в одном из учебных зданий в корпусе на Дубровской улице. Увы, условия были плохие. В аудиториях установили по двадцать кроватей и тумбочек. Это было всё. Столы и стулья отсутствовали. Вопрос с едой был непонятен. Заниматься было невозможно.

Мы решили, что на время подготовки и сдачи экзаменов мне надо ехать к брату в общежитие в Ликино-Дулево. У него в комнате ещё был один человек, но жил он там непостоянно, так как был женат и часто уезжал к жене. Павел был умный тридцатилетний мужик с хорошим чувством юмора, но запойный.

После приезда мы поели и легли спать. День был очень тяжёлый и полный впечатлений. Ночью я почувствовал некоторое неудобство. Как будто все тело чешется. Не выдержал, встал и включил свет - в кровати было до тридцати каких-то жучков. Некоторые из них ползли по потолку, а затем падали в кровать. Я не понимал, что происходит, и разбудил брата, он сказал,

Мне 22 года

что это клопы, и тут же спокойно заснул. Я их перебил, но спать уже не мог. Так начиналась моя жизнь в России. Прожил я в Ликино-Дулево около полутора месяцев.

Город был известен производством фарфора, ткацкими фабриками, которыми до революции владел Савва Морозов, а также крупнейшим в Европе автобусным заводом. В реальности это были 3-х- 5-ти этажные дома серого цвета, расположенные, в основном, вдоль шоссе. Один кинотеатр и несколько продуктовых и винных магазинов. Кормились огородом и колбасой из Москвы. Несколько столовых, которые в народе называли «рыгаловками», понятно, что это название отражало качество еды.

Мне казалось, что даже воздух был серым. Пьянство было главным занятием населения после работы. Пили много и с большим знанием предмета. Думаю, что город бережно хранил славные традиции Саввы Морозова.

Как говорил английский писатель Бернارد Шоу: **«Алкоголь – это анестезия, позволяющая перенести операцию под названием жизнь.»**

Мой брат был симпатичным и умным мужчиной 26 лет, с высшим образованием, хороший инженер, его ценили на работе. По вечерам он много и вдумчиво читал: Толстого, Достоевского, Куприна, Пруста и т. д. Но в какой среде он жил, кому были интересны его размышления? Главным смыслом бытия было выпить и забыться. И он потихоньку начал выпивать. А ещё страшнее было попасть в какую-нибудь Татарию или Моршанск. Интересное будущее для меня в 18 лет - не правда ли?

Так жила практически вся страна - за редким исключением. А если ты не хочешь так жить, то ты выродок и тебя начнут травить, пока ты не сопьёшься или погибнешь - ты должен быть рабом. Это условие, при котором ты можешь дышать, потому что жизнью это назвать нельзя. Можно, конечно, любить джаз, читать книги, но от контроля парткома, месткома, общественности тебе не уйти. Ты должен жить по их правилам или погибнуть. Твои программы должны приспособиться, или среда тебя уничтожит. Миллионы одаренных людей были убиты, сгинули в лагерях, были уничтожены другими способами, но самым массовым уничтожением было спаивание, тем более, что традиций было не занимать. Конечно, москвичам было легче: большее количество рабочих мест давало некоторую свободу выбора, да и театры, музеи помогали, но три-четыре города на всю огромную страну - очень мало.

На экзаменах я получил максимальные оценки, сказались подготовка к МГУ. Я, конечно, очень радовался оценкам, но еще больше радовался за родителей, когда после каждого экзамена посылал телеграмму с оценкой. Их жизнь была тяжёлой и безрадостной, в основном, это было выживание. А то, что сын в самой Москве получал самые высокие оценки на экзаменах, наверное, было счастьем для них. Это было для меня огромным удовольствием.

Но, как выяснилось, приятные события на этом закончились. Я уехал домой в полной уверенности, что всё хорошо, так как мои оценки были намного выше проходных - максимальные. После отдыха у родителей я вернулся в Москву. Первым делом я поехал в институт, чтобы определиться, в какой я автомобильной группе - их было три, и в какое общежитие меня поселят - их было два. Но в списках всех трёх групп я себя не нашёл и начал волноваться. Проверил ещё пять раз и не нашёл опять. Ничего не понимая, я стал смотреть списки на автотракторный факультет и сразу себя нашёл. Я пошёл к декану факультета узнать, почему произошла эта ошибка. Декан - Иван Александрович Левин - был импозантным седым красавцем - мужчиной. В реальности оказался хорошей сволочью и подлецом. Иван Александрович заявил мне, что ошибки никакой не произошло, а просто он решил усилить мной тракторную группу. Я спросил его, почему он не поговорил со мной - это моя жизнь и моё решение. В ответ он сказал, что его тоже не спрашивали, когда послали с пулемётом воевать под город Ровно, я ответил, что сейчас войны нет. В ответ он сказал, что я слишком умный для своих 18 лет, и у него начинает складываться плохое мнение обо мне. И этот человек имел звание профессора. Что я мог сделать? Я решил, что начну учиться и буду искать другой институт. В дальнейшем меня перевели в автомобильную группу, где я учился с его сыном Сашей, нормальным хорошим парнем.

Но день не задался. После декана я пошёл к проректору института по хозяйственной части, чтобы получить ордер в общежитие. Пожилой седой человек ответил мне, что мест нет, и я должен жить на съёмной даче в Малаховке, это в тридцати минутах езды на электричке от Москвы. В этот момент к нему зашла женщина с сыном моего возраста и вручила ему бутылку коньяка. Проректор засуетился и спросил её, в какое общежитие она хочет устроить сына. Я спросил проректора, почему для меня места нет, а для этого юноши - есть. Вместо ответа он выгнал меня из кабинета. Мои университеты начались. Реальная жизнь вступила в конфликт с заложенными

в меня программами справедливости и добра и взяла за горло. Я не могу сказать, что был встречен столицей доброжелательно.

Дача в Малаховке оказалась в двадцати минутах ходьбы от электрички. Это была комната в старом доме. В комнате было ещё четверо ребят, такие же несчастные первокурсники, как я. У нас был один стол и одна большая лампа. Все удобства были во дворе, а за водой надо было ходить к колодцу. Я почти вернулся в свое послевоенное детство. Да, еще должен сказать, что хозяйка была больна туберкулезом, но мы об этом не знали и пили воду из одной кружки. Опять выживание. Некоторые ребята не выдержали и уехали домой. Добирались до института на электричке, метро и троллейбусе. На всё это уходило почти два часа в одну сторону. И это каждый день. Моя очень хорошая подготовка помогла мне выжить в этих диких условиях.

Вот как прошёл мой первый зачёт. Начертательную геометрию у нас преподавал профессор Гордон. Он был автором учебника, по которому училась вся страна. Это был маленький лысый человек с непропорционально большой головой. Ему было около 90 лет. Он играл в футбол ещё до революции. Вся лекция у него помещалась на одной доске. Начертательная геометрия мне нравилась, и я был одним из лучших на потоке. Зачёт - это был мой первый зачёт в институте - я пошёл сдавать без подготовки. Я начал быстро и уверенно отвечать на вопросы по билету, но вдруг заметил, что профессор спит. Я вежливо замолчал и стал ждать, пока он проснётся. Через десять минут он проснулся и зло сказал, что я ничего не знаю и он мною недоволен, но ему меня жалко, и он задаст мне несколько дополнительных вопросов. Я быстро ответил и получил тройку. Ну, не мог я сказать уважаемому профессору, что он проспал мой ответ. Все дополнительные вопросы были в билете моего друга Сергея, он их не знал и поэтому с большим вниманием слушал мои ответы, а потом повторил их профессору и получил пятёрку.

Никого не интересовали наши реальные условия жизни. Надо было что-то делать. Я написал проректору письмо от имени хозяйки, что она больше не хочет предоставлять мне жильё. Она была неграмотна и поставила крест вместо подписи. С этим письмом я пришёл к проректору и сказал, что меня выгоняют. Он тут же выписал мне ордер в общежитие на улице Стромынка. Конечно, я переживал из-за письма, но с системой нужно бороться по её правилам или уезжать домой. Моё программное обеспечение приспособилось к окружающей среде и действовало по правилам среды.

Я поехал в общежитие, ещё не веря, что у меня что-то получилось и я буду жить в нормальных условиях. Однако система не хотела сдаваться, и поединок продолжился. Я пришёл к коменданту и показал свой ордер с номером комнаты. Она не возражала, и я пошел в свою комнату, но радость была преждевременной. Комната была чистой и светлой, но все кровати были заняты, и на моё заявление, что у меня ордер, мне ответили, что я могу его успешно использовать в туалете. Я вернулся к коменданту, ничего не понимая. Она мне тогда сказала: «Сынок, у нас, как в джунглях - иди по комнатам и сам найди себе место». Я пошёл и в одной из комнат увидел свободную кровать. Я тут же лёг на неё. Минут через тридцать в комнату заглянул молодой парень и показал мне ордер. В ответ, опираясь на предыдущий опыт, я ему подсказал, как этот ордер эффективно использовать. Он ушёл. Это был Илья, с которым мы потом подружились.

Что представляло собой Стромьинское общежитие. Это здание было между парком Сокольники и Преображенской площадью, около реки Яуза. Напротив здания располагался сумасшедший дом, и из наших окон был виден двор, по которому гуляли больные. Чуть дальше была знаменитая тюрьма «Матросская тишина». Здание Стромьинского общежития было большое. Во время войны в глубине двора расстреливали людей. Всего в общежитии жили примерно пять тысяч студентов из десяти вузов. Мужские и женские комнаты чередовались без всяких правил. На этажах были кухни и туалеты. Через дорогу располагались баня и гинекологическая больница, а также магазин «Диета», где всегда можно было купить спиртное. В каждой комнате было по пять кроватей. После Малаховки мне это казалось райским уголком.

Первую ночь в общежитии я провел напряжённо, так как мой сосед-дипломник привел девушку. Оба были пьяны ужасно. Они тут же начали заниматься сексом буквально в метре от меня. Спать, конечно, я уже не мог. Мое программное обеспечение было на пределе.

В комнате жили пять человек. Двое были обычные пьяницы из Московской области, но положительным моментом было то, что на выходные они уезжали домой. Ещё один - Николай - был из Архангельской области. Высокий, симпатичный молодой парень. Учился хорошо, но был жутким эгоистом и презирал людей. Четвёртый, Саша, был из Саратова, учился так себе и был никакой. Практически никаких общих интересов у нас не существовало. Но моя жизнь стала намного интереснее. В огромном студенческом общежитии встречались разные люди, иногда очень умные.

Жизнь в общежитии оказала на меня огромное влияние, расширила мое знание и понимание жизни и людей. Ведь я был провинциальным мальчиком, не знающим реальной жизни. И здесь шаг за шагом я её познавал без чьей бы то ни было помощи. Временами это было очень больно.

Здесь я познакомился с произведениями Булгакова, Пруста, Катаева, Алешковского, Фрейда, Фромма и т.д. Впервые познакомился с музеями, живописью, чтобы уже никогда с ними не расставаться. Студентки из Историко-Архивного института Лида Александрова и Оля Родикова познакомили меня с русскими музеями в Загорске, Суздале, Владимире и т.д. Я впитывал это, как губка. Живопись Коровина, Бакста, Врубеля, художников Серебряного века любима мною и сейчас.

Но, что интересно, мой брат Саша был поклонником русских церквей и музеев тоже. И, как мне кажется, русские церкви и музеи вошли в его кровь и стали как бы частью его. Мне это было всё очень интересно, но это была не моя история, и я на неё смотрел со стороны, а он нет.

Студентки очень старались, чтобы это стало моим. Мне временами казалось, что ещё чуть-чуть - и это может стать моим, но нет, это была не моя история. Два события окончательно помогли определить моё понимание и мою принадлежность.

Фильм Андрея Тарковского «Андрей Рублёв» оказал на меня огромное влияние в плане понимания русского характера, психологии людей, мотивации их поступков и, наконец, дикую жестокость даже по отношению друг к другу. Тарковский помог мне понять, что это не моя история.

Другим поворотным моментом была война в 1967 году между Израилем и арабскими странами. Израиль одержал блестящую победу, несмотря на колоссальное численное превосходство арабских армий и огромную помощь Советского Союза арабам. Это была даже не помощь, это было участие. Как беззастенчиво врала Советская пресса - это отдельная история. Всю реальную информацию мы могли узнать только ночью через радиоканалы «Голос Америки», «Свобода», «ВВС».

И, несмотря на гигантский перевес в численности, вооружении и прочем у арабов, евреи победили. Это была огромная радость для меня. Чувство национального самосознания и гордости за свой народ были огромны. Эти события останутся в памяти на всю жизнь. Сколько я себя помню, нас унижали, показывали, что мы трусы, люди второго сорта - ан нет,

совсем даже наоборот. Никогда ещё я себя так хорошо морально не чувствовал.

После окончания войны, в сентябре был ежегодный еврейский праздник Симхас Тора. В Москве еврейская молодёжь пришла в синагогу в переулок Архипова. Нас было очень много, может быть, тысяч десять. Ещё никогда в истории СССР еврейская молодёжь не собиралась в таком количестве. Это был огромный праздник победы и национального самосознания. КГБ снимал нас на плёнку, а нам было всё равно - у нас был большой праздник.

В фильме Тарковского “Солярис” под музыку Баха показывают картины замечательного художника Питера Брейгеля-старшего. Благодаря ему я смог глубже понять и почувствовать время инквизиции и, соответственно, советской власти. И чем больше я читал и познавал историю, тем большее отвращение питал к этому тоталитарному государству. Параллели с инквизицией были слишком очевидны. Кстати, Андрей Тарковский, талантливейший режиссер, был вынужден эмигрировать. Система не давала ему нормально работать.

История государства Российского - это история богатейшей в мире по природным ресурсам страны и беднейшего населения, которое погрязло в предательствах, убийствах, воровстве и пьянстве. Всё это продолжается и по сей день. Вот такие невесёлые рассуждения.

По гуманитарным предметам я экзамены никогда не сдавал, так как за активность на занятиях мне ставили пятёрку ещё до экзаменов. Но об одном случае я хочу рассказать.

Политическую экономию у нас вела профессор, которая вступила в Коммунистическую партию по ленинскому призыву ещё в 1924 году. На одной из лекций она объясняла нам различие целей капиталистической и социалистической экономик. Оказывается, что при капитализме из рабочих машины высасывают все соки, а при социализме машины помогают рабочим. Я встал и попросил профессора объяснить мне это утверждение на конкретном примере: на итальянском заводе ФИАТ машины высасывают из рабочих все соки, но нашим рабочим, которые работают на тех же машинах, купленных в Италии для Волжского автозавода, они помогают. Нет логики. В зале засмеялись. Профессор тут же сказала, что я рассуждаю, как троцкист. Я попросил её не вешать мне ярлык, а ответить по существу вопроса. Увы, ответить она не смогла, но в конце семестра поставила мне пятёрку до экзамена.

Учиться я стал немного хуже, потому что на все мои новые увлечения уходило много времени, а остановиться я уже не мог, да и не хотел.

Соседи по комнате были очень далеки от всего этого. Они не понимали, почему я не пью, хожу по музеям, а ночью читаю малопонятные им книги. Мы были абсолютно чужими, чего я не мог сказать о некоторых студентках из Историко-Архивного института.

Конечно, были и серьёзные отношения, но я бы не хотел это описывать, так как боюсь быть необъективным и кого-то обидеть, но хотел бы порассуждать о любви. Что это такое? Как объяснить это явление? Откуда оно пришло? Конечно, это только попытка одного человека понять и не более того. Это явление затрагивает практически всех людей.

Зигмунд Фрейд задавал вопрос: «Почему определённое сочетание жировых клеток одной женщины мне нравится больше, чем другое?» - опять запрограммированная субстанция?

Известный советский генетик Эфроимсон примерно так отвечал на этот вопрос. Много веков назад между мужчиной и женщиной никакой любви не было. Племена жили беспорядочными половыми отношениями, а дети были общими. Но венерические болезни стали быстро распространяться и убивать всех подряд. У детей были тоже серьёзные проблемы: никто персонально за ними не смотрел и, как следствие этого - огромная смертность. Проблема была в том, что, если не придумать связку между мужчиной и женщиной, а также персональную ответственность за детей, то люди довольно быстро исчезнут. Тогда-то Создатель и ввел в программное обеспечение связку между мужчиной и женщиной, которую мы называем любовью и соответственно, заботу родителей о детях. Я с этим согласен, но в те же времена у большинства животных существовала ответственность за детёнышей - почему это не было использовано для людей? Возможно, была попытка создать новую программу? Ведь на развитие потомства у людей уходит гораздо больше времени.

Очень интересны рассуждения писателя Михаила Зощенко о механизме любви. Он рассматривает любовь как вирусную болезнь. Вирус поражает женщину и мужчину. Человек вдруг перестаёт адекватно воспринимать реальную действительность. Женщина (мужчина) начинает постоянно думать о другом, не может нормально работать. Недостатки партнёра исчезают - он становится идеальным. Все признаки болезни очевидны. Но сколько времени вирус может быть в человеке? В том-то и дело, что по-разному. Бывает, всю жизнь, а бывает, что и нет. Да и партнёров

двое, и продолжительность действия вируса может быть разная. Через год встречаешь любимого в прошлом человека и не понимаешь, что ты в нём нашёл, почему так страдал и т.д.

Лев Толстой в повести «Крейцера соната» говорит, что если можно полюбить только одного, то как его встретить? Это всё равно, что искать иголку в стоге сена. Одного мужчину могут окружать максимум 100-150 женщин и наоборот, из миллиардов на земном шаре. А он реально может выбирать только из 100-150, ну, ещё добавим две тысячи случайных знакомых - и все. Вероятность равна почти нулю. Что это за программа, как она работает? Почему часто даёт сбой? А геи и лесбиянки - это что? Одни вопросы без ответов.

Общежитие, институт, общежитие и так в течение минимум пяти лет. Вот один из многих случаев. В моего соседа из Архангельска влюбилась девушка Таня - вирус сделал своё дело. Она была не очень красивая, но умная и образованная. У неё были две особенности: она была москвичка и её папа был крупным дипломатом. Коле всё это льстило, но недолго. Она, очевидно, полюбила и поэтому проводила много времени в нашей комнате. Но Коле она надоела, и он решил разорвать с ней отношения. И вот один раз я, как обычно, пришёл из института и застал в комнате совершенно пьяную девушку. Таня, уже вся в крови, лезвием бритвы резала вены у себя на руке. Всё это выглядело ужасно. Я подбежал к ней и забрал лезвие. После этого постарался остановить кровь и позвонил её отцу. Он немедленно приехал к нам, очень взволнованный, и быстро её увёз. Больше я никогда её не видел. Если бы я пришёл на полчаса позже, то кто знает, что бы случилось с Таней и с нами. Кто стал бы разбираться? Коток системы раздавил бы нас безжалостно, обвинив в чём угодно. Были и другие случаи.

Вообще, общежитие - это место, где много разных людей вынуждены жить вместе, даже если они совершенно не совместимы. А в комнате пять совершенно разных людей, которые по необходимости проводят массу времени вместе, часто ненавидя друг друга. И так все пять лет. Такая жизнь уродует людей, их здоровье и часто делает безразличными и бесчувственными - иначе не выжить. В СССР в общежитиях проживали миллионы людей, часто всю жизнь, даже семьями. Кто о них думал? Системе было легко контролировать их, потому что они всё время на виду, а доносы были очень популярны.

В Московском Автомеханическом институте была военная кафедра, которая выпускала офицеров по ремонту автотракторной техники. После

четвёртого курса нас направили на месяц в Таманскую дивизию. После этого нам должны были присвоить звание лейтенанта. Таманская дивизия - одна из самых известных. Она располагалась в Алабино - в пятидесяти минутах езды от Москвы - и часто играла не последнюю роль в кремлёвских интригах. И ещё, она считалась образцово-показательной. Например, мы видели, как к приезду министра обороны маршала Гречко солдаты красили зелёной краской выгоревшую траву. Видел, как командир полка бил солдата стеклом по лицу. Конечно, мы были не солдаты, но один месяц мы жили в казарме, и ощущения были не из приятных. Это была незнакомая среда, и надо было в ней жить, а рецепты, как поступать в каждом конкретном случае, иногда приходилось придумывать моментально.

Нам объявили о стрельбах из пистолета Макарова. Погода была отвратительная. Моросил дождь, и дул сильный ветер. Вокруг образовалось много луж. Руководил стрельбами подполковник Авдеенко - мой враг на военной кафедре, который ненавидел меня на животном уровне. Этот месяц был удобным случаем для него поиздеваться. Попасть в мишень было объективно трудно. Первая группа не смогла попасть. Вторая стреляла немного лучше. Я был в третьей группе. Надо сказать, что в школе я занимался стрельбой из пистолета, и у меня был первый разряд. Я сначала целился в соседнюю мишень и ждал порыва ветра. Когда ветер сносил мою руку к моей мишени, я стрелял. Ничего лучшего я придумать не смог. Подполковник увидел это и остановил стрельбы. Указав всем на меня (нас было триста человек), он сказал, чтобы все посмотрели, как стреляет этот мудака и добавил еще несколько матерных слов, явно торжествуя. Тогда я направил на него пистолет (он был без патронов) и попросил его повторить, что он сказал обо мне ещё раз, так как я не расслышал. Он перепугался и упал в лужу от страха с просьбой, чтобы я убрал пистолет. Я заставил его немного полежать в луже, делая вид, что плохо слышу. Это видели порядка трёхсот человек. После этого случая он обходил меня стороной. Если ты не предсказуем и способен на поступок, с тобой боятся вступать в конфликт, а по-русски - это уважение. Кстати, по результатам стрельб я занял первое место.

На занятиях по взрывам наш преподаватель решил для наглядности показать нам реально, как рассчитать необходимое количество тротила для взрыва бетонной плиты и определить направление взрыва. Мы вместе посчитали количество тротила, он показал, как определить направление взрыва и куда мы должны отойти для безопасности. Мы, человек 150,

отошли метров на 100 и стали ждать взрыва. Всё происходило довольно медленно, и от скуки все разбрелись в разные стороны. Майор поджёг тротил и отбежал от бетонной плиты. Очевидно, бетонная плита не знала точно расчётное направление полёта и полетела в нашу сторону с большим шумом. Она упала в то место, где мы должны были стоять, прямо в центр. К счастью, никого не задело. Майор был смертельно бледен, и его брюки были мокрыми. Всё произошло так быстро, что мы не успели испугаться.

За месяц доблестной службы я понял, что армейская служба совсем не для меня. Глубокая мысль маршала Жукова, что главное - это победа, а за ценой мы не постоим, так как бабы ещё нарожают, меня совсем не вдохновляла.

После месяца лагерей мы вернулись в Москву. В это время на советско-китайской границе всё ещё продолжался конфликт из-за полуострова Даманский. Надо сказать, что после арабо-израильской войны 1967 года я совершенно не доверял советским средствам массовой информации. Откровенное тотальное враньё, полная потеря объективности были поразительны. Это как же надо не уважать свой народ. Поэтому всем сообщениям с китайской границы я не доверял совершенно. Но, к сожалению, эти события коснулись и меня.

После окончания четвёртого курса и возвращения из лагерей нам объявили о возможном призыве в армию. Негласно сообщили, что этот призыв для Даманской кампании. У меня было много причин отказаться от этой «почётной» обязанности.

Самый главный аргумент - я был единственным сыном у родителей-пенсионеров. По закону меня не имели права послать в зону боевых действий, но кто в СССР исполнял законы?! Во-вторых, рисковать жизнью ради непонятных мне целей нашего правительства было для меня невыносимо. Я не считал себя идиотом, а они меня таковым - считали. В-третьих, я не был москвичом. Что это значит? Москвич после службы в армии мог вернуться в столицу и искать там работу. Я же не мог вернуться, а должен был сам устраиваться в этой огромной стране, непонятно как, компьютеров тогда не было, инженерного опыта нет, ну, и как искать работу, и где?

Всех блатных (детей разных начальников) освободили от призыва сразу и даже не пригласили на медицинскую комиссию. Система не стеснялась. От института отбором руководил «уважаемый» мною декан. Я попросил родителей прислать необходимые справки и документы. Они уже

потеряли дочь во время войны, и сейчас им предлагали рискнуть ещё раз. На медицинской комиссии меня признали годным. У отоларинголога я пожаловался на частые простуды горла, врач внимательно осмотрел горло и посоветовал мне удалить гланды. Когда я ему сказал, что мне их удалили в детстве, он покраснел, но написал «годен». У меня создалось такое впечатление, что, если бы я пришёл без ноги - всё равно написали бы «годен». Я ходил со справками в военкомат, но никто меня не слушал, а справки просто не брали и отказывались подшивать к делу. Ты животное, которое должно слушать и выполнять. Если не согласен, тебя уничтожат. По этой части опыт огромный. Казалось, что ничто меня не спасёт.

На митинге, посвящённом призыву, присутствовали человек двести студентов, а также представители института и военкомата Куйбышевского района города Москвы. Всех вызывали по очереди, и майор из военкомата поздравлял с призывом в армию. Дошла очередь и до меня. Меня вызвали, и я вышел. Майор поздравил и протянул мне руку. Но я ему свою руку не протянул, а спрятал её за спину. Этого он никак не ожидал и спросил, почему я не дал руку для рукопожатия. Я, так, чтобы все слышали, отчётливо сказал: «Я один у родителей-пенсионеров, а если меня там убьют, кто будет помогать моим пожилым родителям - Вы?» Гробовая тишина в зале, такого ответа никто не ждал. Меня попросили выйти, я повернулся и ушёл. Это была полная импровизация. Можете себе представить моё состояние. Это был вызов системе. Силы были явно не равные. Но, очевидно, Бог мне помог на этот раз. Они были обычными чиновниками и не хотели для себя возможных проблем, которые могли возникнуть у них в связи с моим отказом служить. Гораздо проще было вычеркнуть меня из списков и забыть, что они и сделали.

Через тридцать шесть лет после этого события я приехал в Москву и зашел в институт на свою автомобильную кафедру. Два профессора оказались моими хорошими знакомыми: мы учились в одной группе. Решили пообедать вместе и вспомнить прошлое. Один из них - Михаил Бирюков, наш отличник, вдруг вспомнил о моём поступке. Он сказал, что до сих пор не может его забыть, так как даже не мог предположить, что такой публичный отказ от службы в армии вообще возможен. Кстати, он тогда отслужил там два года.

Я перешёл на пятый курс и пришло время думать о дипломе и распределении. Распределение было очень важной проблемой, так как от этого часто зависела вся твоя дальнейшая жизнь. Дело в том, что тебя

распределяло государство, которое о тебе ничего не знало и могло тебя послать куда угодно. По существующему закону ты обязан отработать там три года и только после этого мог решать сам, что ты хочешь, но вопросы прописки резко снижали твою возможность передвигаться. Я уже не говорю об информации о работе и связи – телефон-автомат на улице. Поэтому к распределению все относились крайне серьёзно.

У мамы была приятельница, которая хорошо знала директора Винницкого подшипникового завода, его фамилия была Ткач. Она предложила сделать запрос на меня. В Винницу я возвращаться не собирался, но привычка отрабатывать все варианты сработала, и я получил этот запрос. Трудно было представить, что в действительности может произойти с тобой в этом тоталитарном государстве. Я полностью зависел от распределения, но никакой ясности не было. Очень интересная и познавательная жизнь заканчивалась.

Я любил живопись, проводил много времени в музеях, ходил в театры. Любил органную музыку, ходил в телевизионный театр на КВН, хотел организовать свою команду в институте, много читал. Обожал Булгакова, Бабеля и многих других. Я жил полнокровной жизнью, которая могла закончиться в один день решением чиновника, до этого времени даже не подозревавшего о моём существовании, и попасть в какой-нибудь Моршанск, где можно только любить нашу партию и спиваться. Некоторые мои знакомые из-за московской прописки женились или выходили замуж, но это было не для меня, несмотря на огромную привлекательность жизни в Москве.

На пятом курсе у нас был предмет - эстетика автомобиля. Преподавал этот курс профессор Андронов. Он был главным конструктором завода АЗЛК - производителя автомобиля «Москвич». На первой лекции он попросил поднять руки тех, кто был в Пушкинском музее. Из двухсот человек подняли руки человек 10. Тогда он предупредил, что будет принимать зачёт по музею. Я подошёл к нему после лекции, и мы немного поговорили о современных русских художниках. Он принёс мне фотографии картин некоторых, в частности, Ильи Глазунова, и пожаловался, что студенты в основном - абсолютно культурно безграмотны. Для меня это был праздник души. Но он был очень занятым человеком, и больше мы не общались до зачёта. Некоторые студенты всё-таки посетили Пушкинский музей. Ну, а остальных в коридоре перед комнатой, где Андронов принимал зачёт, я консультировал о картинах и художниках и, после этого, они входили в комнату и

рассказывали профессору о картинах и получали зачёт. Вполне естественно, что зачёт я сдавал последним. Профессор меня не узнал и строго спросил, был ли я в музее, и кто из художников мне понравился. Я сказал, что в музее я был, и мне понравились многие художники. Он решил, что я его обманываю и сказал, что зачёт мне поставить не может. Тогда я обиделся и стал рассказывать ему о каждом художнике в залах импрессионистов. Он меня вспомнил и очень извинялся, мотивируя тем, что студенты в большинстве абсолютно не культурные люди. После нашего разговора, он предложил мне идти к нему работать, что я бы сделал с большим удовольствием, но отсутствие московской прописки быстро расставило всё по местам.

Писать диплом я поехал в Ликино-Дулево на автобусный завод, где работал мой двоюродный брат Саша. Руководителем моей дипломной работы был доцент Николай Владимирович Диваков, человек умный, интеллигентный и, как оказалось в дальнейшем, ещё и порядочный.

Писал диплом я легко. Вечерами мы с братом жарили картошку и рассуждали о творчестве Марселя Пруста, Льва Толстого, и т. д.

По субботам и воскресеньям весь город пил и закусывал. Это было главное развлечение. Другим развлечением были поездки в Москву за колбасой. Я себя чувствовал, в отличие от брата, вписавшегося в эту жизнь, инопланетянином.

Власть насаждала какие-то принципы и идеалы, а вокруг пили и воровали, уже и не особо скрывая. Причём масштабы воровства впечатляли. Существовало даже такое выражение, что в СССР воруют больше, чем США производят. А у Михаила Жванецкого была фраза «Что охраняешь, то имеешь». Один раз я шёл вдоль ограждения завода, и возле меня упал переброшенный через стену задний мост автобуса, вес которого был больше тонны. И так везде. Какие уж тут идеалы. В Москве: Большой театр, Пушкинский музей, а в ста километрах - Средневековье. Как они уживаются вместе? Здесь всё, как у Ерофеева в повести «Москва-Петушки» и всё соответствует словам из песни Тимура Шаова «Товарищи учёные»:

**«Здесь эффективно действует один закон неписанный,
Закон большого Кукиша, дословно он гласит,
Что тело, погружённое в дерьмо по самую лысину,
Должно лежать, не булькая, и денег не просить.»**

Но приближалось распределение. Нам сообщили первые места для иногородних (как оскорбительно звучит «иногородние», как люди второго сорта»). И какое же везение: нам дали пять мест в Ленинграде на Кировский завод, который официально собирал тракторы, но основной его деятельностью было производство танков. Я первый побежал к декану Ивану Александровичу Левину (об этом «достойном» коммунисте я уже писал) и дал своё согласие. Это была, действительно, большая удача для меня. Я был счастлив, так как Ленинград, после Москвы - это лучшее предложение. Четыре остальных места взяли мои приятели, которых я убедил тоже ехать в Ленинград. Но это было предварительное распределение. Ожидалось, конечно, что всё пройдёт без проблем. Это было за месяц до основного распределения. Этот месяц был для меня удачным, я участвовал в технической конференции, писал диплом и мечтал подписать новое распределение, а впереди - новая жизнь.

Увы - не судьба. За два дня до распределения меня вызвал декан, всё тот же Иван Александрович. Он сообщил мне, что одно место в Ленинград забрали обратно в Министерство, и поэтому меня решили направить на новый завод КамАЗ в Татарии, который только начали строить, и строители жили в палатках. Я спросил его, по каким критериям убрали меня. У меня были лучшие оценки, и я первым согласился ехать в Ленинград. Он ответил грубо, что это не моё дело, и я должен ехать в Татарию. Я сказал, что его ответом не удовлетворён и в Татарию не поеду. В действительности всё было ясно. В Министерстве обнаружили, что я еврей, а на танковый завод посылать еврея нежелательно, и решили направить в любое другое место. В Советском Союзе нет антисемитизма, но он есть. Врут прямо в лицо, не стесняясь. Сволочная страна, которой доверять нельзя. Ничего не изменилось и сейчас, через много лет. Было очень больно от жуткой несправедливости. Моя программа опять вошла в конфликт со средой.

Я вспоминал слова Исаака Бабеля в рассказе «Как это делалось в Одессе»: **«Но разве со стороны Бога не было ошибкой поселить евреев в России, чтобы они мучились, как в аду? И чем было плохо, если бы евреи жили в Швейцарии, где их окружали бы первоклассные озёра, гористый воздух и сплошные французы? Ошибаются все, даже Бог».**

Что я мог делать реально? Сразу же после разговора с деканом я поехал в Ликино-Дулево, чтобы попытаться получить запрос от руководства автобусного завода, где я проходил преддипломную практику. У меня был только один день, и надежда была очень маленькая.

Вместе с братом мы пошли к начальнику отдела кадров, и он сразу же согласился написать запрос. Он знал меня немного и, видимо, я его не раздражал. Стало немного легче. Ликино-Дулево, конечно это «не Рио Де Жанейро», но всё-таки, это недалеко от Москвы, и рядом был близкий мне человек.

И вот наступил день распределения студентов пятого курса. В большой комнате расположились представители министерств и ведомств. Там же сидели: декан, заведующий кафедрой «Автомобили» - Фалькевич Борис Семёнович, кадровики. Сначала пошли все бластные. Их распределяли в Автоэкспорт, Министерство, оставляли в аспирантуре. Первым из иногородних по результатам успеваемости был приглашен я. Можно себе представить, что я чувствовал тогда.

Меня спросили, куда бы я хотел поехать работать. Я ответил - в Ленинград, так как на Кировском заводе есть четыре места, а я распределяюсь первым. После паузы мне сказали, что в Ленинград мест вообще нет. Тогда я показал и отдал секретарю запрос в Ликино-Дулево и сказал, что если мест в Ленинград совсем нет, то я согласен ехать работать на автобусный завод. Мне отказали сразу и даже не указали причину. Это было против всяких правил. Тогда я спросил, что они мне предлагают. И в ответ услышал: КамАЗ. Я ответил, что не хочу и не могу, так как много болею, а там еще завода нет и люди живут в палатках. Мне стали говорить, что тысячи комсомольцев по зову партии... Я перебил и сказал, что на КамАЗ не поеду. После этого мне предложили выйти в коридор и подумать. Я вышел, не понимая, почему меня не направили в Ликино. Через некоторое время стали выходить очень довольные мои товарищи. Они все пять, а не четыре, были направлены в Ленинград, а потом вышел ещё один студент, которого направили в Ликино по персональному запросу на меня. Это было уже откровенное издевательство. Люди системы решили раздавить меня. В конце распределения меня пригласили опять и спросили моего согласия на КамАЗ. Я, конечно, понимал, что они уже праздновали победу, но им ещё нужно было моё согласие. Я ответил, что поеду в Татарию, если ответят на мой вопрос. Они с радостью согласились, считая, что со мной всё уже кончено, и это агония. Тогда я попросил их объяснить мне, почему они сказали, что мест в Ленинград и Ликино нет, а, когда я вышел, мои друзья получили эти места. Правду ли они говорили мне, что мест нет? Ведь они коммунисты и обманывать не могут. Все замерли. Психологически они, конечно, не были готовы к такой наглости от мальчишки. Ведь право на

правду есть только у них - они хозяева. Я должен был сломаться и о чём-то попросить дрожащим голосом, а я пошёл ва-банк. После нескольких минут тишины они опомнились. Секретарь Управления кадров министерства вскочила и закричала, что они не обязаны давать мне отчёт в своих поступках. Тогда я ответил, что в таком случае, я тоже не обязан давать отчёт им о своих поступках и ушёл, не подписав ничего.

Меня догнал заведующий кафедрой Фалькевич. Он попросил меня подписать направление в Татарию, а он поговорит обо мне с директором завода, который был его учеником. Я ответил ему, что в Татарию я не поеду и ушёл. Мне было стыдно, что этот известный учёный, еврей - ничего не сделал, не возмутился и не поддержал меня на распределении. Было противно.

Впервые в истории института студент не подписал распределение. Это скандал, и очень опасный, уж очень пахло антисемитизмом, не так ли? Как писал Юрий Солодкин:

«Согнувшись в виде запятой,

Гонимые судьбой треклятой,

Мы все ходили под пятой

И под графой ходили пятой».

*

«Уже к кресту прибиты руки.

— За что, Отец мой?! — сын кричал.

Но обречён он был на муки —

В еврейке Бог его зачал.

*

Не по любви все люди братья,

Их ненависть теснее сплавивает.

Раскинешь руки для объятья,

И тут же гвозди в них вколачивают. >>

В этой ситуации мне даже посоветоваться было не с кем. Я пришёл к моему руководителю дипломной работы, рассказал ему всё, что со мной произошло и попросил его помочь мне подготовиться получше к защите диплома, потому что эта свора попытается взять реванш и завалить меня на защите диплома. Он всё понял и обещал мне помочь. Я уехал в Ликино, чтобы спокойно работать над дипломом, так как в общежитии меня бы быстро нашли, и Иван Александрович обязательно сделал бы какую-нибудь очередную гадость.

Через месяц я приехал в общежитие, и меня тут же вызвали к декану - им надо было что-то делать со мной. Они подготовили два варианта: запугать или купить. Иван Александрович по-деловому встретил меня и предложил два варианта: я подписываю направление, но уже в Тольятти, что считалось гораздо престижнее Татарии, или же он в течение тридцати минут собирает партком и комитет комсомола и меня исключают из комсомола. Я позвонил сестре и описал обстановку. Мы решили, что комсомол мне не настолько дорог - честь дороже. Я сказал декану, что он может собирать партком и комитет комсомола. Через тридцать минут пришло человек пятнадцать. Многие меня знали и были со мной в хороших отношениях, включая секретаря. Но дружба дружбой, а денежки врозь.

Я сидел в середине, а все мои, так называемые «товарищи» - вокруг.

Атаку начал декан. Он сказал, что я, комсомолец, не поехал по зову партии на новую стройку коммунизма. Обычный скучный шаблон. Затем слово дали мне. Я сказал, что не понимаю, почему меня сняли с Кировского завода и сказали, что мест нет, а потом все пять мест дали моим товарищам, а также в Ликино. Тем более, что это место я привёз сам для себя. Я попросил декана объяснить мне, почему это произошло. Я попросил декана ответить на мой единственный вопрос. Но вместо ответа меня обвинили в измене комсомольским ценностям. Одно вранье. Обстановка очень напоминала родной 1937 год. Те же приёмы, но времена уже были не те. Да, с моими боевыми товарищами я бы уже в разведку не пошёл: сдали бы меня сразу и без боя - настоящие комсомольцы, ну, и члены партии тоже.

В конце этой бессмысленной дискуссии меня спросили: подпишу ли я направление в Тольятти? Я ответил, что не получил ответа на свой вопрос, поэтому не подпишу.

Тут же единогласно решили рекомендовать комсомольскому собранию института исключить меня из комсомола. Я вышел в коридор, где меня догнал декан и опять предложил подписать, и я опять отказался. Никакого собрания не собирали, так как одно дело - несколько продажных комсомольских вожakov и членов партии, а другое дело - собрание из трехсот молодых людей, да и меня они контролировать не могли - мало ли куда занесёт.

Бедные мои родители!.. Я, конечно, ничего им не рассказывал, так как боялся, что сердце мамы просто не выдержит. Они ведь большую часть жизни прожили при товарище Сталине и хорошо представляли себе последствия.

Я стал искать другие варианты. Мой двоюродный брат Феликс был женат. У его жены Лены было три взрослых брата. Средний, Павел, предложил мне свою помощь. Он работал Главным инженером проектов в одном Конструкторском бюро Министерства транспортного строительства, которое располагалось в сталинской высотке на Лермонтовской площади. Он был хорошим и инициативным инженером с большими связями в Министерстве. Вместе с ним я пошёл к заместителю начальника отдела кадров Министерства Челнокову. Павел попросил его дать мне письмо - запрос в это Министерство, а оно распределило бы меня недалеко от Москвы. Челноков отказался это сделать, мотивируя, что ему это совсем не нужно. Тогда, разозлившись, Павел предложил мне пойти с ним к начальнику Главного управления строительных материалов Министерства Мохортову. Это была крупная фигура, но Павел был с ним знаком по работе. Через год Мохортова назначили начальником Главбамстроя, заместителем министра, а потом дали звезду Героя социалистического труда. Но это потом. Шансов было очень мало - зачем ему мои проблемы? Но была маленькая зацепка: он был цыган по национальности, то есть, кое-что в жизни он мог испытать. В СССР цыган, как и евреев, не любили и унижали.

Мы вошли в огромный кабинет, в котором сидел крупный немолодой мужчина. Павел сказал, что мы пришли за помощью, и попросил меня рассказать свою историю. Я рассказал всё как было, всю правду. Он выслушал, помолчал, а потом сказал, что поможет мне. По селектору он вызвал Челнокова и приказал сделать запрос на меня в Министерство

автомобильной промышленности. Последний, подобострастно улыбаясь, тут же составил запрос на фирменном бланке и расписался. Я не мог поверить, что всё успешно разрешилось. Увы, я недооценил систему и радовался слишком рано.

Я приехал в Министерство Автомобильной промышленности. Оно располагалось на Лубянской площади, напротив здания КГБ. В этом здании до революции находился публичный дом. Коридоры часто заканчивались тупиками, чтобы ревнивые жёны не могли найти своих неверных мужей.

Меня принял заместитель начальника Управления кадров министерства, фамилию его я, к сожалению, не помню. Он был на распределении у нас в институте и, конечно, запомнил мои «художества». Я вручил ему запрос и попросил отдать меня в другое министерство, которое предоставляло мне интересную работу. Он бегло прочитал бумагу и сказал, что никуда меня не отдаст, так как они очень нуждаются во мне. Это было наглое вранье. Я даже растерялся от неожиданности. Пожилой человек врёт мне в глаза без всякой совести. Он просто мстил мне за свой позор на распределении - это очевидно.

Но он должен был что-то сказать на прощанье, и он сказал, заранее уверенный, что это невозможно: «Вот если бы у тебя был запрос от подшипникового завода из Винницы, тогда всё было бы в порядке».

Но такое письмо лежало у меня в кармане пиджака, и я немедленно ему его вручил. У него был вид, будто его ужалила змея. Он этого совсем не ожидал и даже растерялся. Он смотрел на меня, как на исчадие ада. Наконец он пришёл в себя и сказал первое, что ему пришло в голову. Он сказал, что может решить этот вопрос, если письмо подпишет начальник отдела кадров Главподшипника некто Машков. Это было опять вранье, потому что Машков был его подчиненный. Я спросил номер комнаты, где работал Машков, он сказал: 651, и я побежал на шестой этаж. Комната оказалась на ремонте. В этот момент мимо пробежал невысокий мужичок, и я спросил его, как найти Машкова. Он сказал: «Я Машков». Я ему показал запрос, и он его подписал, не читая. Через две минуты я вернулся к заместителю начальника Управления кадров и показал подписанный Машковым запрос. Я думал, что у него будет инсульт или инфаркт, он весь стал красным и закричал: «Этого не может быть!» и стал звонить. Он ругал Машкова в трубку нецензурными словами, из которых я могу повторить только: «Коля, зачем ты ему (этому жиду) подписал, кто тебя просил, и т.д.» Прибежал взволнованный Машков и

с криком: «Ваня, я порву это ё..ое письмо» двинулся в моём направлении. Я успел спрятать письмо и приготовился к обороне.

Ну чем не Булгаков «Мастер и Маргарита»?

Ситуация была в высшей степени нелепой и безобразной, а создали её в высшей степени «достойные» люди, и я уверен, оба они были образцовыми коммунистами. Увы, это был ещё не конец. Наконец, они пришли в себя, и заместитель начальника сказал, что я ещё должен доказать, что мои родители живут в Виннице. Это была агония солидных мужей. Я показал им паспорт, где была Винницкая прописка, но и это их не удовлетворило. Они потребовали справку с печатью. Я сказал, что такую справку я привезу, но они подумали, что это уж точно слабо мне. Это ясно читалось на их лицах. А зря они мне не поверили. Когда меня пытались призвать в армию, мои родители такую справку, заверенную в милиции, сделали и мне прислали - кто мог подумать, что это может пригодиться!

Я поймал такси, поехал в общежитие, и через час уже входил в Управление кадров министерства с необходимой справкой. Я зашел в уже знакомый мне кабинет. Кадровик в этот момент нес несколько больших папок двумя руками. При виде меня он всё понял, уронил папки на пол и закричал уже второй раз за день: «Этого не может быть!» Увы, это произошло. Он понял, что меня послал Сатана, и лучше больше не спорить.

Кадровик очень вяло сказал, что ничего обещать не может и что я могу зайти через неделю.

Что интересно, это была пятница, было очень жарко, Машков после нашего общения поехал на дачу и по дороге в машине умер от инфаркта. Может, это подействовало отрезвляюще на кадровика, но через неделю он дал мне направление в Винницу и рассказал мне о смерти Машкова с каким-то страхом. На тот момент мой вес в одежде был всего 56 килограммов при росте 176 сантиметров. Конечно, моей полной победой это не назовёшь, к сожалению, я не получил того, на что имел полное право, но я боролся с системой, как мог. Если бы это произошло в 1937 году, то меня сгноили бы в лагерях или, как врагу народа, дали бы 10 лет без права переписки (расстрел). Но это был 1971 год, и система была уже не та, хотя привычки остались.

Ехать в Винницу я не хотел, хотя там жили мои родители. Никаких перспектив на том заводе не просматривалось. Можно было за три года постараться овладеть специальностью инженера-механика, а потом опять

пробовать искать работу в другом месте. Я знал свой город и никаких иллюзий не питал.

Но ещё предстояла защита диплома, а враг жаждал реванша. Обычно на защиту, за редким исключением, уходило 15-20 минут. В принципе, как правило, защита проходила довольно формально и без неожиданностей, но я думал, что и распределение будет формальным...

К защите я готовился много времени с моим руководителем Николаем Васильевичем. Мы рассматривали различные возможные и невозможные вопросы и ответы на них. Обыгрывали разные ситуации. Я был хорошо подготовлен к любым неожиданностям.

Обычно декан на защите дипломов не появлялся, иногда приходил только для пиара - не больше. Задавал один-два вопроса и с чувством исполненного долга важно уходил. Но к началу моей защиты он пришел не один, а с командой из трёх человек. Он, очевидно, хотел покрасоваться перед ними и растоптать меня публично. Председателем дипломной комиссии был некто Титков. Он был начальником главка большегрузных автомобилей министерства и моей истории не знал. Его сын учился в параллельной группе, и его распределили, конечно, в Автоэкспорт, но учился он хорошо и парнем был неплохим. После первых обычных вопросов Иван Александрович полностью захватил инициативу и начал задавать мне очень сложные вопросы. Но я подготовился отлично и часто отвечал на них ещё до того, как он заканчивал их задавать, показывая всем знание предмета. Декан задавал вопросы уже минут тридцать или сорок, и это было явно против всех правил. Титков слушал Ивана Александровича с нарастающим удивлением. Наконец, он не выдержал и сказал декану, что я отвечаю очень хорошо на все вопросы и он не понимает, почему Иван Александрович задает их без конца и что пора остановиться. Декан сказал, что у него ещё много вопросов, но он, к сожалению, должен уходить, и с кривой усмешкой ушел со своей командой. Уж больно двусмысленной была ситуация. Мне поставили пятёрку и диплом признали имеющим практическое значение. Вот так закончилась эта история. Сколько сил ушло на борьбу с системой. Так уж выстроена гребёнка, чтобы не пропустить даже потенциальной опасности в будущем. Потенциальное сопротивление подавляется ещё в зародыше, но одновременно Система уничтожает своё будущее на генетическом уровне. Она не имеет будущего - она обречена. Система сама создала себе потенциального врага на ровном месте. Она насилует меня, надеясь сломать, но пока всё наоборот: я матерью и ненавижу эту власть. Она сама создаёт

отчуждение евреев и их готовность эмигрировать из страны при первой возможности. Но это всё впереди.

Глава 4 Молодой специалист

Диплом я защитил, и теперь начался новый этап моей жизни. И начался он в городе Виннице. По приезде я сказал родителям, которых бесконечно любил, что я отработаю положенные три года и уеду в Москву. Но, конечно, три года большой срок и всё может измениться. Да и вернуться в Москву крайне сложно, хотя бы из-за прописки. Это мне говорили многие приятели, которые остались жить в Виннице, несмотря на сильное желание уехать. Но они меня плохо знали: при всей своей мягкой внешности я очень упрямый человек и, если поставлю перед собой цель, то иду к ней, отдавая этому все свои силы.

В июле 1971 года я приехал в Винницу и пошёл работать на Винницкий подшипниковый завод. Естественно, я считал, что буду работать в конструкторском бюро. Собственно, меня этому и учили.

Меня принял заместитель директора по кадрам. Он сказал, что я буду работать механиком транспортного цеха. Я ему ответил, что я этому не обучен, да и не хочу, это не моё. Он ответил, что других мест у него нет. В этот момент к нему вошёл мужчина лет сорока с таким же дипломом, как у меня. Ему заместитель директора предложил идти работать в конструкторское бюро. Мужчина ответил, что он механик, а не конструктор, и ушёл ни с чем. Безумная страна. Зачем она издевается над своим же народом? Мне пришлось начинать свою трудовую жизнь механиком транспортного цеха. Что это было такое. Транспортный цех состоял из шестидесяти очень старых грузовых машин и нескольких десятков электропогрузчиков. На грузовых машинах работали шестьдесят водителей, половина которых были алкоголиками. Свои лучшие годы грузовые машины провели в других местах, а к нам их прислали умирать. Для поддержания их жизни у меня было несколько слесарей и сварщик Жора. Когда-то он был мастером спорта по штанге в тяжёлом весе. На тот момент Жора уже штангу поднять не мог, но шутя выпить бутылку водки из горлышка еще мог, разумеется, в рабочее время. Был у меня ещё токарь Лёня, неплохой токарь и человек, но только тогда, когда был трезвым, а это было не часто. "Как

живут в СССР? Иногда выпивают от нечего делать, иногда что-то делают от нечего выпить..." Начальником цеха был полковник в отставке по фамилии Мукомол. Он был приличным человеком, но что-либо сделать с таким многообещающим коллективом было невозможно. Мы, конечно, боролись за звание «Победитель социалистического соревнования», но, если честно, побеждали не всегда.

Воровали все и всё. Ночью воровали даже колёса и карбюраторы, естественно, друг у друга. Каждый день утром, когда я приходил на работу, я не знал, чего ожидать. Были, конечно, и нормальные люди, но их было мало.

Однажды я поймал голову токаря Лёни за волосы, когда во время его работы на токарном станке, естественно, в пьяном виде, его голова начала падать на вращающиеся части станка. Что могло бы с ним случиться - не могу даже представить.

Мы взяли на работу нового водителя. В первый же день работы он накрыл стол для водителей, которые были в гараже. Но некоторым выпитого показалось мало. Они подождали, пока я ушел домой, вскрыли ящик в моём столе, похитили бутылку соляной кислоты и выпили её. Новый водитель умер сразу, а нашего отвезли в больницу, где ему отрезали три четверти желудка. Через месяц он вернулся на работу и в конце рабочего дня повесился в гараже.

Каждый день я расписывался в путевых листах и юридически отвечал за техническое состояние машин, хотя и не был уверен, что машина могла нормально тормозить. Ко мне относились хорошо. Я был для них марсианин или вроде того: не пью, не матерюсь, не делаю гадостей за спиной, честен, ну чем не инопланетянин? Но так долго продолжаться не могло. Я ходил в конструкторский отдел каждую неделю и просил перевести меня туда.

Примерно через три месяца начальник отдела автоматизации и механизации Васильев Олег Александрович дал согласие на мой перевод.

Теперь надо было добиться согласия от Мукомола. Разговор был тяжёлым. Он меня упрашивал остаться и обещал должность своего заместителя, но я стоял на своём, и он уступил. Я пошёл в отдел кадров, чтобы оформить перевод. Обычно такая процедура внутри завода занимала десять-пятнадцать минут, но неожиданно начальник отдела кадров отказал мне. Это было очень странно, так как его задачей было только подготовить приказ и переложить мое личное дело. Я ничего не понял, но он очень доходчиво мне объяснил, что если я завтра принесу ему четыреста рублей, то всё будет в порядке. Четыреста рублей были, примерно, моей трёхмесячной

зарплатой. Никогда в жизни я не давал взятку, но выхода не было. Я пришёл домой и всё рассказал родителям, но таких денег у нас не было. Тогда я пошёл к нашему соседу. Он работал на базаре директором магазина красок. Его жена открыла дверцу шкафа и достала большую пачку денег. Она сказала, чтобы я взял столько, сколько мне нужно.

Начальник отдела кадров в прошлом был боевым офицером и имел боевые награды - как дать ему деньги? Ведь это преступление. Утром, весь мокрый, я пришёл в отдел кадров. Начальник отвёл меня в сторону и быстро взял деньги. Это оказалось так просто. После этой процедуры он сказал, что я могу выйти на работу в конструкторский отдел.

Конструкторский отдел был белой костью на заводе. Его возглавлял Олег Александрович Васильев. Ему было лет сорок пять. Он приехал от Куйбышевского подшипникового завода как приглашённый специалист. Он был разведён, член партии, имел квартиру и машину. Словом, мечта для женщин. Да и выглядел он неплохо. Но это только первое впечатление. Было три ведущих инженера. Я попал к Яше Вейцману. Он считался лучшим специалистом, учился в Ленинграде и был гуманитарно образован. Было ему лет сорок и жил он с мамой. Мы подружились сразу. Обстановка была вполне рабочей. Часть сотрудников была приглашена из Куйбышева на новый, только что построенный завод. Они были разные, но работа шла нормально. Я немного успокоился и начал работать, приобретая опыт инженера-конструктора, которым собирался быть. И всё бы так эти три года и шло, но изменилась политическая ситуация в стране. Евреи захотели уехать из нашей «чудесной» страны. Почему - понятно, но, естественно, никто их выпускать не собирался. Почему им должно повезти больше, чем другим советским людям? Я думаю, что правительство очень беспокоилось, что они пропадут на Западе, тогда как в СССР им было очень хорошо, это я знал по собственному опыту. Но силы и время были не те, чтобы это движение остановить. Правда, оно ещё только-только начиналось.

Уезжали наши соседи Гольдберги. Возле их дома круглые сутки стояла машина КГБ. Любви к этой стране, исходя из моей истории, у меня не было совсем, но и ожидания чего-либо лучшего тоже не было. То, что я читал по истории Советского Союза, оптимизма не добавляло.

Я сказал родителям, что тоже хотел бы уехать. Но, если честно, то до конца я не был в этом уверен, так как информации об эмиграции тогда было крайне мало. Родители очень плакали и упрашивали меня этого не делать. Конечно, они были зомбированы ежедневной пропагандой и думали, что

мне там не выжить. Второй причиной было то, что в этом случае мы, скорее всего, в этой жизни больше никогда не увиделись бы, потому что наше любимое руководство страны сделает для этого всё возможное - в этом не сомневался никто. Сами они для отъезда были совсем не готовы, так как сил и здоровья для этого поступка уже не было. Да еще этих людей травили, увольняли с работы и не разрешали уезжать, а у них не было денег даже на продукты. Родители этого не пережили бы. Иллюзий не было никаких, и я не решился, потому что с таким грузом продолжать жить было бы невозможно. Тяжело было ужасно. Параллельно шла жизнь, и события развивались независимо от меня.

В Киеве прошли демонстрации евреев, требующих разрешения на выезд в Израиль. И наше руководство решило, что наконец-то пришло время действовать. Видно, моему начальнику дали отмашку... Он объявил, что в отделе сокращение штатов, и он увольняет четырёх человек (все четверо, конечно, евреи). Среди этих «счастливиц» был и я. Думаю, что эта была пробная акция, потому что увольняли только в нашем отделе. Это был шок, потому что никто не слышал о сокращении. Но я был молодой специалист, и меня по закону могли уволить в самую последнюю очередь. Три человека сдались без борьбы и подали заявления об уходе, но предыдущая жизнь уже сделала из меня если не гладиатора (по Веллеру), то бойца уж точно. Я пошёл к заводскому адвокату и объяснил ситуацию, но он сказал, что в законе нет чёткого определения и меня могут уволить, и дал мне почитать закон о молодых специалистах, который был очень расплывчатым. Естественно, он отстаивал интересы администрации завода, которая платила ему зарплату. Тогда я пошёл в городскую адвокатскую контору, но и они отказались меня защищать. Никто не хотел конфликтовать с администрацией завода и защищать молодого специалиста. Как сказал известный сатирик: «Если у человека своя жизнь, зачем ему твоя правда». Тогда я пошёл в областную библиотеку и попросил найти мне книгу, которая называется «Толкование законов». Это редкая книга, по понятным причинам. Она объясняет, как каждый закон понимать буквально. В этой книге было разъяснено, когда и как можно уволить молодого специалиста: только в случае, если альтернатива – увольнение одинокой женщины с маленьким ребёнком. Я выписал это разъяснение статьи Закона о молодых специалистах и стал ожидать следующего шага моего руководства.

На следующий день меня вызвал начальник отдела кадров и заявил, что ему жаль со мной расставаться, но приходится. Я заявил ему, что никуда

не собираюсь от него уходить. Ему мой ответ явно не понравился. Он понял, что я не сломлен и собираюсь сопротивляться. Но, тем не менее, он объявил, что я уволен и для меня же лучше, если я сам напишу заявление об уходе, то есть, я как бы сам добровольно ухожу. Но тут я показал ему толкование закона. Это было полной неожиданностью. Они привыкли поступать только в соответствии со своими желаниями, не считаясь с законами, но, когда их (очень редко) хватают за руку, это вызывает растерянность. Я сказал ему, что он нарушает закон, и я готов подать на него в суд. Он всё понял мгновенно, и от куража не осталось и следа. Уже не стесняясь меня, он позвонил моему начальнику и сказал ему, чтобы тот от меня отстал. Олег Александрович, очевидно, сказал ему что он, всё-таки, будет меня увольнять, на что кадровик ему сказал, что он (Олег Александрович) - мудака, а он этим заниматься больше не будет. После этого он сказал, чтобы я шёл работать. Но, к сожалению, главная битва была ещё впереди, очевидно, дело было не только во мне. Я неожиданно помешал какой-то политике, связанной с запугиванием тех, кто в будущем пожелал бы уехать, но это только догадки.

Через день меня вызвали к главному инженеру Иванову, который по каким-то причинам временно замещал директора. Это значило, что они были готовы стрелять из главного калибра. Я был рядовой инженер на большом заводе, где директор завода не занимался кадрами такого уровня, он, возможно, и не догадывался о моём существовании. Всё это было очень странно. Ответа я не знаю. Но это значило, что это решение принимал не Васильев: он был только исполнителем. У директора в кабинете сидел заместитель по кадрам и Олег Васильев. Я понимал, что какое-то основание для увольнения они должны были найти и поэтому был предельно собран.

Иванов начал свою речь издали. Хочу отметить, что на предприятии был уже другой директор, а Ткач на заводе не работал. Иванов сказал, что когда они приглашали меня из Москвы, то надеялись, что я принесу с собой новые идеи и так далее. Но, к сожалению, я не оправдал надежд, которые на меня возлагали. Это была абсолютная чушь, потому что два года назад, когда Ткач дал на меня запрос, Иванов был секретарём партийной организации завода и к кадрам не имел никакого отношения. Я спросил его, кто же дал на меня такую плохую характеристику? Васильев сказал, что он: это была его роль в этом спектакле.

Я попросил его чем-нибудь подтвердить такие серьёзные обвинения в мой адрес. Дать, например, сравнительную характеристику меня и других сотрудников. Он, как коммунист, должен понимать, как это важно. Я хорошо

знал, что он не вёл никакой статистики нашей работы. Его интересовали амурные дела и собственная машина, а я работал лучше многих других сотрудников. Но он, а не я заварил эту кашу. Против этого трудно было что-либо возразить, и Иванов меня поддержал, попросив Олега Александровича представить объективную сравнительную характеристику. Увы, Васильев вынужден был сказать, что у него ничего нет. Тогда я снова обратился к Олегу Александровичу, но уже с возмущением. Я сказал, что он открыто пытается нарушить закон о молодых специалистах и, как коммунист, обвиняя меня в плохой работе, он должен объективно это доказывать, а не огульно стараться меня оклеветать. Ведь завтра он может назвать меня изменником Родины, а это недопустимо для «честного коммуниста». Правду говоря, я считал, что уж для коммуниста это вполне допустимо. Конечно, я занимался чистой демагогией, но я играл по их правилам: они мне предложили эту игру. Иванов понял, в каком глупом положении он оказался, и попросил меня идти работать, а Васильева - задержаться. На следующий день Васильев был уволен. Главный инженер бал взбешён, что Васильев не смог справиться с мальчишкой, который выставил их дураками. Это был мой день. До конца моего срока оставался один год. В местном пединституте я на «отлично» сдал кандидатский минимум по философии. Название моего реферата было «Влияние Фрейда и Фромма на современную живопись».

Я получил повестку явиться в военкомат. Я уже достаточно устал от тех испытаний, которые мне постоянно готовило это государство, желавшее просто меня извести. Я не понимал, за что. На этот раз военкомат решил послать меня на один месяц на переподготовку. Военная специальность у меня была - ремонт бронетехники, а сейчас мне предлагали освоить новую специальность - ремонт понтонных мостов. Для этой переподготовки я поехал в Западную Украину в город Любомль, который располагается на границе с Венгрией. Из 32 человек я был единственный из Восточной Украины, да ещё и еврей. Мне было 24 года. Все остальные были с Западной Украины, и все - старше тридцати. Мы расположились на территории военного городка в двух палатках по 16 человек в каждой. Я раньше никогда не был в Западной Украине. Она сильно отличалась от Восточной. Говорили только по-украински, а вместо слова «еврей» говорили только «жид». Нужно было прожить в этой обстановке целый месяц. Они ненавидели Россию, но евреев ещё больше, причём это было на каком-то подкорковом уровне. Рабскую жизнь нужно было уравновесить превосходством над кем-то. Несколько раз я думал о побеге. Ежедневно на уровне драки. Подлость,

доносы, заискивание перед сильным. Я им был непонятен. С утра и до вечера «качался», мог за себя постоять, пил и гулял не меньше других. К такому типу еврея они были не готовы, и это вызывало растерянность: это было непривычно.

При объявлении тревоги двадцать процентов машин с понтонами не смогли тронуться с места - и это на границе! Причина была проста: с законсервированных машин были похищены карбюраторы и другие важные детали.

Солдаты мне рассказывали, что прошлой весной на учениях было очень холодно, но их заставляли заходить в шинелях в воду по горло для соединения понтонов, при этом согреться было негде, и многие тяжело заболели. Но кто об этом думал? Человек - ничто. И люди ведут себя соответственно. Они воруют, пьют, безобразничают - после меня хоть потоп. Армия рабов - плохая армия.

Месяц закончился, и мы должны были разъехаться по домам. Каково же было моё удивление, когда ко мне стали подходить люди, ещё вчера меня ненавидевшие, и просить мой телефон. Мне кажется, они что-то стали понимать, но это ненадолго, привычная жизнь затянет обратно, как трясина.

Кончался третий год жизни в Виннице - надо было что-то делать. Следует сказать, что за три года работы в Виннице на Подшипниковом заводе я многому научился, работая со слесарями в цехах, технологами, создавая реальные механизмы и доводя их до рабочей кондиции. Этот опыт очень мне пригодился в дальнейшем.

Поговорил с приятелями. Когда-то они тоже хотели поменять свою жизнь, но ежедневная неспешная рутина постепенно засосала их, да и чётких перспектив не просматривалось. Глаза уже не горели, хотя было им от тридцати до сорока лет.

Можно было, конечно, остаться в Виннице и всю жизнь работать на заводе, ждать отпуска, чтобы поехать в Крым или на Кавказ, потом ждать следующего отпуска, жениться, завести детей, свести к минимуму возможные стрессы и, в связи с этим, прожить долго и быть похороненным на старом или новом Винницком кладбищах. Но, если ты хочешь жить полнокровной жизнью и при этом - так, как ты хочешь, то за это приходится платить, часто очень дорого и без всяких гарантий успеха. Сколько людей в этих битвах сломалось и не дошло до победы, я даже представить себе не могу. Как правильно оценить себя, свои силы?

Я взял очередной отпуск и уехал в Москву искать работу и пытаться изменить свою жизнь.

Глава 5

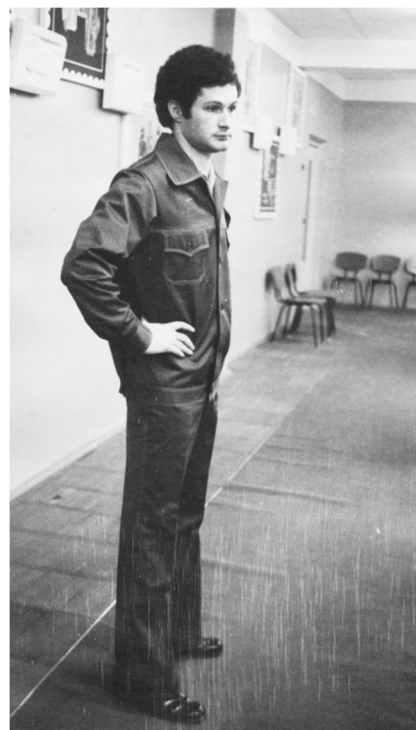
Бомж. Вне закона

В этой стране, именуемой СССР, каждый человек должен быть где-то прописан, то есть, должен быть зарегистрирован в районном отделении милиции, домовый книге и иметь печать в паспорте, где указан точный адрес проживания. Человек не может свободно найти работу, снять жилье в таких городах как Москва, Ленинград, Киев, в Московской области и так далее - он должен иметь прописку, никакой свободы перемещения.

Только при острой нужде предприятие имеет право подать заявку через своё Министерство и ее, может быть, удовлетворят соответствующие инстанции. Ещё можно жениться. Довольно грустное начало. Первоначальный анализ не давал мне почти никаких шансов, но я решил рискнуть.

Ещё одна грустная глава в моей жизни: борьба за право жить и работать там, где ты хочешь в стране-тюрьме. Я решил рискнуть.

Я приехал к брату в Ликино-Дулево и каждый день ездил по области в поисках работы. Это всё на общественном транспорте, без компьютера и телефона, практически вслепую. Ты приходишь в отдел кадров и совсем не обязательно, что с тобой будут разговаривать. Работа иногда была, но без прописки ничего не получалось. Когда мой отпуск уже подходил к концу, я совершенно случайно оказался на швейной фабрике в Малаховке. Меня принял директор фабрики. Это был уже не молодой человек. Было заметно, что он пьёт, избалован властью и женщинами. Он пообещал взять меня на работу и прописать: с милицией у него хорошая связь, и проблем не будет. Он хотел, чтобы я механизировал ручную работу. Честно говоря, я ему не очень поверил, но других вариантов у меня не было, и я согласился.

Подработка манекенщиком

Я хотел бы описать один эпизод, который произошёл со мной в это время и имел продолжение, о котором я расскажу в другой главе. Это, в какой-то степени, попытка передать воздух того времени.

В момент моего пребывания в Москве в Пушкинском музее была выставка, возможно, самого известного портрета за всю историю человечества. Это был портрет Да Винчи «Джоконда». По такому случаю по личному заказу министра культуры Фурцевой для портрета был изготовлен пуленепробиваемый футляр для экспонирования «прекрасной флорентийки». Очередь в музей была огромной. Мы с братом решили пойти посмотреть на это чудо. Шел мелкий дождь и дул сильный ветер. Погода явно не располагала к длительному стоянию на улице, но желание увидеть шедевр было сильнее. Примерно через два часа стояния в очереди мы заметили, что люди, стоящие рядом с нами, куда-то уходят, а потом приходят более умиротворённые и спокойные. Разведка донесла, что за углом располагается гастронорм, где можно купить спиртное и как-то согреться. Мы решили сделать то же, потому что стоять было тяжело. И после приёма спиртного сразу почувствовали себя лучше. Через два часа мы повторили попытку, и когда подошли к музею, настроение было уже откровенно приподнятое, и встреча с прекрасным, возможно, была уже лишней. Мы увидели картину небольшого формата, в футляре из пуленепробиваемого стекла, которое отражало лампы освещения, рассмотреть что-либо было невозможно. Нужно было пройти мимо картины в непрерывном потоке за 10-15 секунд. Я успел бросить на Мону Лизу только один долгий взгляд, но ответного взгляда не получил. Оглядываясь, люди шептали: «прощай, Джоконда». Я тоже шептал, думая, что вижу её и Да Винчи в первый и последний раз, но жизнь тем и хороша иногда, что непредсказуема.

Я приехал в Винницу, уволился с работы, выписался из города и уехал в Малаховку. Стояло лето. Жить было негде, и мне предложили пока пожить на заброшенной фабрике в посёлке Томилино, которая располагалась в лесу. Привезли матрас и положили его на пол в старом цеху. Это было всё. Возвращаться после театра в пустой электричке и идти от платформы по тёмному лесу на заброшенную фабрику, где тебя ждал только матрас на полу было совсем не романтично, а даже страшно. Только по молодости и имея огромное желание жить в Москве, можно было согласиться на такие условия. Мылся и чистил зубы я в туалете на работе, а после работы старался поесть и быть до вечера в Москве, так как в цеху делать было нечего, да и

жутковато. Иногда приходилось пить вечером только сырые яйца, так как плиты не было, и разогреть я ничего не мог.

Фабрика, на которой я начал работать, была довольно большая и старая. Девяносто процентов работающих составляли женщины. Шили джинсы, различные костюмы, брюки. Часть работниц (из-за нехватки рабочей силы) составляли заключённые. Это было необычно жуткое зрелище. Многим из них было 19-25 лет, а они уже ничего в жизни не хотели, только выпить и забыться. Тела были все в наколках, сделанных на зоне. Работали они плохо и утром страдали похмельным синдромом, но выбора у фабрики не было. Каждый день что-то происходило. Молодые женщины подходили к школе в конце занятий и за деньги или выпивку тут же возле школы занимались сексом со старшеклассниками. Постоянно поступали жалобы от родителей, и руководство фабрики вынужденно было принять воспитательные меры.

Объявили общее собрание. На собрании было два вопроса: первый - осуждение поведения женщин-заключённых возле школы, а вторым было осуждение преступной антисоветской деятельности академика Сахарова.

По первому вопросу вызвали женщину-заключённую лет девятнадцати. Она вышла в мини-юбке, и на её бедрах было много татуировок. Пожилые женщины работницы провели с ней воспитательную работу и дали ей наставления на будущее. Девушка расплакалась и сквозь слёзы пообещала больше так не делать. Мы ей поверили - через два часа она у школы ловила старшеклассников.

Академика Сахарова, похоже, знал только я, но собрание очень резко и безоговорочно его осудило, согласно указанию райкома партии.

Вся жизнь этих людей была плохо поставленной комедией, а скорее - драмой. У людей не было собственности, жили от зарплаты до зарплаты - планировать будущую жизнь не могли. Жили в подвешенном состоянии. Главное - выпить и забыться. Полное зомбирование через телевизор и радио. А как жить, если ты всё это понимаешь? А что я могу сделать, если у меня нет прописки и работаю, из-за этого, по сути, незаконно. Ну чем не Кафка? Малейшее столкновение с милицией, и ты за решёткой.

Как инженер, я старался механизировать ручной труд, и иногда это удавалось. В какой-то момент на демонстрацию образцов костюмов не приехал манекенщик, и ко мне обратились с просьбой его заменить. Я согласился. С меня быстро сняли основные размеры, чтобы подобрать соответствующие образцы. Каково же было удивление модельеров и моё,

когда оказалось, что у меня идеальная стандартная фигура. Я никогда даже не думал об этом. Я стал получать пять рублей за выход, это была хорошая прибавка к зарплате, так как показы проходили часто. Но самое главное, на меня сделали лекало. Его долго делали, ощупывая меня со всех сторон. Первые сшитые на меня брюки - ни до, ни после я не носил ничего подобного. Эти брюки, которые сшили для меня, сидели идеально. Я их носил несколько лет. Но работа манекенщика меня не привлекала. Вокруг показов крутилось много мужчин с женскими манерами, и это меня сильно раздражало. Это был не мой мир, хотя мной уже заинтересовался один модный журнал.

Вокруг крутились люди с разными судьбами. Они стекались со всего Союза, потому что Москва манила всех своими возможностями. Но основная масса людей все-таки откатывалась назад с искалеченными судьбами. Беспредел был ужасный, и жаловаться было некому, потому что все мы были бомжами, то есть, не имели прописки. Вот такая мягкая тюрьма в Стране Советов. «Социализм - это учёт».

Через два месяца мне нелегально дали маленькую комнату в панельном доме, естественно, без всяких прав. Это уже был маленький прогресс: у меня была своя кровать и я мог поджарить яичницу. Я жил двойной жизнью. Вечерами ходил в театры, на выставки и так далее, а днём общался с уголовницами. Наступил февраль. Директор слово своё не сдержал, то есть он фактически ничего не сделал. И вот однажды ко мне в комнату пришёл милиционер и сказал, что через час они официально придут арестовывать меня, так как я живу без прописки, а сволочь директор не дал им за меня обещанный костюм. Я сказал, что готов купить им этот костюм, только бы они меня не трогали, но он сказал, что это дело принципа и я здесь ни при чём. Было бы лучше для меня уехать заранее. Им мой арест тоже был ни к чему.

Надо было срочно собрать вещи и уехать, а куда? Был февраль - на улице температура -20С. Я быстро собрал свои вещи и с портфелем и сумкой уехал в Москву. По улицам гулять в мороз было невозможно. Положение было критическое. Я позвонил своей двоюродной сестре Рае, объяснил ситуацию и попросился переночевать. Рая сразу довольно жёстко отказала. Надо сказать, что моя сестра никогда не любила меня. Это проявлялось по-разному, но всегда было очень обидно. Может быть, виной была её неудавшаяся личная жизнь: она была не замужем, не было детей и т. д. Не знаю. Она почему-то считала, что я баловень судьбы. Может быть, ей надо

было кого-то ненавидеть? Я ничего плохого ей не сделал, но она никогда мне не помогала и сразу отказала сейчас, когда это было очень важно.

Но реальность напомнила о себе пронзительным холодом. Выхода не было, и я поехал ночевать на Казанский вокзал. Ночь была беспокойной. Я просыпался часто, так как боялся, что украдут мои вещи, а других у меня не было. Меня очень расстроил поступок сестры. И я совершенно не понимал, что делать дальше. Я перебирал в голове своих знакомых, которых было очень мало. Можно было поехать к брату, но это был тоже тупик. Я решил позвонить моему старому институтскому другу Лёне Абкину. В институте мы дружили, но потом пути разошлись, что вполне естественно, но мы никогда не ссорились. Лёня сочинял очень неплохие стихи. Его мама - тетя Вера Кацнельсон - преподавала в школе-студии

Мне 27 лет

МХАТ, а отец - дядя Юра Абкин - работал инженером. Трубку взяла мама. Мне нужно было с кем-то поговорить, и я рассказал ей, в какую попал ситуацию. Совершенно неожиданно, в отличие от моей сестры, она предложила заехать к ним и несколько дней пожить. Более уместного предложения я в своей жизни не встречал. В это же время мой знакомый дал мне адрес в городке Балабаново Калужской области, где был институт и проектное бюро по проектированию производства древесно-стружечных плит. Это было сравнительно большое объединение. Но поехать в Балабаново я мог только на следующее утро. Я переночевал у Лёни на раскладушке и был очень благодарен им за доброту. Семья жила в центре Москвы на Большой Полянке. Жили они в коммунальной квартире, где жили ещё три семьи. Родители Лёни имели две смежные, довольно большие комнаты. С ними жила мама тёти Веры - бабушка Сара. Ей было больше восьмидесяти лет. Она жила в этой квартире примерно с 1918 года. Знала Сашу Чёрного и ещё многих интересных людей. Как она выжила в то время, можно только догадываться. Думаю, что ей помог ее жизнерадостный характер. Каждый день она воспринимала, как праздник, и всему радовалась. Я с ней подружился сразу и навсегда. Лёня в свои 25 лет спал в комнате с родителями, которым было под шестьдесят. А бабушка, в свои

восемьдесят с хвостиком, в проходной комнате у входной двери. Это называется - страна победившего социализма. Мрак.

Утром я поехал в Балабаново. Это был небольшой городок около железнодорожной станции. Знаменитый 101-й километр. Это место, куда высылали из Москвы уголовников и всех остальных нежелательных людей - один из многих человеческих мусоросборников вокруг Москвы. Следующей железнодорожной станцией был Обнинск - первый город, в котором был установлен атомный реактор.

Интервью со мной вел начальник отдела. Человек достаточно умный, собранный, хороший политик по фамилии Звягинцев. Ему были нужны хорошие специалисты для новых проектов. Меня взяли на работу после двадцати минут собеседования, предоставили общежитие и обещали быстро прописать. Огромное напряжение стало спадать. Начался новый этап моей жизни, и я перестал быть бомжем.

Моим непосредственным руководителем стал Константин Владимирович Арнольд - человек с типичной биографией сталинского времени. После школы его призвали в армию. В 1941 году он служил в Белоруссии. Когда началась война, его часть очень быстро оказалась в зоне боевых действий. На пять человек у них была одна винтовка и, естественно, он очень быстро попал в плен и был отправлен в Германию на работу. Было ему 18 лет. После освобождения этой территории советскими войсками его тут же осудили на двадцать лет, которые он провёл в районе Норильска, и только после двадцати лет пребывания на Севере вернулся жить в Балабаново. Через это прошли миллионы несчастных. Он был без высшего образования, но блестящий инженер. Часто, не зная формул, он их интуитивно составлял. Мне было страшно интересно и полезно - это было большое везение в моей жизни. Человек он был очень тяжёлый и временами невыносимый. Можно понять: такую жизнь не пожелаешь и врагу. Ко мне он относился с большим уважением и думал, что я буду продолжать его инженерные идеи. Он много пил и часто приглашал меня с собой. Это было для меня большим испытанием, как физическим, так и моральным. Нужно было каждый раз выпивать больше одной бутылки водки на человека и не сказать ничего лишнего. Его жена была с судьбой, также исковерканной сталинским режимом. Мне их было бесконечно жаль. Естественно, они были запуганы. Однажды Арнольд подошёл ко мне и спросил, почему я не вступаю в партию, а я его переспросил с явной

издёвкой: «В какую ещё партию?». Он всерьёз испугался, и больше на эту тему мы никогда не говорили.

Инженерная работа была интересной, и у меня появились первые изобретения. Меня стали продвигать по служебной лестнице, и перспективы были очень хорошие. Однако работа - это очень важная часть жизни, но ещё не вся жизнь. А жизнь в Балабаново я себе совсем не представлял. Каждую пятницу я уезжал в Москву и возвращался в воскресенье вечером. С Лёней мы часто ходили в театры, на выставки, много читали.

Вообще-то я хотел поступить в аспирантуру и стать учёным. Философский минимум у меня уже был сдан, и теперь я стал готовиться сдавать английский. Начальник электроотдела тоже хотел сдать минимум, и мы решили объединить свои поиски. Мы поехали в Мытищи в Лесотехнический институт, где, как нам сказали, можно сдать этот экзамен. Профессор кафедры английского языка пригласил нас на переговоры к себе домой. Это был хороший знак, и мы приехали к нему. Профессор оказался индусом. Он был коммунистом и бежал из Индии, так как там его приговорили к расстрелу за политическую деятельность. Ему предоставили политическое убежище в Советском Союзе. Здесь он и стал профессором кафедры иностранных языков. Наш разговор не получался - мы никак не могли найти общий язык. Тогда я предложил пойти в магазин. Неожиданно профессор сильно оживился и сказал, что у него всё есть и идти в магазин совершенно не нужно. Он пригласил нас в соседнюю комнату, где стояло много огромных стеклянных сосудов, заполненных разными видами самодельного вина. Он взял один сосуд и разлил по трём бокалам. Молодое вино на самом деле опасно, потому что его воздействие на организм предсказать крайне трудно. Но мы начали пробовать. После второго бокала вино начало активно действовать на всех. Профессор разговорился и рассказал нам о жизни в Индии. Через некоторое время нам всем стало хорошо, и мы решили втроём лечь на ковёр - немножко отдохнуть и поспать. И, надо сказать, мы были очень близки к цели, но в этот момент, совершенно не вовремя, пришла его жена, которая была начальником главка, и немедленно попросила нас покинуть их дом, не дав индийско-советским отношениям выйти на новый, более высокий уровень взаимопонимания и доверия.

Но при сдаче кандидатского минимума по английскому языку в Лесотехническом институте он меня вспомнил и помог. Я не знал дату, когда товарищ Ленин был в Лондонской библиотеке. Он подсказал мне эту дату, и

я получил пятёрку. Я не знаю, какая связь между сдачей кандидатского минимума по английскому и нахождением Владимира Ильича в Лондонской библиотеке, но, на всякий случай, надо помнить, что это было в 1907 году.

В результате, для поступления в аспирантуру, надо было сдать только основной предмет. Реферат по основному предмету у меня был.

Проектно-конструкторское бюро, в котором я работал, направило меня на автомобильную кафедру Лесотехнического института для сдачи экзамена и поступления. Я встретился с заведующим автомобильной кафедрой. Разговор был короткий и доброжелательный - я подходил им по всем параметрам, да ещё был единственным кандидатом и по направлению предприятия. После разговора заведующий кафедрой направил меня к заведующему аспирантурой для оформления необходимых в таком случае документов. Заведующий аспирантурой записал все мои данные и попросил заехать в Министерство, чтобы зафиксировать моё появление. Я думал, что это будет формальная фиксация меня для аспирантуры. Начальник Управления аспирантуры Министерства встретил меня восторженно и даже назвал меня молодым Курчатовым (известный академик), так как я носил такую же бородку. Он попросил меня съездить в другой институт и подать там заявление тоже. Я удивился, но отказать ему не мог, и поехал туда. Заведующий кафедрой сказал мне, что они уже подобрали кандидата из своих. Я извинился и сказал, что это не моя идея, а меня направило Министерство. После этого я вернулся обратно, но, видимо, за время моего отсутствия заведующий аспирантурой с кем-то переговорил, и тон его разговора был уже совсем другой. Он сказал, что я получу решение по почте. Я спросил его, что случилось, ведь он должен только зафиксировать меня для поступления - и всё. Он ещё раз сказал, что ответ я получу по почте официально. Мне стало ясно - всё та же пластинка. Через две недели меня вызвал директор КБ Баталов. Он был человеком резким, но честным. Баталов пригласил меня сесть и закрыл дверь на ключ. После этого он достал бутылку водки и два стакана. Налил доверху оба стакана и предложил мне выпить. Он получил отрицательный ответ. Мотивировка была, что я мало занимаюсь политическим самообразованием, и поэтому мне отказано в поступлении в аспирантуру. Ответ не выдерживает элементарной критики, так как они понятия не имели обо мне и тем более, о моем политическом самообразовании. Дальше Баталов мне сообщил, что ему сказали, чтобы больше евреев он не присылал. Он сказал, что ему это противно и что он их ненавидит, и предложил мне выпить. Вот такая история.

Прошло немного времени, и один наш сотрудник подошёл ко мне и рассказал, что он поступил заочно в аспирантуру института Машиноведения. Это был очень известный научно-исследовательский институт. Его директором был академик Александров - автор всех учебников по теории механизмов и машин. Они проектировали луноходы и занимались роботами. Для инженера-механика это была предельная высота. Я решил попробовать ещё один раз, уже зная, что может быть. Наш сотрудник посоветовал мне поговорить с профессором Умновым и дал мне его телефон. Я позвонил профессору, и мы договорились о встрече. Я приехал в Москву и пришёл в институт к Умнову. Профессор встретил меня довольно безразлично. Он предложил мне сесть и спросил, на каких компьютерах и с какими программами я работал. Надо сказать, что мне трудно было на это ответить, так как в то время я вообще ещё не видел компьютера. Он пожал плечами и всем видом показал, что разговор закончен. Тогда я сказал ему, что работать на компьютере можно научиться, но главное, всё-таки, соображать. Он кивнул в знак согласия и предложил поговорить. Мы говорили обо всем: технике, искусстве, философии в течение трёх часов. В конце разговора он сказал, что он берёт меня и направил к заместителю Александрова - член-корреспонденту Благоднарову, чтобы сообщить об этом. В кабинете в большом кожаном кресле сидел большой человек с раскатистым басом - настоящий русский барин. Я рассказал ему, что профессор Умнов провёл со мной интервью и просил передать, что я ему подхожу. Благоднаров ответил, что всё хорошо и я должен сдавать основной предмет - теорию механизмов и машин. Я ответил, что могу готовиться и сдавать, но у меня маленькая просьба. Он спросил: какая, и я объяснил ему, что сдавать этот очень сложный предмет авторам всех учебников, да ещё академикам, это честь и большая ответственность для меня. Для того, чтобы как следует подготовиться, мне нужен год, может быть, меньше. Я должен буду отказаться от всего и только заниматься, я готов на это. Если я не сдам экзамен - никаких претензий. Но, если я его сдам успешно, я прошу его дать слово порядочного человека, что меня возьмут, так как, помимо всего прочего, я по национальности еврей, и по этой причине мне могут отказать в поступлении - у меня уже есть печальный опыт. Вместо того, чтобы дать слово - и все дела, он разразился длинной тирадой о том, что в нашей стране все народы равны и так далее. Все эти дежурные декларации я знал не хуже него. Я попросил его ещё раз - дать мне слово, и я согласен готовиться, но слово он мне не дал. Дальше говорить было бесполезно, и я ему сказал, что

мне стыдно с ним разговаривать, встал и ушёл, хлопнув дверью. Как говорила знаменитая актриса Фаина Раневская: «Под самым красивым хвостом павлина скрывается самая обычная куриная жопа». Эти игры были мне знакомы очень хорошо. Нет, права была Фаина Раневская, говоря так о павлине. Моя научная карьера в этой стране закончилась, не начавшись.

В Балабаново в нашем институте появился художник - Саша Грошев. Он приехал поступать в Строгановку (Строгановское училище) - хотел стать художником. В Горловке на Украине у него остались жена и маленькая дочь. Но экзамены он не сдал и остался в Балабаново для подготовки с преподавателем на следующий год. Жену такой вариант не устроил, и она подала на развод. Саша устроился жить у нас в общежитии. Мы, конечно, были очень разные. Он был, в отличие от меня, абсолютно русским человеком и патриотом. Но жизнь сводит людей часто хаотично и без селекции. Главное в жизни, всё-таки, - уважение, доверие, надёжность и взаимовыручка. Всё это мы прошли вместе, и однажды он мне сказал, что после матери я - самый близкий ему человек. Это дорогого стоит.

Саша подрабатывал тем, что к праздникам писал маслом портреты вождей. Платили ему в зависимости от размеров портрета. Я иногда помогал ему заливать рисунки краской. Но однажды, может быть, под плохое настроение или усталость, у Саши Карл Маркс - Вождь мировой революции - вышел с высокой, почти женской грудью, которая сильно отвлекала от головы мыслителя. У Ленина грудь получилась поменьше, хотя и отвлекала от головы тоже. А вот Энгельс вышел нормальным мужиком. Времени для переделки шедевров не было совсем, и на следующий день они появились на центральной улице города. Я смеялся до икоты, и мы ждали возмездия. Но никто не обратил внимания на Сашину новую тракторку. Всем они уже изрядно надоели. И вот в течение двух лет на все праздники в центре города выставлялись вожди с высокой женской грудью. Я так и запомнил город с этими, безусловно талантливыми, работами моего товарища.

Однажды Сашина руководительница предложила ему шикарную шубу до пят из шкуры волка, и сравнительно недорого. Она (шуба) была очень тёплой и удобной. В холодную зиму шуба оказалась очень кстати. Вечером Саша решил прогуляться в ней по городу. По какой-то причине я не смог с ним пойти. Вдруг, минут через двадцать-тридцать, ко мне вбегают задыхающийся, вспотевший и жутко бледный мой товарищ с глазами, которые почти выскакивали из орбит. Что оказалось. Не успел Саша пройти в своей шикарной шубе и ста метров, как из всех подворотен к нему с диким

лаем бросились собаки. За пять минут их уже было около двадцати. Саше, с весом в сто тридцать килограммов, пришлось бежать от них, спасая уже не шубу, а свою жизнь. Ему удалось добежать до общежития и спастись, но, если бы нужно было бежать ещё три-четыре минуты, собаки его бы разорвали. На следующий день шуба была срочно продана.

Мы собирались вечерами, гуляли, обсуждали события нашей жизни. Саша нашёл женщину в Москве, женился и уехал, но мы продолжали общаться. Очень часто мои мировоззрения были ему чужды, но доверие и надёжность были важнее, и мы, по возможности, старались обходить острые углы.

Конечно, вся эта борьба за выживание не могла не сказаться на здоровье. Однажды утром, когда я собирался в Балабаново на работу, я почувствовал острую боль в правом боку. Боль была такой сильной, что я упал на пол вместе с брюками, которые надевал в тот момент. Я позвонил в «скорую помощь» и вышел на улицу встречать машину. Я не мог ни стоять, ни сидеть. Боль была пульсирующая. Пришлось всё время менять позы. Добрые бабушки, сидящие тут же на скамейке, оживлённо обсуждали меня и спорили между собой: умру я до приезда «Скорой помощи» или нет. «Скорая» приехала через час, хотя до больницы было всего пятнадцать минут езды. На мой вопрос, почему так поздно приехали, они ответили, что у них было собрание. Я думаю, что они просто хотели, чтобы выиграли бабушки. Постоянно тошнило в машине. Наконец, меня привезли.

В больнице ко мне подошёл врач и сказал, что это - гнойный аппендицит, взял анализ крови и распорядился, чтобы меня подготовили к операции и положили на операционный стол. Впоследствии выяснилось, что это почечные колики.

Но мне реально повезло. В этот момент в больнице работала комиссия из области и врач, бросив меня на столе голым, направился к ней. Я остался лежать на операционном столе с дикими болями в боку. Минут через тридцать я стал ругаться, сначала тихо, а потом всё громче и громче разными словами, преимущественно полового значения, выражая свое недовольство моей счастливой жизнью, этой больницей, а потом и Советской властью. Мне уже было всё равно. Вокруг меня стала собираться толпа больных, привлечённых моими искренними высказываниями. В основном это были уголовники. Что интересно, мои слова нашли бурное одобрение и глубокое понимание с их стороны. Ситуация выходила из-под контроля, и тогда операционная сестра, чтобы закрыть мне рот и прекратить это безобразие,

вколола мне морфий, и я заснул. Надо сказать, что если бы у меня был действительно гнойный аппендицит, то после укола морфия я бы умер. Но у меня, к счастью, были почечные колики. Эта жизнь и плохая еда испортили почки.

Можно сказать, что на этот раз мне повезло. Большинство больных нуждаются в своевременном уходе врача. И чем быстрее и дальше уйдёт врач, тем лучше для больного! Советская медицина уже в который раз доказала, что она лучшая в мире. К сожалению, она ещё не раз будет это реально доказывать на мне. Через два часа я проснулся. Боли никакой не было. В этот момент в комнату вошёл врач, который собирался делать мне операцию аппендикита. Он вошёл в комнату с членами комиссии и бодро спросил меня, как я себя чувствую. Этот тип даже не чувствовал своей вины и, конечно, сам нарвался. Я сказал, что счастлив видеть его через два часа, так как, если бы он бросил меня и ушёл из операционной не к комиссии, а на отчётно-перевыборное собрание, то уж сегодня я бы его уж точно не увидел. Он почувствовал, что пахнет жареным, быстро подошёл ко мне и спросил, что я хочу. Я попросил его немедленно меня выписать, или я расскажу комиссии, что произошло. Он немедленно меня выписал, и я пошёл к электричке, два раза теряя сознание по дороге. Я приехал в Москву и подошёл к больнице имени Склифосовского. Около двух часов я гулял вокруг. Я думал, что если мне станет плохо, то здесь я смогу получить квалифицированную помощь. Всё обошлось, но советской бесплатной медицины я стал очень бояться. Получилось, как в анекдоте: «Вот видите, если человек по-настоящему хочет жить, медицина бессильна», или «В России продолжается забастовка врачей. Есть уже первые результаты - смертность снизилась на 30%».

У отца Лёни - дяди Юры - нашли рак. Его положили в больницу, но помочь не смогли, и он умер в 62 года - совсем молодым. Это была огромная потеря для семьи и для меня тоже. Я его помню и сейчас, и то добро, которое он мне сделал. Дядя Юра одним из первых форсировал Днепр при взятии Киева, но звезду Героя не получил, как не получил её известный генетик Иосиф Рапопорт (его представляли к Герою три раза, но Сталин, видя еврейскую фамилию, каждый раз его вычёркивал из списков). То же случилось и с Исааком Пресайзенем. 27 июня 1941 года самолёт старшего лейтенанта Исаака Пресайзена загорелся, и он принял решение пикировать на шоссе в гущу вражеской техники. Самолёт с бомбами и топливом врезался в скопление вражеских танков и цистерн с горючим. Исаак и его экипаж

героически погибли. Его представили к званию Героя, но Сталин, по фамилии определив, что Пресайзен - еврей, вычеркнул его из списка. Вместо Пресайзена был награждён Николай Гастелло, который за день до подвига Исаака был сбит немцами и взят в плен.

Но, наконец, появилась и светлая полоса. У тёти Веры была двоюродная сестра, тоже тётя Вера. У меня с ней сложились тёплые, ровные отношения. Тётя Вера хотела познакомить меня с дочерью своего близкого родственника. Она говорила, что девушка очень милая и симпатичная, но я всячески уходил от этого, так как уже имел определённый отрицательный опыт. Ситуация всегда была тяжёлой для меня, потому что, если тебе человек не понравился, а как правило, так и было, совершенно непонятно, как из этой ситуации выходить без больших потерь и не обидев другого. Человек вроде хороший, но тебя не привлекает - что делать, как себя вести? Дурацкая и неприятная ситуация. Я всячески этого избегал. Всё это продолжалось в течение года. Но настал момент, когда отказываться стало неудобно, и я был вынужден согласиться. Надо сказать, что я совершенно не равнодушен к девушкам с плохим зрением, особенно, когда они без очков. Дело в том, что без очков они плохо видят и у них расширяются зрачки, а мне кажется, что я им понравился или, по крайней мере, произвёл впечатление, и я попадаюсь.

Я нервничал, предчувствуя возможную неловкую ситуацию. А случилось всё наоборот: Юля, так звали девушку, понравилась мне сразу. Она, конечно, была без очков, и я попался. У меня появилось ощущение, что Юля, это - та девушка, которая мне нужна. Она так на меня смотрела без очков... Я тут же предложил ей пойти в театр на следующей неделе, и мы стали встречаться практически каждую неделю. Она шла ко мне, широко раскрыв глаза, и мне было очень тяжело им сопротивляться. Сомнения у меня были, но больше - по отношению к себе. Дело в том, что мне было двадцать восемь лет, а ей девятнадцать. Я был взрослым человеком. С семнадцати лет я жил самостоятельно и привык все решения принимать сам. Да и испытаниям я подвергался серьёзным. Кроме того, в глубине души я всё ближе был к решению об эмиграции. Иногда мне казалось, что я не очень создан для семейной жизни. Как можно иметь детей, если это государство считает тебя человеком второго сорта, и ты обречён на унижительное существование?

Какую стартовую площадку я мог подготовить? Мне двадцать восемь лет, а у меня ничего нет. Мог ли я взять на себя ответственность за других и вести их по этой жизни? Все эти вопросы в голове, но ответа нет. Но решать

только мне, и никто не подскажет ответ. Все эти мысли здорово мешали работать, вирус действовал.

Я тянул время, пытаюсь увидеть ситуацию со стороны. Юля не давала мне повода для сомнений, хотя и была уже в очках.

Но тут вмешалась система: мне позвонили из военкомата и сообщили, что призывают меня на два года в армию, это был удар ниже пояса. Формально меня могли призывать ещё в течение полутора месяцев, но я никогда не слышал о таких случаях. Это было что-то за гранью. Мне прислали повестку явиться в Калугу на медкомиссию. Военкомату надо было закрыть заявку, и тут подвернулось моё дело. На медкомиссии я просил врачей помочь мне, но они отмалчивались и писали «годен». Я был в отчаянии. Только-только моя жизнь начала налаживаться, и вот новый удар системы. Но случилось чудо. Пожилая женщина-хирург после моей жалобы на почечные колики спросила меня, есть ли фиксации моих приступов в больницах, я ответил утвердительно. Тогда она написала в медицинской карте, что я нуждаюсь в дополнительном обследовании, но военкомату я нужен был сейчас, немедленно. Начальник медицинской комиссии был в бешенстве, он при мне обзывал врача последними словами, но поезд ушёл - я был счастлив.

Молодожёны

Я привык принимать решения, и я его принял. Юля приняла мое предложение сразу и без колебаний, и у меня, а скорее, у нас началась новая жизнь, которая продолжается и сейчас, спустя уже сорок лет.

Три года жизни в Балабаново подошли к концу – на все субботы и воскресенья в течение трёх лет я уезжал в Москву. Три года я прожил в электричках. Начинаясь новая для меня жизнь. Опять новая. Свадьба прошла тепло и весело. Были только родные и близкие.

Глава 6

Вновь Москва

Жить мы начали в квартире с родителями Юли. Это была небольшая, общей площадью 51 квадратный метр, трехкомнатная квартира возле метро Филёвский парк. У нас была комната 9 кв. м., но для начала это было нормально. Я был уверен в себе и не унывал. В первую очередь мне надо было найти работу. Жена училась на пятом курсе института, и обеспечивать семью должен я - это было для меня в порядке вещей. Юля оказалась исключительно толковым и организованным человеком. В двадцать лет она была готова для семейной жизни, в отличие от меня.

Юлин дедушка работал в Главном Архитектурном Управлении Москвы (ГЛАВАПУ). Эта огромная организация (около 16000 человек) располагалась на площади Маяковского в самом центре города.

Он посоветовал обратиться к начальнику механического отдела «Моспроект1» Сомову Георгию Семёновичу (фамилия изменена), так как я был по специальности инженер-механик. Отдел был большим и занимался интересными проектами, часто требующими нестандартного мышления. Через двадцать минут интервью Сомов сказал, что берёт меня, и в понедельник я могу выходить на работу.

Я начал работать в «Моспроект1». Это была совершенно новая для меня работа: механика в архитектуре и строительстве. Первое мое задание было - установка портрета на здании Министерства Внешней торговли на Смоленской площади. Задача была очень непростая, так как на портрете

Владимир Ильич был намного крупнее, чем в жизни. Размеры портрета - сорок на двадцать метров. Основа портрета была из брезента, общий вес был около двадцати тонн. Нужно было ещё учесть дополнительные нагрузки, которые появлялись от ветра. Примеров расчёта такого монстра у меня не было. Я очень старался, и что-то получилось. Но когда портрет Вождя в начале ноября установили на здании Министерства, я подумал, что портрет от дождя и мороза может покрыться коркой льда, и его вес может значительно увеличиться, а это опасно. Но поезд уже ушёл. Что делать? Каждый день в Октябрьские праздники я ездил на Смоленскую площадь и молил Бога, чтобы не было дождя, снега и мороза. Бог меня услышал, а Ленин не подвёл. Всё обошлось.

Было много интересных проектов: центрифуга для космонавтов, крутящийся ресторан в Бухаре, который ещё и одновременно поднимался на высоту 40 метров, оркестровый подъёмник и много других.

Трагический случай произошёл при строительстве дипломатического представительства Франции в СССР, расположенного в Москве на Якиманке - этого современного здания из красного кирпича и стекла. Его хотели открыть к первому приезду в Москву французского президента Валери Жискара д'Эстена. Там был один балкон с большим выносом (консолью) вперёд. Для консоли использовали большие уголки, которые были проверены на изгиб. Все очень спешили всё сделать к приезду. Президент Франции должен был выступить и произнести свою речь с этого балкона. Во время строительства строители не нашли несущего уголка, который был заложен в проекте, и попросили заменить его уголком поменьше, который был в данный момент на стройке. Разговор о разрешении замены вёлся по телефону с беременной сотрудницей, которая не разобралась в этом вопросе и согласилась на замену. После окончания строительства в Москву приехали французские специалисты для приёмки здания посольства. Балкон загрузили кирпичами и пошли на обед. По существовавшим в то время правилам он должен быть простоять под этой нагрузкой 24 часа. Но, когда пришли после обеда, балкона уже не было: он упал. Был страшный скандал. Уволили начальника Управления, который впоследствии умер от инфаркта, а женщине объявили выговор.

Смешной случай произошёл при строительстве Белого дома - Дома Советов РСФСР. Мы отвечали за оркестровый подъёмник и потолок главного актового зала, где должны были происходить торжественные мероприятия. Потолок, по нашим предложениям, изготовили в Японии. Только они имели

дерево с такой акустикой, которую от нас требовали. По лестнице я залез на потолок, чтобы проверить качество соединений. Сделано было очень хорошо. Весь потолок состоял из узлов. Шесть сегментов сходились в одну точку, это был узел. Конец каждого узла закрывался золотого цвета звездой. Но поверхностей сегментов было шесть, и звёздочки были шестиконечными. Оказалось, что потолок главного зала Дома правительства весь был покрыт шестиконечными звёздами. Японцы, конечно, на это не обратили внимания, а я от удивления чуть не упал с лестницы. Правда, потолок был очень высоко и разглядеть это снизу было очень трудно.

Сомов был очень хорошим инженером. Он мог идти на риск, ведь часто приходилось решать совершенно не стандартные задачи. Но человеком он был крайне честолюбивым и жадным.

В 1980 году в Москве должны были проводиться Олимпийские игры. К этому мировому шоу мы начали проектировать и строить объекты. «Моспроекту1» и «Моспроекту2» поручили спроектировать крытый стадион на проспекте Мира. Этот огромный стадион вместимостью 60 тысяч человек должен был удивить мир, иначе мы не можем. Всё было брошено на это. Никто не подозревал, что после ввода Советских войск в Афганистан в 1980 году США и ряд европейских стран будут бойкотировать Олимпиаду, и мы опять окажемся в дураках. Но тогда до этого было далеко, и удивить мир должен был и наш отдел тоже.

Нам предложили спроектировать раздвижную стену, которая могла бы делить стадион на две части, изолированные друг от друга. В одной части стадиона проходил бы баскетбол, а в другой - волейбол, и зрители не должны были слышать друг друга. Стена длиной 160 метров и высотой 25 метров должна была весить вместе со звукоизоляцией около 650 тонн.

А также мы должны были спроектировать трибуны на воздушной подушке, примерно на 440 человек каждая, и чтобы одна женщина без посторонней помощи могла её перемещать по стадиону. Предполагаемый вес трибуны - 20 тонн. Задача не из лёгких. Никто и никогда этого не делал, а мир узнает какие мы крутые... И надо отдать должное Сомову: он за это взялся.

Другой вопрос, зачем и кому это нужно. Зачем тратить огромные деньги и усилия, чтобы весь мир ахнул, а, может быть, лучше обеспечить население больницами и продуктами. Но кто в СССР думал о людях.

Мы начали работать. Стресс был огромный. Стену решили разделить на 26 панелей по 25 тонн каждая. В двух противоположных карманах хранятся

по 13 панелей. Рама, по которой движутся две машины с панелями, опирается на стену и крышу стадиона. Только вес рамы был около 145 тонн. Раму проектировал отдел строительных конструкций института «Моспроект 2». Главным конструктором был Рафалович. Машины, которые перевозили 25-тонные панели, проектировал институт «ВНИИМЕТМАШ». С руководителем Комиссарчуком Юрием Степановичем я поддерживаю связь и теперь. Сейчас ему 80 лет, а тогда было 42... Да, жизнь скукоживается, как шагреновая кожа. Тогда компьютеров не было, работали только с логарифмическими линейками. Как инженеру, мне всё это было безумно интересно. Нас было всего 60 человек, включая чертёжников.

Трибуны на воздушной подушке я проектировал вместе с Семёном Булкиным. Семён был очень хорошим инженером, и мы часто работали вместе. Он был Главным инженером этого проекта. Но этот проект был ему не очень интересен: он работал с раздвижной стеной, и большую часть мне пришлось делать одному, под контролем Сомова. С раздвижной стеной я работал тоже очень много. Работали очень напряжённо в течение двух лет.

Я продолжал учиться жизни и расставаться с иллюзиями. В одну из пятниц я простудился, а Сомов попросил всех выйти работать в субботу. Я сказал ему, что плохо себя чувствую и на работу не приду. Он сказал мне, что это очень важно, и он просит меня прийти, потому что накопилось много вопросов ко мне. Я пришёл домой и попросил Юлю сделать на ночь «адскую смесь»: выжатый лимон, чайная заварка и чистый спирт. Все это выпил, а утром проснулся совершенно здоровым и поехал на работу. Сомов на работу не приехал, сославшись на простуду. Мои почки не выдержали «адскую смесь», и на работе у меня начались дикие боли с рвотой. Я позвонил в «скорую», но они приехали только через час и отвезли меня в знаменитую Боткинскую больницу, где «скорая» сбросила меня в подвал, в приёмное отделение. Полтора часа я ждал врача, катаясь по полу от жутких болей. Через полтора часа, потеряв терпение, я ворвался в первый попавшийся мне кабинет. Это был, при моём везении, гинекологический кабинет. Молодая симпатичная женщина сидела в кресле в соответствующей позе, а врач куда-то вышла. Мне было так плохо, что я не смог правильно оценить сложившуюся ситуацию. Женщине тоже, судя по всему, было плохо, и мы стали миролюбиво беседовать, рассуждая каждый о своих проблемах. В этот момент вернулась врач-гинеколог и стала кричать на меня, что я хулиган и так далее, но я ей тоже, на повышенных тонах, объяснил в двух словах мою ситуацию. Врач всё поняла и отвела меня в лабораторию для сдачи анализов

мочи и крови. После успешной сдачи она отвела меня к другому врачу, но той было явно не до меня. Ей привезли болгарина с инфарктом прямо из Кремля. Врачу было страшно от свалившейся на её голову ответственности. Но она нашла удобное для неё решение и распорядилась отправить болгарина в Кремлёвское отделение этой больницы, а я лёг на освободившееся место. Врач затребовала мои анализы, но их не смогли найти. Она потребовала сдать анализы повторно, но анализ мочи я уже сдать не смог, хотя и очень старался. Я ничего не ел и не пил с утра, а было уже три часа дня. Тогда врач сказала, что не может мне помочь, и попросила освободить койку. В этот момент принесли обратно болгарина - он оказался слишком мелкой сошкой для Кремлёвского отделения, и его вернули обратно. Понятно, что уже было не до меня. В Советском Союзе любой иностранец имеет статус намного выше, чем местный абориген.

Совершенно обезумев от боли и голода, я пошёл снова к гинекологу. Было уже четыре часа дня, а мною никто ещё не занимался. Я не умер, потому что очень хотел жить, и на этот раз советская медицина опять оказалась бессильна.

У гинеколога, наконец-то, пробудилась совесть, и она посадила меня в гинекологическое кресло. Пришла молоденькая сестра с советским катетером, почему-то огромного размера. Сестра с большим энтузиазмом, который так свойственен молодости, ввела катетер в соответствующее место. От этой боли я заорал и чуть не упал с кресла. Тут я почувствовал, что победа Советской медицины надо мной близка, как никогда... Затем гинеколог ввела мне в вену цветную жидкость и через минуту определила, что не работает правая почка. После этого она сделала мне обезболивающий укол и боль прошла, но ходить в туалет после ввода советского катетера я боялся три недели. Меня положили в стационар на обследование, и через две недели я вышел без диагноза. Правда, для приличия, они предположили, что у меня туберкулёз, и отправили в диспансер, который, после анализа трёх литров моей мочи, заявил, что туберкулёза у меня нет. И это одна из лучших больниц СССР. Если бы у меня был гнойный аппендицит, а по признакам это могло быть, я бы умер в приёмном отделении. Это пример бесплатной медицины. Что интересно, Георгий Семёнович в субботу на работу не пришёл и ни разу в течение двух недель мне не позвонил. После этого случая я старался никогда не перерабатывать, а к Сомову стал относиться по-другому: я для него только инструмент достижения цели.

Огромное количество вопросов приходилось решать каждый день, как для стены, так и для трибун. Как соединять панели, чтобы на 25 метрах не было щелей, через которые мог пройти звук, какая должна быть толщина изоляции, устойчивость панели и всей стены? Огромное количество вопросов было от пожарников. Они поставили условие, что, если в одном месте появится возгорание, то стена не должна допускать огонь на другую половину стадиона, как минимум, полтора часа. А как это сделать? Я занимался изготовлением образца стены, а потом вместе с пожарными сжигал его в печи, проверяя на огнестойкость и так далее. Много вопросов было и по трибунам. Воздушные подушки нам разрабатывала авиационная промышленность. У подушек была определённая грузоподъёмность, а пожарники требовали, что, если возгорание возникнет под трибуной, то для того, чтобы люди успели уйти, им надо дать хотя бы час, а как это сделать, если сталь держит огонь только пятнадцать минут, потом начинает течь, а об алюминии и речи нет. А что делать с весом? А грузоподъёмность подушек? Очень жёсткие требования к полу выставили авиаторы. Все эти вопросы решались каждый день, находились компромиссы. Наконец-то мы начали изготавливать образцы. Стену изготавливали авиационные заводы, а трибуну и машины - ВНИИМЕТМАШ.

И вот мы подошли к первым испытаниям. Испытаниями стены занимались два главных инженера проектов Олег Богомолов и Семён Булкин, а за испытание трибуны отвечал я. Сомов курировал всех. Опытную трибуну установили в одном из цехов ВНИИМЕТМАШа. Вокруг стояли станки и оборудование. Мне дали четыреста солдат, которые имитировали болельщиков. Рядом стояли две «скорые помощи» и пресса. Георгий Семёнович предложил мне, как автору, встать на самую высокую точку трибуны и командовать солдатами. Они должны были по команде вскакивать, садиться и раскачиваться, взявшись за руки. Я очень волновался, но испытания прошли хорошо. У меня брали интервью центральные газеты, а в газете «Советский спорт» интервью заняло целый подвал. Я просил корреспондентов дать мне почитать статьи перед публикацией, но только единицы это сделали. Читать было стыдно, так как в основном написанное было безграмотным. Я понял, что прессе доверять нельзя. Но моя мама была счастлива, и это было здорово. Правда, в авторское свидетельство Георгий Семёнович меня забыл включить, вписав туда всё своё начальство - ещё раз о порядочности.

Со стеной вышло всё по-другому, но это было позднее. Когда машины начали вывозить панели, основная несущая рама начала прогибаться, и комиссия в ужасе разбежалась. Почему это произошло, никто не понимал. Только через день рама остановилась, прогнувшись в средней части на метр. Тут же были посланы сварщики, которые заварили всё, что было возможно. Рама больше не двигалась. После этого пришлось урезать все панели, что и сделали авиационные заводы, работая круглосуточно. Я был один из тех, кто осуществлял авторский надзор на стадионе в течение полугода. Приходилось каждый день ходить под крышей стадиона по укрепленным настилам, работая с монтажниками на высоте около 25 метров. Передвигались очень осторожно, для страховки держась ещё и руками. Были и смертельные случаи. Однажды настил, по которому я шёл, оказался не закреплён и соскользнул вниз. Я повис на руках на высоте 25 метров - ощущение было не из приятных.

Было принято решение, что трибуны будет изготавливать завод по производству подводных лодок в Мариуполе, и мы с Сомовым вылетели туда на техническое совещание. Это было зимой. В Мариуполе шёл мокрый снег, повсюду была грязь. Надо сказать, что тогда в стране есть было совершенно нечего, и ввели даже «рыбные дни» (по четвергам, так называемым «рыбным дням» в столовых, кафе и ресторанах в меню отсутствовали мясные блюда). Нечего было есть и в местном ресторане. Ощущение голода было постоянным. Только на заводе можно было съесть что-то нормальное.

Совещание проходило хорошо. Инженеры были квалифицированные, и мы решили почти все технические проблемы.

Всё шло хорошо, но вдруг Георгий Семёнович на собрании объявил руководству завода, что он решил оставить меня на полгода на заводе для авторского надзора и оперативного решения вопросов. Я не поверил своим ушам. Я понимал, что он это делает только для того, чтобы всем показать, что автор только он, но почему он это решает, даже не спросив меня? Ведь сидеть в Мариуполе предстояло именно мне. Здесь было несколько вопросов: во-первых, высокая квалификация инженеров завода позволяла большинство вопросов решать по телефону. Во-вторых, жить шесть месяцев в полуголодном состоянии, далеко от молодой жены было крайне нежелательно. В-третьих, (самое главное) - для работы на заводе нужно было оформлять допуск высокой секретности. Это мне было совершенно не нужно, так как идея эмиграции оставалась в моих планах. Ну, и в-четвёртых,

«вишенка на торте»: руководство завода на время командировки предложило мне комнату... в женском (!!!) общежитии. То есть, были учтены все возможные проблемы. И всё это-ради желания моего начальника показать всем, кто автор. В гостинице я ему сказал, что здесь не останусь и допуск оформлять не буду.

Сомов был в ярости. Он пригрозил, что моя успешная карьера на этом закончится, но я не изменил своего решения.

По приезду в Москву он побежал в 1-й отдел (секретный отдел, работающий с КГБ) и доложил о моём отказе. Но обойтись без меня тогда он не мог.

Наконец-то, все трибуны были изготовлены и привезены на стадион. Надо было ещё отшлифовать бетонный пол. Требования к полу были очень жёсткие, но поступил приказ Первого секретаря Московского горкома партии товарища Гришина: провести в ближайшие дни концерт на Олимпийском стадионе, то есть, трибуны расположить вокруг эстрады. А как это сделать, если полы ещё никто не шлифовал - тянуть тракторами, конечно. Как результат, подушки будут порваны, ну и хрен с ними. Концерт смотрела вся страна. Подушки были уничтожены, но товарищ Гришин был доволен. Идиотизм и варварство. Как уважать эту страну, которой руководят одни упыри. Я больше трибунами не занимался, да и подойти боялся: столько труда и денег загублено.

Все билеты, которые нам дали на Олимпиаду, Сомов раздал начальству и своим родственникам, а нам ничего не дал. На Олимпиаду я не ходил, да и не интересно было. Всё это напоминает фильм Тарковского «Андрей Рублёв», где мальчик изготовил колокол по приказу князя. Для показа колокола князь приглашает иностранных гостей, но, когда мальчик, которого даже не пригласили на показ, говорит, что это он изготовил колокол, охранник князя отталкивает его ногой, и мальчик падает в грязь. Он больше не нужен.

Наша страна вторглась в Афганистан. Для чего - толком никто не понял. В знак протеста США и Европа на Олимпиаду не приехали, и её проведение провалилось. Из Афганистана СССР с позором ушёл, потеряв пятнадцать тысяч солдат и угробив при этом миллион афганцев. Зачем, кто понёс наказание?

Мы проектировали дачу Сулова (второй человек в партийной иерархии) в Гаграх. Мне поручили спроектировать раздвижную стену для бассейна. В хорошую погоду при нажатии кнопки стена бесшумно уходила и

бассейн становился открытым, в плохую - стена закрывалась и бассейн становился закрытым. Для надёжности я поставил два двигателя, да ещё ручной механический привод. Всю конструкцию следовало сделать из нержавеющей стали, так как дача была у моря. Меня курировало 9-е (Кремлёвское) управление КГБ. Жуткая ответственность. Завод подводных лодок под Ленинградом начинает её изготавливать. В это время у меня на работе раздался звонок. Звонили из Девятого управления. Меня пригласили срочно прибыть в Кремль к начальнику управления. Я испугался, так как не ждал от этого приглашения ничего хорошего. Прихватив чертежи, я приехал в Кремль к Боровицким воротам. Меня встретил солдат с автоматом и отвёл к начальнику управления. В огромном кабинете сидел генерал в штатском, которого я никак не мог запомнить. Сначала он сказал, что я, очевидно, хороший и умный инженер. Мне это совсем не понравилось, и я максимально сосредоточился, предчувствуя опасность. Далее, он попросил меня заменить нержавеющую сталь, которую я использовал в проекте, на обычную, так как в данный момент такой стали у него нет. Он обещал, что они тщательно покрасят конструкцию, и всё будет хорошо. Увы, это всё только слова. Металл находится в агрессивной среде у моря, и достаточно где-то повредить краску, как конструкция начнёт ржаветь очень быстро. Он попросил, но отвечать-то буду я: везде только моя подпись. Надо было что-то придумать. Я сказал, что его предложение - это хорошее решение, и я как раз принёс чертежи, и он может написать на главном виде своё решение, а я быстро произведу замену материала, то есть, я буду действовать согласно его распоряжению. Генерал всё понял. Его лицо моментально стало непроницаемым, а глаза выражали ненависть. Он сказал, что занят, и я покинул Кремль с огромным облегчением. Завод начал изготавливать раздвижную стенку, и я готовился в командировку в Ленинград, но в это время умер Суслов и работу прекратили.

Для Брежнева мы начали разработку стула, который должен был двигаться сам по определённому маршруту, так как генсек ходить уже не мог, но умер Брежнев.

После этого для Андропова мы проектировали эскалатор позади Мавзолея. Андропов был очень болен и не мог самостоятельно подниматься. Эскалатор установили, но Андропов умер.

Следующим был Черненко. Дело в том, что он был очень больным человеком, а по правилам игры он должен был читать доклад, стоя в течение длительного времени. Для пожилого и очень больного человека это было

невозможно. Зачем это ему было надо, я не знаю. Власть - дело тёмное. Но мне позвонили из 9-го Управления и попросили спроектировать стул, который мог бы бесшумно подниматься, не привлекая внимания, и Генсек мог сесть и читать доклад, а все бы думали, что он стоит. Я попросил дать мне расстояние от пола до ягодичек Генсека. Они сказали, что измерить это расстояние не могут. Пока мы выясняли эти интересные технические вопросы, умер Черненко. Невероятные совпадения со всеми генсеками. И последний случай из этой серии. Мы проектировали фуры - места президиума для 27-го съезда Коммунистической партии, и он оказался последним: ну не мистика? Как это объяснить?

Вот что пишет современный писатель Игорь Гарин: (что-то аналогичное писал Солженицын в «Архипелаге Гулаг») «Перебирая всевозможные ответы, я пришел к выводу, что в иерархии причин перманентного исторического отставания России на первое место можно поставить феномен, который я окрестил противоестественным отбором (длительной отрицательной селекцией или генетической катастрофой). Если основанный на конкуренции естественный отбор способствует эволюции, отбору наиболее приспособленных и жизнеспособных особей, то противоестественный отбор, присущий лишь негативным видам человеческих сообществ, ведет эти сообщества к деградации и брейкдауну. Связано это с тем, что в таких сообществах самые высокие позиции в государстве занимают не достойнейшие и умнейшие, а наихудшие и бесталанные, аморальные и циничные. Гибель многих государств и исчезновение древних народов связано с ошибочными ответами элиты на вызовы истории по причине кооптации в эти элиты ничтожеств, отбираемых по принципам противоестественного отбора, главные из которых — подавление и уничтожение властью лучших и достойных.

Приведу наглядный пример. Инквизиторы, где бы они не действовали, всегда уничтожали лучших и независимых. Ибо сама природа инквизиции такова, что она ориентирована на борьбу с инакомыслием: еретики должны быть уничтожены не потому, что виновны, а потому, что способны думать собственными мозгами». И дальше: «Противоестественный, или негативный отбор в России шел сразу по многим каналам и на генетическом уровне:

- постреволюционное изгнание интеллигенции («говна» нации, по словам Ленина);

- уничтожение Сталиным трудового крестьянства, остатков интеллигенции и верхушки армии;
- государственный терроризм, или уничтожение карательными органами государства всех способных к самостоятельному мышлению;
- создание совковой номенклатуры, в которую кооптировали самых пакостных, беспринципных и служивых;
- массовая и перманентная утечка мозгов».

Но параллельно с моей основной инженерной работой я занимался и общественной. Оставалась ещё энергия, которую надо было куда-то деть. Меня выбрали председателем цехкома - должность совсем не значительная, но я развернул кипучую деятельность, которая очень быстро вышла за рамки цехкома. В отделе люди стали ходить в театры и на концерты. У нас был большой актовый зал, и я решил его использовать, организовывая концерты известных артистов. Первыми я пригласил двух самых известных в стране сатириков - Михаила Жванецкого и Александра Иванова. Успех был огромный. Тогда я осмелел и устроил целый концертный сезон, пригласив: Сергея Юрского, Михаила Козакова, Марка Розовского, Ролана Быкова и многих других. Михаил Жванецкий был у нас раз пять. Я общался с ним неоднократно, и всегда это было тепло и интересно. Меня выбрали в местком Управления, и теперь все меня знали.

Однажды Сомов решил подшутить надо мной и сказал, что мне никогда не пригласить самую популярную певицу - Аллу Пугачёву - выступить у нас в Управлении, но я принял этот вызов. Дело в том, что она жила на улице Горького, недалеко от Главка. Однажды я увидел её, выходящей с дочерью из подъезда. Этот редкий случай упускать было нельзя, и я подошёл, поздоровался и пригласил её выступить у нас. Она согласилась, была вежлива и приветлива, и мы обменялись телефонами. Когда я рассказал Георгию Семёновичу, что разговаривал с Пугачёвой и пригласил её выступить у нас, он решил, что я его разыгрываю, но я сказал, что это правда. Он очень разволновался, и мы пошли к начальнику Управления «Моспроект 1» Стейскалу. Он внимательно выслушал нас (его отец одно время был первой скрипкой в Большом театре) и обратился ко мне: «Наум, зачем нам эта вульгарная женщина? Надо будет вызывать конную милицию, будут

ломать стулья и так далее. Зачем?» Концерт он отменил, но Пугачёву я всё же пригласил.

Я проектировал механизацию большой торговой базы и должен был подписать технические документы у начальника торгового Главка, а проблемы с питанием были очень большие по всей стране. Я написал на бланке нашего Управления просьбу начальнику торгового Главка дать разрешение на выделение еженедельно продуктовых заказов из Елисеевского магазина (самый крупный гастроном в Москве) и сам подписал. Это в те голодные времена. Начальник прочитал бумагу и на ней написал распоряжение директору Елисеевского магазина товарищу Соколову (его впоследствии расстреляли - при Андропове) выделять Управлению «Моспроект 1» еженедельные заказы (наборы продуктов). Но начальник Главка предупредил меня, что Соколов неуправляем, так как кормит всё правительство и даже дочь Брежнева, и если он мне откажет, то уже будет ничего нельзя будет сделать.

Утром я пришел в Елисеевский магазин и стал ждать директора в подвальном помещении у кабинета. Наконец он появился. Я пошёл ему навстречу и поздоровался, он ответил, вошёл в кабинет и быстро закрыл дверь на замок перед моим носом. Как видите, он был совсем не джентльменом. Это меня разозлило: такого хамского поведения я ещё не видел. На следующий день утром я пришел снова. Всё повторилось опять (он меня не узнал), но в последний момент я вставил ногу, и он не смог закрыть дверь. К моему удивлению, он это воспринял нормально и предложил войти. Видно, в его понимании, так мог вести себя только свой. Его кабинет напоминал музей: каких только вин и коньяков там не было. Я дал ему бумагу, и он подписал её сразу, без обсуждения. Таким образом, наше Управление стало получать заказы из самого престижного гастронома, а моя популярность резко пошла вверх. Я ни разу на всех этих мероприятиях не заработал ни копейки.

Мне 32 года. В Москве начали организовываться секции карате. Что это такое, никто толком не знал, но слухов было много. Сказочные приемы делают тебя сильным и неуязвимым. Единоборства всегда мне нравились, да и жизнь в России постоянно требовала умения постоять за себя. Я через свою знакомую Лену нашёл секцию. Тренер - Володя Ковалев - оказался симпатичным парнем моего возраста. У него было большое спортивное прошлое. Он учился борьбе самбо ещё у самого Харлампиева - основателя этого эффективного вида борьбы. Мы подружился на всю жизнь. Володя,

как и Саша Грошев, был настоящим русским патриотом, и здесь у нас было очень мало общих точек, но те же мотивы, что и с Сашей, делали нас большими друзьями.

Первая тренировка была очень тяжёлой для меня, так как тело уже давно не испытывало таких физических нагрузок. Движения были необычные, но интересные. Мне помогло то, что много лет я занимался акробатикой и гимнастикой. Странно, но почки почти перестали меня беспокоить. Я делал успехи и двигался к получению чёрного пояса. По жизни несколько раз мне это пригодилось на улице. Я стал себя чувствовать более спокойно, имея за собой знание приёмов карате. Однажды на тренировку пришёл Саша Грошев. Он явно был взволнован и жестами позвал меня. Я подошёл к нему, и он мне рассказал вот такую историю. У его товарища была дореволюционная дача, где на шкафу лежала скрипка в футляре. Эту скрипку его дед во время революции приобрёл на рынке в обмен на хлеб в голодный год. Музыкантов в семье не было, и скрипка все это время лежала на даче. Семья решила навести порядок и стала делать уборку. Сашин товарищ стал вытирать пыль с футляра, но сделал это неловко, и скрипка упала со шкафа и небольшой кусочек от неё отлетел. Каково же было его удивление, когда он увидел внутри этого куса наклеенную бумажку, на которой было написано, что эту скрипку изготовил Джузеппе Гварнери. Потрясение было огромным. В Энциклопедии он нашёл, что её стоимость была минимум 250 000 долларов. Для сравнения, в то время в Москве можно было прожить месяц на шесть долларов. Но кто мог бы её купить? Это был хороший вопрос. Они попросили меня заняться этим. В результате я выяснил, что только два скрипача могли бы купить эту скрипку. Это были Леонид Коган и Владимир Спиваков. Мои знакомые поговорили со Спиваковым, и он согласился ее посмотреть. Всё, как будто, складывалось хорошо, но я не мог поверить в такую удачу. Меня судьба никогда не баловала, и я привык всё отрабатывать до конца, чтобы не было конфуза и не подвести людей. Мой приятель Юлий работал 3-й скрипкой в Государственном симфоническом оркестре. Я попросил его отвести нас со скрипкой к опытному эксперту для подтверждения изготовителя, и он согласился. Хозяин привёз скрипку, завёрнутую в одеяло, как маленького ребёнка. Когда мы стали разглядывать скрипку, Юлий вынул свою и сравнил их. У него была старая скрипка, которую изготовила известная фирма «Циммерман». Увы, скрипки были очень похожи по всем параметрам. Я всё понял: чуда не произошло, и эксперт подтвердил это.

На секции карате я подружился с двумя ребятами, Володей и Сашей. Володя уже был кандидат наук и очень эрудированный парень. Он познакомил меня со своим отцом. Это было для меня большим событием в жизни. Его история просто уникальна. Я назову его другой фамилией - Грусберг, только по причине того, что прошло уже тридцать шесть лет, и я не помню всё досконально, поэтому могут быть ошибки, за которые я прошу извинения. В середине тридцатых он был начальником отдела ЦК комсомола. В 20 лет это была большая должность. Он был от природы физически очень здоров. Всё было безоблачно. Но в этот момент товарищ Сталин принял решение убить испанского диктатора Франко. Набрали особо секретную группу людей для убийства, куда и попал, назовём его так, Семен Исаакович. Какое-то время их учили убивать, выживать в разных условиях и так далее. И вот, когда они превратились в убийц и были готовы выполнить задание, Сталин передумал убивать Франко - причину я не знаю. Что было делать с этими людьми, которые уже стали опасными свидетелями? И нашего героя приговорили к двадцати годам лагерей. Он проходил как политический. В лагере уголовники хотели его опустить, но он убил двоих голыми руками и стал паханом. Уже после войны его выпустили, и он поехал работать на Байкало-Амурскую магистраль (БАМ) бригадиром. Семён Исаакович прошёл путь от бригадира до начальника Главка Министерства, лауреата Ленинской премии (высшая премия СССР). Это просто фантастический путь для еврея, да ещё бывшего заключённого. В это невозможно поверить. Но за всё надо платить, особенно за такую невероятную судьбу: в пятьдесят четыре года, на пике карьеры, у него обнаружилась болезнь Паркинсона, и он вынужден был уйти с работы. Я познакомился с ним, когда он героически боролся с этой болезнью. Я общался со многими людьми, прошедшими лагеря. Как правило, это были сломленные люди или недалёкие фанатики, думающие, что произошла трагическая ошибка. Семён Исаакович всё понимал абсолютно правильно и мыслил очень интересно. Я провёл в разговорах с ним много часов и считаю, что мне очень повезло. К сожалению, после долгих лет борьбы болезнь победила этого героического человека. Я его буду помнить всю жизнь.

В 1982 году я уже работал Главным инженером проектов в группе, которая делала металлоформы для изготовления различных железобетонных конструкций. Я ушёл в эту группу после отказа от секретного допуска, так как желание уехать было сильнее желания сделать карьеру.

Осенью этого года Брежнев часто болел, и все ждали печального исхода. Но я, в отличие от других, с большим нетерпением ждал рождения моего первенца. Моя программа вошла в противоречие с реальностью, которая говорила, что никакого светлого будущего у детей здесь не предвидится, и это была правда, но программа этого не учитывала и требовала продолжения рода. И я, после долгого сопротивления, сдался программе. Доктор и йоги сказали, что будет мальчик. Наступило 11 ноября. Утром на работе мы заметили, что Центр окружают войска. Предчувствие было одно: умер Брежнев. Что происходило в Кремле, мы знать не могли, но появление войск в Центре не радовало. Позвонила моя жена и сказала, что у неё болит живот. Я сказал ей, чтобы она попила чаю, а сам побежал к метро «Белорусская». Но у метро меня остановили военные. Я показал документы и сказал, что у меня жена рожает, и меня пропустили.

Через два часа я стал отцом. Назвали дочь Женей. Жизнь приобрела новый смысл. Ребёнок требует много внимания и сил. Мы жили в очень маленькой трёхкомнатной квартире с родителями жены. Появилась необходимость в новом жилье. Мы вступили в жилищный кооператив Министерства Внешней торговли. Дом по проекту должен быть огромный - на семьсот двадцать квартир. Люди из Министерства были в основном состоятельные, так как часто бывали за границей. Я пошёл в правление кооператива и предложил свои услуги. Там было 28 человек и все очень крутые. Мне ответили, что в моей помощи не нуждаются. Все это я предполагал, но это была моя площадка, где я мог бы реально помочь. Я оставил свой телефон и сказал, что, если появится нужда, они могут мне звонить. Уже через неделю мне позвонили и попросили срочно прийти. Вопрос оказался довольно сложным. В соседнем доме жила секретарь члена Политбюро Пельше. Новый дом загоразживал свет в её окно, а это было недопустимо. Конечно, если бы она не была секретарём, никто не обратил бы на это внимания, но она была секретарём... Санэпидемстанция тут же закрыла проект. Что делать? С этим вопросом ко мне и обратились.

Я пошёл в архитектурную мастерскую, которая проектировала этот дом и спросил, что можно сделать в этой ситуации. Решили отрезать один подъезд. Я организовал хорошее питание архитекторам и инженерам, и через неделю проект был изменён и согласован с санэпидемстанцией. Меня тут же ввели в правление в качестве заместителя председателя. Председателем был начальник Главка Министерства Роберт Сазонов (фамилия изменена). Впоследствии он был торговым представителем СССР в

США и Японии. Он был импозантным, высоким мужчиной и очень хорош для представительства. Типичный советский чиновник, без каких-либо убеждений. Сделал отличную карьеру.

Работы было очень много, потому что это был живой организм, который требовал быстрых решений. Благодаря кооперативу я познакомился с великим актёром Иннокентием Смоктуновским. Его сын Филипп стал членом нашего кооператива, но потерял чек первого взноса. Это были тогда большие деньги, и Смоктуновский пришёл ко мне и попросил помочь. Конечно, я ему помог, и эту проблему мы решили. Встреча с ним была для меня значительным событием. Работа была тяжёлой, но впереди был приз: своя новая квартира.

Я был очень занят, хотя и придумывал себе новые приключения, уже хорошо зная бюрократическую систему. В Москве начиналась неделя французского кино. Достать билеты было практически невозможно. Я написал на нашем бланке письмо начальнику Управления кинофикации города Москвы с просьбой выделить нам двести билетов и пошёл к нему на приём. Он принял меня и написал на письме распоряжение о выдаче мне двухсот билетов. А начинал я, если помните, с общежития на Стромынке. Программа приспособилась к существующей системе и стала ею пользоваться, но не во вред другим. Я взял себе и жене два билета, а остальные отдал в местком. Успех был значительным.

После смерти Брежнева Генеральным секретарём стал Андропов, и очень быстро директора Елисеевского магазина арестовали и расстреляли. Его заместителю Васильеву, у которого я получал заказы, дали девять лет. Было понятно, что новая власть сводит счёты и запугивает людей. Служащих ловили в рабочее время в банях, магазинах, кинотеатрах. Конечно, в рабочее время надо работать, но и так вести себя было некорректно. КГБ чувствовал себя хозяином страны. Но никакой новой программы развития не было. Что эти люди собирались делать после прихода к власти - было совершенно непонятно. КГБ - это карательный орган, но отнюдь не созидательный. Я стал серьёзно задумываться об эмиграции.

В это время строительство кооператива подходило к концу. Правление предоставило мне право первым выбирать квартиру. Мы с Сазоновым поехали в архитектурную мастерскую, где меня все хорошо знали, и архитекторы выбрали две лучшие квартиры с точки зрения инсоляции. Надо ли говорить, что члены правления выбрали себе квартиры в том же подъезде. Родители жены предложили нам вариант: мы остаёмся в старой 3-

х комнатной квартире, а они переезжают в новую и продолжают выплачивать кооператив, нас это устроило.

Типично по-советски проходила приёмка дома. Дом не был готов к сдаче, но строители хотели получить премию. По этому случаю строители организовали совещание, где от кооператива были приглашены Сазонов и я. Директор строительного Управления - орденосец, член Верховного Совета – с чувством и очень убедительно говорил о подвиге строителей нашего дома, которые в любую погоду, не жалея сил, строили наш дом. Когда он закончил свою проникновенную речь, хотелось на коленях благодарить строителей и немедленно подписать акт приёмки, но, к сожалению, я всё испортил. Я позволил себе не согласиться с депутатом и орденосцем и потребовал сначала закончить строительство дома, а только потом мы подпишем акт приёмки. Я передал ему список того, что они ещё не сделали. Для этого, за неделю до собрания, я попросил будущих жильцов осмотреть свои квартиры и в письменной форме отметить все недостатки, что они с большим энтузиазмом и сделали. Это внесло определённую нервозность в оптимистическую атмосферу собрания. Депутат и орденосец пообещал всё исправить, но я должен акт приёмки подписать немедленно. Я отказался подписывать. Он спросил, являюсь ли я членом Партии, я ответил, что членом не являюсь, но не понимаю, какая связь между членством и недоделками. После этого говорить уже было не о чем, и я покинул собрание и уехал на работу. Когда я приехал на работу, меня немедленно вызвал Главный инженер Управления. Он сказал, что ему позвонили Сверху и попросили надавить, чтобы я подписал акт приёмки. Я ему всё объяснил, и он отпустил меня работать. Удивительное дело: член Высшего законодательного органа заставляет меня подписать незаконный документ, делает это публично и ничего не боится. Что же это за страна такая, где законы нарушают сами законодатели? Абсурд и только!

На следующий день Сазонов без меня подписал акт приёмки. Он был член партии, в отличие от меня, и, надо понимать, выполнил свой партийный долг. Какой народ, такие и бояре.

За последние 100 лет Коммунистическая партия - самый большой преступник в мире, но её никто не судил, а страна до сих пор не раскаялась. Как это объяснить и понять? Почему страны Европы, Америки всё это спустили на тормозах, пошли на компромиссы, и коммунизм продолжает победное шествие по всему миру, лишь видоизменяясь, ведь это смертельный вирус?

Я много читал об индустриализации в СССР в 30-е годы. Американцами было спроектировано и построено около 570 объектов на гигантскую сумму 2 миллиарда долларов в то время (примерно 250 млрд. сейчас). Миллионы советских крестьян были ограблены и умерли с голоду, так как страна частично расплачивалась отнятым у них зерном. А поскольку бесплатно заставить вкалывать можно только рабов, крестьян в них и превратили, вернувшись к крепостному строю, то есть к колхозам. Тысячи американских инженеров строили всё это, после чего многие из них были расстреляны - Сталину и Компартии свидетели и авторы успеха были не нужны. И все эти преступления забыты?

Глава 7

Перестройка. Бизнес. Перестрелки

А в стране к власти пришёл новый Генеральный секретарь - Михаил Горбачёв. Он был сравнительно молодой, мог сам передвигаться и казался либералом. Много говорил и обещал, но полки в магазинах оставались пустыми. Вот тогда и объявили о перестройке. Разрешили создавать кооперативы. Я был к этому давно готов. Вместе с давним приятелем родителей Юли мы решили создать кооператив типа «Fast food». Нужно было быстро накормить людей. Приятель родителей был в этом деле специалист. Я взял на себя оформление документов по кооперативу и получение площади под него. Это было совсем не просто. На любом этапе оформления требовали взятки. На меня смотрели с подозрением и даже ненавистью, но взятки брали всегда. Я в этом плане вызывал полное всеобщее доверие. Это - результат воспитания многих поколений советских трудящихся. Любое новое движение вызывало отрицательную реакцию, но все документы я оформил и площадь для деятельности получил прямо у метро Новослободская. Мой партнёр был из торговой среды. Его поведение, по моему пониманию, было нечестным, и я вышел из кооператива, приобретя не очень приятный опыт работы с этой средой.

Но параллельно я участвовал в организации архитектурного кооператива «Резерв» и пробовал себя в продаже нефти.

На работе я принимал участие в проектировании и изготовлении фур для Президиума 27 съезда Коммунистической партии. У меня была лёгкая рука в отношении трёх генсеков и товарища Суслова - почему бы не повезти и на этот раз, и со всей партией. Изготовителем был знаменитый завод

имени Хруничева, который занимался производством космической техники. Помимо этого, завод находился недалеко от нашего дома и имел очень хороший детский садик. На одном из совещаний я подсунул бумагу с просьбой дать одно место в садике моей дочери, и заместитель директора её подписал. Так моя дочь оказалась в привилегированном садике, что на самом деле было большой удачей. Но самое главное, что 27 съезд партии оказался последним, а Горбачёв - последним Генсеком.

На 27-м съезде партии, к моему большому удивлению, впервые упомянули имя Александра Львовича Парвуса (настоящее имя Израиль Лазаревич Гельфанд). В Советской истории его имя упоминать было запрещено, хотя до революции оно было очень известным. Он вместе с Троцким, а не Ленин, были лидерами революции 1905 года, и лозунг «Вся власть Советам» был тоже его. После революции он бежал в Турцию, где разбогател на строительстве железной дороги, и переехал в Германию. Далее он стал консультировать немецкого императора Вильгельма. Во время Первой Мировой войны, когда Германия воевала на два фронта, что было губительно для неё, Парвус предложил Вильгельму, как развалить Россию изнутри и вывести её из войны. Для этого он предложил завезти в Россию большевиков, дать им денег на оружие и печать, и они развалят Русско-Германский фронт. В марте 1915 года Парвус направил немецкому правительству подробный план организации революции в России — документ, известный под названием «Меморандум д-ра Гельфанда». Ключевую роль в своём плане Парвус отводил большевикам. Вильгельм согласился. Парвус приехал к Ленину в Швейцарию. Надо сказать, что Ильич уже 17 лет жил за границей, и в России его изрядно подзабыли. Ему было 47 лет и, возможно, это был его последний шанс. И, хотя он ненавидел Парвуса, как своего соперника, он вынужден был согласиться. Всех большевиков поместили в закрытый вагон и провезли через Германию в Россию, дав им при этом ещё и денег. Ну, а дальше всё известно. После переворота Парвус попытался приехать в Россию, так как считал себя одним из авторов этой революции, но Ленин запретил ему въезд в страну, а имя Александра Парвуса в России было запрещено упоминать. Впервые я прочитал о Парвусе у Солженицына - «Ленин в Цюрихе». Вот такая история.

В стране происходили интересные события: многие «заслуженные» члены партии стали отходить в тень, а предприимчивые молодые люди - выходить вперёд. Появилось много энергичных молодых людей, но и жуликов, бандитов стало предостаточно тоже. Но и жизнь становилась разнообразнее. Появились кафе и рестораны, где можно было вкусно и недорого поесть. Возникли разные промышленные кооперативы - сработала инициатива. Это хорошо, но в начале двадцатых был НЭП (Новая экономическая политика), и тоже были кооперативы, и люди, наконец, задышали, но чем это кончилось: всех успешных уничтожили. Кем окажется Горбачёв: Дэн Сяо Пин или Сталиным? Кто даст достоверный ответ? Мой опыт говорил, что Коммунистической партии нельзя доверять ни в коем случае. Обманут, отберут и убьют. Но куда деть энергию, желание работать? Легко задавать вопросы, но ответить часто невозможно.

Еще в студенческие годы я начал собирать и записывать песни 20-х годов - своего рода фольклор. И, когда укладывал Женечку спать, пел ей с большим старанием. Советские песни я не любил и не пел. И вот однажды зимой мы ехали в переполненном троллейбусе мимо Большого театра. Я держал её на руках, стоя на задней площадке. Естественно, никто не уступил мне место. Это было обычное дело для Москвы: мест было мало и на всех не хватало, сидел сильнейший. И в какой-то момент Женечка запела тоненьким голоском одну из моих песен: «Когда фонарики качаются ночные и все на улицу боятся выходить, я из пивной иду, я никого не жду, я никого уж не сумею полюбить...» Троллейбус оживился: все, очевидно, решили, что я только что вернулся с зоны (тюрьмы) и пожалели ребёнка, у которого такой отец. Женечке стали приносить конфеты, гладить её и смотрели на меня с явным осуждением. Нам пришлось сойти на следующей остановке.

В Филевском парке с Женечкой

Я стал больше зарабатывать. Женечка была умной, хорошей девочкой, и мы решили завести ещё одного ребёнка. В это время я удачно продал два компьютера и смог купить почти новую машину «Лада» пятой модели. Раньше об этом можно было только мечтать.

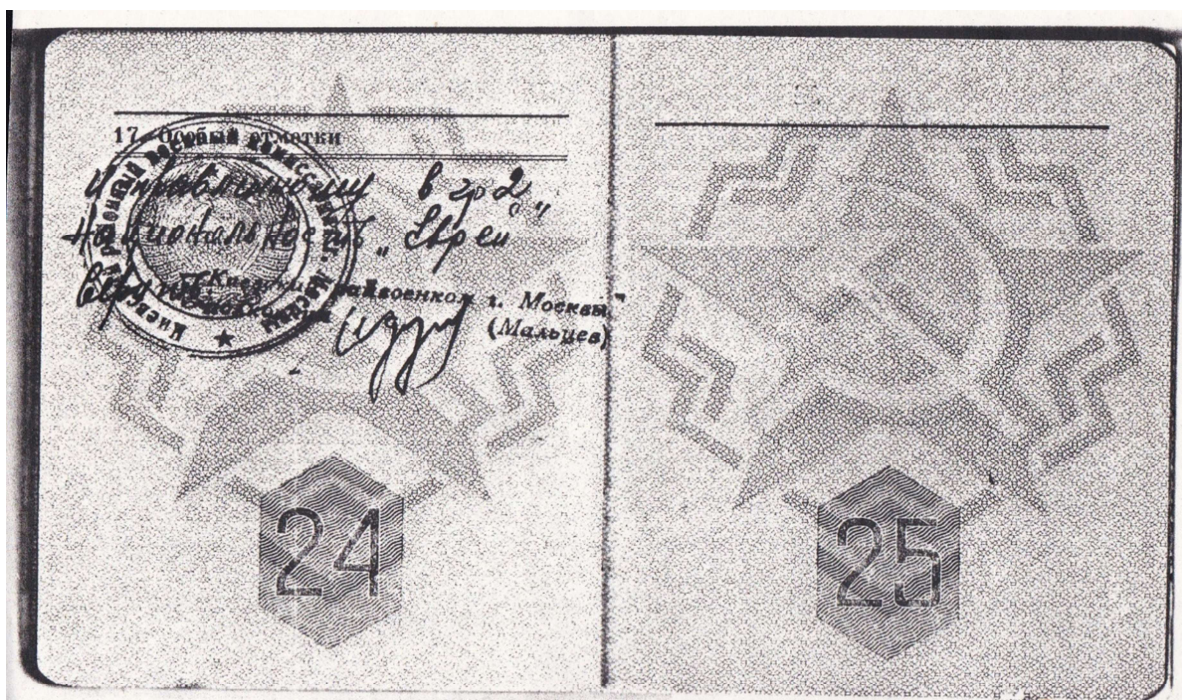
Радовались, за меня правда, по-своему, и наши добрые соседи. Ночью они облили машину краской и прокололи шины. Эта та же рабская психология, когда во время революции крестьяне жгли усадьбы помещиков. Как можно что-то нормальное построить при таком отношении друг к другу? Хорошо, краска не подвела: качество плохое, и мы её легко отмыли.

К нам приехали в гости мои родители, и я их, на этот раз, встречал на Киевском вокзале на новой машине. Они были счастливы. Всю жизнь они жили в бедности, а сейчас сын встречает их в Москве на своей машине.

Уникальное событие произошло со мной. Перед окончанием института, в Куйбышевском военкомате Москвы мне выдали военный билет офицера. Я его внимательно рассмотрел только в общежитии и нашёл страшную ошибку: в графе «национальность» было написано «русский». Я немедленно поехал в военкомат к военкому и указал ему на это. К моему удивлению, он проявил жуткую беспечность и спросил меня, мешает ли это мне в жизни. Услышав неопределённый ответ, он извинился, и, сославшись на занятость, ушёл. Так я и остался по военному билету русским. Я и забыл об этом. Прошло много лет, я уже был женат, и однажды получаю повестку явиться срочно в военкомат Киевского района города Москвы. Ничего хорошего от военкомата в своей жизни я не получал и любви к нему не испытывал, но

Мой военный билет

пришлось пойти. В коридоре меня встретил военком полковник Мальцев с группой офицеров. Не доходя до меня метров пять, он крикнул: «Лейтенант Клейман, вы кто?» Я его спросил, что он имеет в виду. И тогда он грозно, при офицерах, спросил, кто я по национальности в действительности, явно торжествуя, что поймал жулика. Я ему сказал, что всю жизнь считал себя евреем, и не собираюсь ничего менять. Тогда он спросил меня о военном билете, на что я ответил, что это не ко мне вопрос, а к военному Куйбышевского района. После этого мне в военном билете дописали «еврей», а на следующей странице военком написал: «Исправленному в графе национальность «еврей» верить - Киевский райвоенком города Москвы Мальцев. Я, конечно, понимаю, что в это трудно поверить, поэтому и прилагаю копии этого уникального документа, которые бережно храню много лет. А ведь какая была возможность стать русским.

Родился мальчик. Назвали мы его Ильёй. Я хотел назвать Соломоном, но не решился, не мог себе даже представить, как, с таким именем, он смог бы жить в России: его бы затравили. Илья родился абсолютно рыжим. Я всегда испытывал слабость к рыжим, а тут мой сын тоже рыжий, я был счастлив. Мой папа видел внука только один раз. Он умер, когда Илье было только шесть месяцев. Маму удалось перевезти в Москву довольно быстро - на тот момент ей было 80 лет.

А СССР постепенно разваливался. В новом Верховном Совете происходили интересные дебаты. Наконец-то появились очень интересные люди, такие как Сахаров, Афанасьев, Попов и много других. Было непривычно слушать нормальных людей. Появилась надежда. Ельцина выбрали президентом России. Горбачёв поддержал действия США в Ираке. Неужели я ошибся и что-то положительное может произойти?

Первая моя попытка в международном бизнесе. Из Италии приехала моя знакомая Маша. Она вышла замуж за итальянца и, организовав итальянскую компанию, приехала делать бизнес в Москву. Один итальянский миллионер попросил её купить в СССР живых зайцев и фазанов, чтобы потом выпустить их в леса Италии. Она попросила меня помочь ей в этом. Казалось, очень хороший бизнес, платили в долларах – чего же лучше? Я вел переговоры с заместителем министра лесного хозяйства, он говорил, что зайцев много и валюта нужна очень, но кто будет ловить зайцев? Я говорил с первым секретарём Курского обкома партии: зайцев много, но кто будет делать ящики для них? И так везде. Желание получить деньги большое, но надо же для этого поработать, вот если бы итальянцы сами ловили зайцев в наших лесах и делали коробки для их транспортировки, то тогда да.

Но наконец, в Молдавии я нашёл большое хозяйство по размножению фазанов. Итальянец поехал посмотреть, остался очень доволен и даже подписал контракт на большое количество. По условию контракта на одного самца должны быть четыре самки. С директором хозяйства Балабановым я разговаривал по телефону каждый день. Наконец пришла фура из Италии, чтобы забрать фазанов. Балабанов мне отрапортовал, что фура загружена и сейчас отходит. Я звоню в Италию и сообщаю, что фура из Молдавии вышла. Всё хорошо, и через неделю я заработаю первые в моей жизни доллары. Миллионер к прибытию фуры пригласил покупателей из лесных хозяйств Италии. Он торжественно открыл дверцы, и потрясённые покупатели увидели огромное количестводохлых фазанов, в основном, самцов. Дело в том, что Балабанов указал итальянцам дорогу на 700 километров длиннее, и все фазаны сдохли в пути. Ну, и с самцами вышла ошибка, может выпили и ошиблись, кто знает. Итальянец заплакал и сказал, что больше с Союзом он никогда работать не будет.

Я летал на Сахалин. Дело в том, что в Москве я познакомился с американскими бизнесменами, которые занимались организацией спутниковой мобильной связи. Их очень интересовал Дальний Восток, и они попросили меня связать их с бизнесменами на острове Сахалин. Через

некоторое время мои друзья познакомили меня с женщиной-бизнесменом Ниной - она жила на Сахалине и охотно согласилась сотрудничать. Мы с американскими бизнесменами решили организовать Совместное Предприятие по развитию мобильной телефонной связи на Дальнем Востоке. В свою команду мы взяли секретаря Обкома партии острова, который отвечал там за связь. Он здорово помог при оформлении документов в Министерстве связи в Москве. На всю эту работу ушло полгода. Этот бизнес только начинался и обещал огромные прибыли. По сути, мы приобретали контроль над мобильной связью по всему Дальнему Востоку. Наконец, документы по Совместному Предприятию были подписаны. Я попросил американских коллег оплатить ознакомительную поездку в США Секретарю обкома, а также Нине, и они это сделали. Сахалинцы вернулись очень довольные и в подарках. Казалось, всё будет хорошо, но удача отвернулась от нас. Как мы узнали, этот Секретарь обкома оказался «настоящим» коммунистом и тайком начал вести с японцами переговоры о мобильной связи. Они подарили ему машину «Corolla» и купили на корню нашего неггибаемого марксиста. Он с ними начал тоже оформлять документы. Конечно, это было предательство, очень глупое и дешёвое. Разговоры с ним ничего не дали. Я первый раз в жизни разговаривал с человеком так грубо, да ещё с секретарём обкома. Он сидел весь красный, но возразить ничего не мог. Он, Секретарь Обкома Партии, продал свою команду за дешёвую японскую машину. Вот результат отрицательной селекции, о которой я писал раньше. Но судьба отомстила ему сполна: пока он оформлял документы с японцами, его заместитель организовал СП с англичанами и обошёл начальника. Как говорят в Одессе: «Жадность фраера сгубила». Но нам было уже всё равно.

В моей жизни в бизнесе был и успех. Полгода вместе с друзьями-бизнесменами я параллельно работал над нефтяной сделкой, и она завершилась удачно. Три корабля с нефтью ушли из Новороссийска. Деньги я должен был получить в Сингапуре. О Сингапуре я знал только из песни Вертинского «В бананово-лимонном Сингапуре». Лететь надо было через Ташкент и Дели 14 часов.

Никогда раньше я не был за границей. Взял на работе отпуск по семейным делам на неделю, и мы втроем – Саша, Дима и я - полетели. Трудно передать ощущения советского человека за границей - и сразу в Сингапуре. Ну ладно бы в Болгарии или Польше. Самая существенная разница была в том, что я мог за себя платить. Нас же растили рабами,

которым даже дышать разрешало государство, а тут... Влажно-горячий воздух прижимал к земле, обжигая лёгкие, и заставляя тебя постоянно искать такси или помещение с кондиционером. Я сидел в ресторане на берегу Тихого океана, где мне готовили креветки на огне под шум волн, и не мог в это поверить: неужели это произошло со мной?! Какие же мы несчастные по жизни. Капитализм, с которым наша власть боролась не на жизнь, а на смерть, оказался не страшным, а даже очень приятным. А красиво-то как. На улицах никакой классовой борьбы я не заметил, но что было крайне отвратительно - шампунем они мыли асфальт. Всё было чисто до безобразия. Загнивание было очень приятным и без запаха разложения, а в победе социализма появилось сомнение. Я открыл счёт в крупнейшем американском банке, и мне тут же перевели деньги, это было невероятно. С огромным удовольствием покупал подарки детям и жене.

С подарками вернулся в Москву и тут же вышел на работу. Начальник попросил меня проверить чертежи, но нужно было собраться и сконцентрироваться для этого, уж очень моя жизнь была разнообразной и контрастной. Я решил уйти с работы. В семье мой уход восприняли настороженно. Это было очень трудное решение. В семье было двое маленьких детей. На работе у меня был кабинет на улице Горького (Тверской) около метро Белорусская. В строительной отрасли меня многие знали, работа была налажена, и принять решение было непросто, но времени на всё не хватало. Кроме того, жизнь менялась и надо было идти в ногу со временем. И была цель: заработать денег и увезти семью. Работа в «Моспроекте» этого дать не могла. Я открыл свой офис и начал самостоятельно работать.

В августе 1991 года ко мне приехали два бизнесмена из Мичигана, так как у меня открылись дополнительные возможности по бизнесу: у меня были лицензии на продажу дерева, металлов, икры, мочевины. Мы вели интенсивные переговоры. Но 19 августа 1991 года, рано утром, мне позвонила Нина с Сахалина и спросила, что у нас делается. Я был удивлён этим вопросом и немедленно включил телевизор. По всем программам показывали «Лебединое озеро». Оказалось, что в Москве произошёл государственный переворот. Это было ужасно. Только что зародившуюся свободу убивали на наших глазах. Естественно, коммунисты не могли отдать власть просто так, а, кроме переворота, они ничего придумать не смогли.

Я постоянно и открыто встречался с иностранными бизнесменами и понимал, что ко мне придут обязательно. Чувствовал я себя не очень

комфортно. Понятно, что ничего хорошего от этого переворота ждать не приходилось. Семьдесят четыре года Советской власти научили население многому.

В гостинице на Смоленской площади (недалеко от Белого дома) жили два американских бизнесмена, с которыми я вёл переговоры и у которых, возможно, не было еды из-за случившегося переворота. Я попросил жену, чтобы она сварила борщ и что-нибудь ещё. После этого на машине я поехал в гостиницу. Конечно, я вёл себя глупо, но понял это, когда выехал на Кутузовский проспект. Посередине проспекта по всей протяжённости стояли бронетранспортёры и танки. Случилось что-то ужасное. Я всё-таки доехал до гостиницы. Когда я зашёл в номер и вынул кастрюлю с борщом, они были очень тронуты, понимая, как я рисковал. В их глазах стояли слёзы. Один из них сказал, что этот поступок он никогда не забудет. Это оказалась неправдой. Через несколько лет наша семья переехала на постоянное жительство в США. Сразу по приезде я ему позвонил, но секретарь сказала, что он занят. Я попросил мне перезвонить и оставил свой телефон, но он мне не перезвонил до сих пор. Вот ещё один урок жизни. Выйдя из гостиницы, я поехал к Белому дому. Вокруг него было несколько танков и человек 150 народу. Взять Дом правительства было легко, но никто этого не делал. Я поговорил с танкистами, которые тоже ничего не понимали, и уехал домой. К вечеру возле Белого дома стал собираться народ, и я поехал опять. Там уже было несколько сотен тысяч человек. Мы строили баррикады и собирались защищаться. Путчисты не имели чёткого плана действий и упустили время. Мои американцы срочно покинули страну и наблюдали за событиями уже по телевизору из Америки.

Всё закончилось для путчистов бездарно - полной сдачей и судом. Они имели вначале большие шансы на успех, но медлительность и нерешительность, а также отсутствие достойных лидеров сыграли решающую роль. Горбачёв был в Форосе. Я думаю, что он всё знал заранее и разыграл эту карту чужими руками, чтобы выиграть при любом раскладе, и проиграл. Люди были воодушевлены и полны надежд. Впервые за много лет они играли решающую роль в жизни государства. Поверить в это было невозможно ещё год назад. Ельцин стал лидером государства и отстранил Горбачёва от власти. Первое, что должен был сделать Ельцин - запретить Коммунистическую партию. Второе - страна должна была покаяться о миллионах загубленных жизнях своих граждан. Только это могло стать стартом к будущему. Увы, ничего этого не произошло и всё потихоньку

покатилось назад, хотя Ельцин и назначил новое молодое правительство во главе с Егором Гайдаром.

Я всегда помнил слова известного писателя начала прошлого века Леонида Андреева, а именно, что Россия ему напоминает птицу Тройку (тройку лошадей в одной упряжке). И куда бы её ни занесло, она вернётся на старую разбитую дорогу, которая ведёт в кабак, и продолжит пить распивочно и на вынос. Через 26 лет после путча я прочитал в английской газете «The Guardian» статью британского журналиста и писателя Ангуса Роксборо, бывшего советника российского правительства, где, помимо всего, он пишет: **«Насколько я вижу, русскую тройку сегодня тянут три старые клячи: ксенофобия, страх и запугивание, - несущиеся назад в дискредитированное прошлое»**.

И это он пишет через сто лет после Леонида Андреева! Страшное пророчество подтвердилось.

Противоестественный, или негативный отбор в России состоялся и дал отличные результаты: тысячи ещё оставшихся умных и талантливых людей потихоньку были удалены из руководства страны, и им на смену пришла средняя номенклатура партии и бандиты. Мечты, мечты...

Страна погрязла в воровстве и бандитизме. В Москве человеческая жизнь стоила в 1991 году 2000 долларов.

Маленькая картинка российской жизни лихих 90-х годов. Примерно в 10 часов вечера раздался шум возле нашей двери. Я посмотрел в глазок и увидел здорового мужика, который пытался взломать дверь нашей квартиры. На все мои вопросы он не отвечал, а продолжал упорно ломать дверь. Никто из соседей на шум, естественно, не вышел. Вполне возможно, что он был пьян. Что делать в такой ситуации? В квартире, кроме меня и жены, было двое детей, Илье было два года, Женечке 9 лет. Естественно, я позвонил в милицию. Они ответили, что в данный момент у них нет машины, но если она появится, то они будут минут через сорок и мне надлежит подождать. Я ответил, что я подождать могу, но грабитель вряд ли, но милиционер повесил трубку. И всё это происходит в центре Москвы возле Кутузовского проспекта. Что мне делать? Я достал револьвер, который купил недавно, конечно, без всякого разрешения, купить оружие в то время было легко, взвёл курок и стал ждать. Выбора у меня не было: в квартире было двое маленьких детей. У меня не было опыта убивать живых людей, но обстоятельства заставляли это делать: на власть надежды не было никакой. Я решил, что, когда он взломает дверь, я выстрелю ему в голову - с расстояния

в один метр я не промахнусь, а там будь что будет. Примерно это я ему и сказал через дверь. Дверь уже начала поддаваться его усилиям, и я приготовился стрелять. В этот момент он неожиданно бросил ломать дверь и быстро ушёл. Почему он так поступил, я не знаю, но всё обошлось. Милицию я жду и по сей день.

Работать одному было тяжело. Никаких правил не существовало. Контракты часто не выполнялись. Судами были воровские стрелки, со всеми вытекающими последствиями. Воровство было обычным делом, но это было не для меня. Что-то надо было менять. Одному выстоять было невозможно.

Меня познакомили с хозяевами «Джиндо Рус». Это было большое российско-корейское совместное предприятие. Они имели фабрику, где шили шубы, кроме этого, они открывали бутики и торговали в них парфюмерией и ювелирными изделиями. Президент компании предложил организовать отдел по внешней торговле, и я согласился. Офис мне дали временно в 500 метров от здания КГБ на Лубянке. Нужно было определиться, что мы можем делать. Для этого мы полетели в город Шевченко (Актау) в Казахстане. Там располагался крупнейший в СССР завод по производству урана и редкоземельных металлов. Завод также производил удобрения. Президент «Джиндо Рус» Владимир Воронченко лично знал директора завода Кузнецова Юрия Владимировича. Юрий Владимирович был заслуженный человек. Он был дважды Герой Социалистического труда, бывший член ЦК КПСС и прочее... Было ему под шестьдесят. На заводе работало до 30 тысяч человек. До перестройки (изменения экономической политики), введённой Горбачёвым, завод был секретный и нас бы, конечно, туда не пустили. Но времена изменились, и каждый выживал в новой ситуации, как мог. Надо было организовать продажи редкоземельных металлов, удобрений и поставки компонентов для удобрений, а также продуктов и различных товаров для работников завода. Централизованные продажи и поставки закончились, и всё это надо было организовывать ещё с учётом того, что Казахстан был самостоятельным государством, так как к этому моменту СССР распался, и в результате была большая неразбериха. Надо было учитывать, что на тот момент уран не был ходовым товаром. С редкоземельными металлами ситуация тоже была не из лучших, так как китайские предприятия снизили цены ниже себестоимости для того, чтобы разорить российские и казахские заводы. Китайские заводы же были на дотации государства. Похоже вели себя японские предприятия, производящие автомобили, для завоевания рынков Европы и США. Конечно,

у завода была такая служба, но мы решили объединиться, так как возможностей в Москве было гораздо больше.

Удобрения были наиболее привлекательным бизнесом в данный момент, но главный компонент добывали под Мурманском, а это было очень далеко от Казахстана. Завод сильно зависел от цены компонента и стоимости перевозки. Всё было непросто. Юрий Владимирович тоже был человек не простой. Кажется, при первом знакомстве я ему не понравился и не произвёл должного впечатления. Возле него крутилось много людей, и все хотели денег и, по возможности, быстро. Он принял меня довольно холодно, а нам ведь надо было работать вместе. Но опыт работы с людьми у него был огромным, и он очень быстро разобрался, что к чему, и понял, что я не жулик и держу своё слово, а это часто было довольно трудно. Мы подружились, и я очень это ценил. Кроме всего прочего, Юрий Владимирович любил выпить, а пить он мог много, и я старался как мог, но больше литра водки за вечер - никак не мог, но по местным понятиям и это было неплохо.

На меня произвела большое впечатление воронка в земле от вывезенной руды. Дыра в земле была такая огромная, что большегрузные автомобили в ней казались не больше спичечного коробка. Казалось, что она проходит сквозь землю.

Работы был очень много, так как нужно было найти нужных людей, наладить отношения с людьми в Шевченко и завоевать их доверие. Всё это было на фоне полного развала вокруг и отсутствия законов: все жили по понятиям.

Параллельно я старался работать и с нефтью. Первый опыт оказался удачным, и руководство Юганскнефтегаза в лице директора Муравленко и его заместителей хотело продолжить с нами сотрудничество. Этим, в основном, занимался Саша, а я помогал Юрию Николаевичу, который проводил нефть от источника к границе и продавал её. Юрий Николаевич Харламов был большой и интересный человек. Перед перестройкой он был директором «Нафта» Москвы. Эта компания была основным продавцом советской нефти за границу. Но потом что-то случилось в руководстве нефтяной промышленности, и он ушёл из компании. Переехал жить в Лондон, организовал компанию и стал самостоятельно продавать нефть. Конечно, я ему только немного помогал. Я его очень уважал. Он был честным человеком в таком опасном бизнесе и, по крайней мере, меня никогда не обманывал. На него всегда можно было положиться. Но бизнес на родине у меня всегда ассоциировался с русской рулеткой. Приведу пример.

В это время в России избирали Президента страны. Борис Ельцин уже не пользовался успехом, как раньше, и шансов у него было крайне мало. Страна была в заднице, и надежд на лучшее будущее не было. Больше всех голосов собирал товарищ Зюганов - лидер коммунистической партии. Если кто-то помнит, что обещал Владимир Ленин в 1917 году: землю - крестьянам, свободу слова и так далее, а что он сделал? Землю крестьянам не дал и свободу отнял. Крестьян загнали в колхозы и отняли паспорта, то есть, попросту говоря, превратили в рабов. Людей посмекалистей и самостоятельных («кулаков») отправили с семьями в Сибирь на необжитые земли, где миллионы их и сгинули. Рабочие не получили ничего. Все, кто мог думать, эмигрировали, тех, кто остался, в основном, истребили. У товарища Зюганова, по сравнению с Лениным и Сталиным, кишка была тонка, но он повторял те же сказки, и большинство населения верили этим сказкам, вспоминая советские времена. Альтернативы этим двум не было, но Зюганов был страшнее - это был конец.

Тогда Березовский обратился к олигархам и попросил их помочь Ельцину. Только Ходорковский выделил на избирательную кампанию, кажется, двести миллионов долларов. Другие олигархи тоже не жалели денег. В результате на каждом углу был портрет Ельцина и агитация за него. Это сработало, и его опять выбрали Президентом. После переизбрания президент по-царски отблагодарил Ходорковского, отдав ему лучшее месторождение в России, которым владел Юганскнефтегаз, а мы остались ни с чем. Было тяжело и обидно. Но неприятности от Ходорковского продолжались. Его компания скупила месторождения под Мурманском. Химические компоненты, которые там добывались, использовались для производства удобрений. После покупки месторождения новый хозяин поднял цены в два раза, и производить удобрения стало невыгодно. Покупка государственных компаний и месторождений происходила совершенно не прозрачно и очень была похожа на огромное жульничество.

Мне позвонил Харламов и сказал, что у него есть предложение от Соединённых Штатов на кредит в 200 миллионов долларов нефтяной компании для закупки необходимого оборудования - могу ли я найти такую компанию? Мои друзья такую компанию нашли: это был Мегионнефтегаз.

Средняя по размерам компания работала стабильно и добывала нефть хорошего качества. Юрий Николаевич и я встретились с руководителем компании. Мы говорили около часа и нашли полное взаимопонимание. Это было хорошее предложение, и он обещал подумать и дать ответ через пару

дней. Мы ушли довольные, надеясь на благоприятный результат. На следующий день днём я включил телевизор, и главной новостью было утреннее убийство руководителя Мегионнефтегаза. Его расстреляли из автомата у машины вместе с шофёром. Ну чем не рулетка...

Расскажу смешную историю, которая со мной произошла. Ну, смешной её можно назвать, потому что я жил в другое время. Надо сказать, что в Советском Союзе доносы играли важную роль в жизни государства. Миллионы людей писали доносы, вследствие которых были уничтожены миллионы ни в чём не повинных людей. Подавляющее количество доносов - это сведения личных счетов, захват квартир, собственности и так далее. В доносах зачастую не было никаких доказательств, но этого доноса было достаточно, чтобы погубить человека. Было такое выражение у работников НКВД: «Был бы человек, а статья найдётся».

По старой доброй традиции в Актау стали писать на нашу компанию и на меня лично, что я ворую миллионы долларов, продавая удобрения, что наша компания обворовывает трудящихся и так далее, писали всё, что приходило в голову. А почему нет, ведь за донос ничего не будет. И вот однажды из казахстанского КГБ ко мне приехал капитан из отдела по экономическим преступлениям, и потребовал, чтобы я предоставил ему всю документацию по продажам из Актау. Капитан был настроен враждебно и уверен, что я упаду при слове КГБ на колени и покаюсь. Я ему напомнил, что я являюсь гражданином России, а он Казахстана, и я не обязан ему ничего предоставлять. Уверенность у него тут же пропала. Но, добавил я, так как скрывать мне абсолютно нечего, то я ему всё покажу. За весь прошлый год, из-за увеличения цен на компоненты в два раза, мы продали удобрений на сумму всего 100 000 тысяч долларов, и прибыли мне едва хватило, чтобы заплатить за офис. Он был поражён. Я его спросил, как он мог приехать в Москву, обвинить меня в воровстве, не проверив на заводе всех документов об отгрузке удобрений из Актау, а лишь поверив доносам. Капитан всё понял, выругался, потом извинился и ушёл.

В Москву приехал представитель одной из самых богатых семей Израиля. Он хотел купить гостиницу «Космос» на ВДНХ. Это была огромная гостиница, спроектированная французами. Ему отказали в её продаже, но согласились выделить место внутри для казино. Ко мне обратились с просьбой помочь Рону с оформлением документации, так как иностранцу это было сложно сделать. Меня оформили директором казино, чтобы я мог работать с документацией. Но я поставил условие, что после оформления

всех документов уйду, так как совершенно не представлял себя в этой роли в России. С Роном сложились очень хорошие отношения, и было немного жаль с ним расставаться. Он предлагал мне остаться, но я ушёл, предоставив ему нового директора и хорошего бухгалтера. Через некоторое время я узнал, что через полгода в казино пришли вооружённые бандиты и потребовали плату за крышевание бизнеса. Это были крупнейшие банды Москвы. Рон отказался платить, и ему пришлось уйти. Я всё это описываю, чтобы передать атмосферу вокруг бизнеса в то время.

Меня познакомили с Канатжаном. Мы пытались организовать бизнес в разных областях. Первым был нефтяной бизнес. Первая небольшая продажа из Казахстана успешно прошла, а второй контракт мы готовили долго, так как он был огромным. Когда все детали были согласованы, Канатжан улетел в Казахстан для подготовки встречи представителя американской нефтяной компании, а мы с Харламовым встречали вице-президента нефтяной компании из Хьюстона. Он оказался очень приятным человеком и на «акулу капитализма» был совсем не похож. Всё было готово для подписания контракта. Мы втроем сидели во Внуково в ожидании самолёта в Казахстан. В этот момент мы получили известие, что контракт отменяется в связи с тем, что правительство Казахстана решило продать эту нефть Ирану. Я боялся сказать об этом американцу. Мне было очень стыдно за поведение правительства Казахстана.

Канатжан был специалист в лекарствах, и меня это очень привлекало. Надо сказать, что работали мы легко, без каких-либо проблем. Занимаясь продажей лекарств, мы с ним съездили в Польшу, а потом в Нью Йорк. В США я был первый раз и очень волновался, сидя в самолёте. Всё было интересно. У нас было много встреч и впечатлений.

Предложение Канатжана завозить лекарства в бочках, таблетировать и отдавать в продажу мне казалось очень перспективным. С этим я и начал работать. Нужно было организовать всё для этого производства. Однажды Канатжан сказал мне, что должен съездить в Алма-Ату навестить родителей, а через неделю пришёл его родственник с запиской от него, что он уехал из страны, так как ему угрожала опасность. Его отношений с предыдущей работой я не знал и не интересовался. Через день ко мне пришли из органов. Говорили со мной часа два. Вели себя корректно, но по моему виду они поняли, что я сильно расстроен, помочь им ничем не могу, да и не хочу. Про бизнес с лекарствами пришлось забыть. Но эту идею проработали другие

люди, такие, как Брынцалов, и года через два этот бизнес стал очень популярен. Было очень жаль.

Когда я был в Нью Йорке, я начал оформлять рабочую визу, а параллельно начал работать с профессиональным адвокатом в Мичигане, подготавливая все документы для грин-карты. Другого пути для себя и своей семьи я не видел. Честный бизнес в России практически вести было нельзя. Нужно было присоединиться к группе людей, у которых была крыша и возможность воровать. Я этого делать не хотел и не мог, хотя получал такие предложения постоянно. Увы, в этой стране я не видел будущего и для моих детей. Кроме того, каждая сделка была чревата осложнениями и привлечением различных «крыш», начиная от КГБ, милиции и кончая бандитами. Мне приходилось участвовать в этих разборках и стрелках при полной своей невинности, да и судьями были отнюдь не благородные доны. Нормального правосудия не существовало. В основном, большинство людей хотели иметь деньги, отнимая их у тех, кто пытался заработать, это и есть самое большое наследие социализма. В любой момент это могло стать катастрофой для меня и семьи.

Приведу пример. Наша соседка была неглупой предприимчивой женщиной. Она решила открыть магазин мясных и других продуктов. Вложила в этот бизнес все средства и взяла кредит в банке. Дела пошли хорошо, но через месяц стали приходить бандиты и предлагать крышевание. Что ей было делать? Она выбрала одну банду. При ней они позвонили в милицию, что они взялись крышевать этот магазин, и милиция может не беспокоиться. Через несколько месяцев они увидели, что бизнес идёт хорошо, и решили просто забрать его. А ей сказали, чтобы она убиралась из этого района, если хочет жить. Кто её мог защитить, если милиция была заодно с бандитами? Её пришлось продать квартиру и уехать из Москвы. Понятно, что в большом бизнесе было ещё опасней. Ну, и какое будущее могло ожидать мою семью?

Мы жили в старом 3-х этажном доме, который построили пленные немцы после войны. Таких домов было пять. Они занимали хороший кусок земли в выгодном месте. Началась приватизация квартир, и я немедленно оформил её в собственность, понимая, что что-то должно произойти. Конечно, у руководства Киевского района напрашивалась мысль снести наши дома и построить многоэтажные, что было бы очень выгодно. И вдруг вокруг наших домов вырыли канавы и поставили деревянные щиты. Всё говорило о том, что нас будут сносить. А что будет с нами? Никто ничего не объяснял.

Мы жили в таком состоянии год. Продать квартиру было невозможно, поскольку дома были окружены строительными щитами и царила полная неизвестность. Народ в этих домах жил в основном простой, и было много коммунальных квартир. Меня вопрос продажи очень интересовал, так как мы собирались уезжать, а стоимость квартиры при продаже играла важную роль и могла колебаться очень сильно.

Однажды вечером мы с женой сидели возле включённого телевизора, где выступал заместитель мэра Москвы по строительству Ресин. Это был диалог с жителями, которые обращались к нему со своими проблемами. Телевизор работал, но мы его не слушали, а каждый занимался своими делами. В дверь позвонили, и я пошёл узнать, кто это. На пороге стояла делегация жителей от всех пяти домов. Они вошли в квартиру и обратились ко мне со странной просьбой. Она заключалась в том, что дальше так жить нельзя, уже год вокруг домов всё разрыто, и наши дома окружены строительными ограждениями. Но больше ничего не происходит, и никто ничего не объясняет, а жить в такой неопределённости долго невозможно. Я согласился, что это действительно так. Дальше они сказали, что я, как единственный еврей (то есть, умный) в нашем дворе, должен обратиться от имени всех жителей к мэру Москвы Лужкову с жалобой на происходящее в нашем микрорайоне.

Я не ожидал, что мой статус так высок в связи с моей национальностью. Первый раз за всю историю в этом увидели что-то положительное. Отступить мне было некуда: на кону была честь всех евреев, и я просто обязан был её защитить.

В этот момент я увидел в телевизоре Ресина и решил ему при всех позвонить. Шанса, что его со мной соединят, практически не было. В городе проживало около 12-ти миллионов человек и дозвониться на ТВ было невозможно. Но я решил попробовать и позвонил. Каково же было удивление моё и соседей тоже, когда меня соединили с ним мгновенно. Я объяснил ему ситуацию, в которой мы оказались, и попросил разобраться - он пообещал. Успех среди соседей был полный - статус был подтверждён. Кроме того, я написал письмо Лужкову и отнес в мэрию. Теперь осталось только ждать.

И, надо сказать, что соседи отблагодарили меня, своего защитника, по-царски, они сообщили в райисполком, кто разговаривал с Ресиним и послал жалобу Лужкову, и я, благодаря им, получил опасного врага в лице Райисполкома. Но виноват был я сам: я же знал, с кем имею дело.

Народишко у нас такой, тем более, что я был инородец. Всё это было и раньше, в Средние века, а, скорее всего, и до них. Посмотрите фильм Тарковского «Андрей Рублёв», всё показано и удивляться нечему, да и 4 000 000 доносов во времена товарища Сталина говорят о многом. «Умом Россию не понять», - писал известный поэт Тютчев. Впрочем, я об этом доносе ещё не знал.

Через две недели после моего разговора с вице-мэром всё задышало. Жильцов наших домов стали приглашать в жилищную контору и предлагать жильё. Возле станции метро «Багратионовская», в 300 метрах от нашего дома были построены три 17-ти этажных дома, которые были готовы к заселению, и всем жильцам предлагали квартиры там. Это был идеальный вариант для всех жильцов: вся инфраструктура сохранялась, даже школа. В жилищной конторе я сказал женщинам, которые выписывали ордера, что я не хочу сюрпризов в виде первого и последнего этажа и, если ордер будет нормальный, я заплачу им 500 долларов. Это была приличная сумма по тем временам, да и усилий им никаких прикладывать не надо было, я просто страховал себя.

И вот, наконец, нас пригласили в жилищную контору для выдачи смотрового ордера на новую квартиру. Мы с женой были уверены, что всё хорошо, так как не знали, что соседи меня сдали. Нам вручили ордер, и я уже был готов заплатить 500 долларов, но сотрудница конторы со зловещей улыбкой сказала, что мы рано радуемся и адрес у нас совсем другой. Она также добавила, что жаловаться не надо было. Я всё понял. То, что мы увидели, было ужасно. Нам дали квартиру в доме в двадцати метрах от Киевской железной дороги на последнем этаже 17-ти этажного дома. Все окна, очевидно, для удобства выходили на железную дорогу: это была месь Киевского исполкома. Я вернул ордер неподписанным и начал опять бороться с системой, которую очень хорошо знал.

Прежде всего я выяснил свои права как хозяина приватизированной квартиры. Приватизация была делом новым, и большинство людей даже в Исполкоме, понятия не имели о моих правах. Но с другой стороны, судов фактически не было, так как всё решалось по понятиям: я начальник, ты говно. Как заставить администрацию района исполнять закон? Три месяца я ходил по инстанциям, доказывая свои права, пока благодарные мне соседи спокойно переезжали в новые квартиры.

Наконец, после титанических усилий, меня пригласили к заместителю председателя Киевского райисполкома. Этот человек, в отличие от разного

уровня депутатов, с которыми я встречался, действительно мог решить этот вопрос. Я тщательно готовился к встрече, выписав все статьи закона и его толкование. Мы с женой сидели в приёмной и ждали, когда нас пригласят. В этот момент из кабинета выбежала плачущая женщина, а за ней зам, выкрикивая какие-то угрозы. Такое начало не предвещало ничего хорошего, но что можно было сделать. Меня пригласили для беседы. В кабинете были только заместитель председателя и его помощник. Я подал заявление, и зам бегло его прочитал. Прочитав, он сказал, что я ничего не получу и поеду жить туда, куда они меня пошлют. Тогда я ответил, что он грубо нарушает статьи закона о частной собственности на жильё, прочитал выдержки из закона и сказал, что не прощаюсь и - «до встречи в суде», после этого я встал и собрался уходить. Это ему совсем не понравилось. Он попросил меня сесть. Я ему сказал, что не понимаю, зачем обижать своих, переходя на понятный ему язык. Он меня спросил, как я докажу, что я свой. Тогда я попросил его позвонить главному инженеру архитектурной мастерской по Киевскому району Илье, с которым я работал много лет в «Моспроекте». Он позвонил ему и передал мне телефонную трубку. Я поздоровался с Ильёй, объяснил ситуацию, попросил рассказать, кто я такой, и передал заму трубку. Я не знаю, что Илья ему говорил, но после разговора зам сказал мне, что всё будет в порядке и мне выпишут новый ордер в доме возле метро «Багратионовская». Это была огромная победа, но далась она мне нелегко.

Я предложил жене поехать вместе в Америку. Мы рассматривали эту поездку, как ознакомительную, с точки зрения переезда на постоянное место жительства. Я спланировал поездку через Флориду, Нью-Йорк и Мичиган. Флорида для отдыха, Нью-Йорк для экскурсий, а в Мичигане мы решили в дальнейшем жить, так как он являлся столицей автомобильной промышленности мира. И, как автомобильный инженер, я смогу там найти работу, в крайнем случае, чертёжника. Кроме того, мой партнёр жил в Мичигане, и мы собирались купить там бизнес.

Сама поездка была для нас познавательной и интересной. За неделю до нашего отлёта во Флориду неожиданно позвонил Канатжан (мы не разговаривали со времени его неожиданного отъезда) и спросил, как у меня дела. Я сказал, что мы летим в Орландо через неделю. Он ответил, что там живёт и встретит нас. И он действительно нас встретил и отвёз в гостиницу. Мы старались говорить о будущем, но в тот момент реальных документов на эмиграцию у меня не было, и все разговоры кончились ничем. Я видел, что он нервничал и часто срывался по пустякам. Он должен был выбрать свой

путь, а ясности, по-видимому, ещё не было. Но отдыхали мы очень хорошо. Конечно, понять, как выживать в этой стране, во время отпуска было невозможно. Из Флориды мы полетели в Нью-Йорк, а потом в Мичиган, где я встречался с адвокатом и моим партнёром. Впечатлений было много, но и чувствовалось, что приближается время принятия очень важных для семьи решений. Я принимал в своей жизни много важных решений, но они касались только меня, а сейчас у меня была семья и ответственность решения значительно возросла.

После поездки я снова окунулся в работу. Много работал, но результат не обнадеживал. Приведу три типичных примера. Россия была готова продать одиннадцать тысяч тонн магния из своего резерва. Я нашёл покупателя в США, и мы составили и подписали контракт. От России этот контракт курировало Министерство топливной промышленности. Американская компания открыла счёт в банке согласно контракту. В этот момент Министерство, вопреки условиям контракта, выставило условие, что сначала компания должна проплатить полтора миллиона долларов, чтобы доказать свою платежеспособность. Это было против всяких правил и сообщить компании об этом я не мог: было стыдно. Что делать? Я пошёл к Харламову и попросил одолжить мне эти полтора миллиона под залог себя - это всё, что я мог. Он верил мне и согласился. Поздно вечером он позвонил мне и сказал, что деньги ушли из швейцарского банка и утром перейдут на счёт. Рано утром мой компаньон поехал в Министерство сообщить, что деньги сегодня будут на счету, но ему сказали, что уже поздно и контракт расторгнут. Слава богу, что я успел позвонить Юрию Николаевичу, и он отозвал деньги. Шесть месяцев работы пропали. Этот правовой беспредел исходит от самого государства. Американскую фирму я потерял. Конечно, я понимал, что чиновнику дали взятку, но куда я мог обратиться, если суда нет, а страна живёт по понятиям.

Второй случай. СП (совместное предприятие) «Джиндо Рус» нашло оптового покупателя дерева. Компания из Вирджинии (США) готова была покупать бруски из сосны определённых размеров и без сучков. Мой компаньон Володя нашёл огромный комбинат в Вышнем Волочке. Оборудование на комбинате было итальянское, комбинат был расположен недалеко от порта в Петербурге. На тот момент конкуренты директора, которые группировались вокруг мэра, сожгли огромный склад дерева, и комбинат оказался без дерева и покупателей. Рабочие несколько месяцев не получали зарплату. Директор и его зам встретили нас, как очень дорогих

гостей, называя нас спасителями и так далее. Но у них не было денег даже на закупку древесины. Я одолжил 23 тысячи долларов и дал комбинату для этих целей. У них не оказалось даже пил. Я дал им 3 тысячи долларов своих денег для закупки пил. Казалось бы, что может быть лучше. И вот что из этого получилось.

Дерево закупили не самое лучшее, потому что заготовитель от комбината получил от поставщика откат (взятку). Зам, которая была вместе с директором в нашей команде, была задержана на проходной при попытке вывезти часть древесины для своих целей, а наша главная опора - директор комбината - ушёл в запой (запил) и исчез. Как можно работать с этими людьми, если они даже себя спасти не хотят? С большим трудом мне удалось вернуть долг, а свои деньги я потерял.

Наша компания заключила контракт с сибирским комбинатом, у которого была великолепная сосна. Чтобы выплатить зарплату рабочим, они попросили перевести деньги по контракту вперёд, уверяя, что всё будет в порядке. Заказ был выполнен. Проверка показала, что качество брусков отменное. Сибиряки послали груз под дождём в открытых вагонах, и через две недели пути в Петербург пришёл состав с почерневшим и подгнившим деревом. И это только три случая, а их было... С такими людьми в этой стране ничего хорошего произойти не может. Может быть, через несколько поколений что-то произойдёт, но у меня не было времени ждать.

Началась депрессия, и я твёрдо решил уезжать, пока не случилось что-нибудь страшное. Сколько можно ходить по лезвию ножа?

За это время мы с моим партнёром в Мичигане купили небольшой бизнес. Я думал, что приеду и начну работать сразу в своём бизнесе, но мой партнёр оказался человеком самонадеянным и неопытным. Он пригласил бухгалтером и компаньоном мексиканца, который имел льготы, как представитель меньшинства. Но в результате этот бухгалтер увёл бизнес, и мы оказались без бизнеса и без денег. Кроме того, мой компаньон оказался очень нечистоплотным человеком, и я постарался больше никогда его не видеть.

Мы получили визы в посольстве США, и теперь надо было готовиться к отъезду. Так как мама у меня серьёзно болела, а дети сравнительно маленькие, мы решили, что сначала я поеду один, найду работу, а потом вся семья ко мне приедет.

Вопрос: оставаться ли в России - уже не стоял. Мне было сорок девять лет - это был предельный возраст что-либо изменить в жизни. Сейчас или

никогда. Прав был Леонид Андреев, когда говорил о России, как о птице-Тройке. И нельзя ничего построить, не покаившись и не признавая ошибок, я это повторяю много раз, потому что это - главное. Только один пример: один из крупнейших учёных прошлого века, который хотел накормить планету - Николай Вавилов... Из статьи Ирины Чайковской: «Как же получается, что мои соотечественники называют чудовище «великим человеком»? Не могу уразуметь – не постигает сознание.

Вот, как пример, жизнь Николая Ивановича Вавилова (1887-1943). 25 ноября этого года исполнится 130 лет со дня его рождения. Он прожил всего 55 лет. Через 32 года после смерти Сталина, в 1985 году, в Политехническом музее состоялась премьера фильма «Звезда Вавилова». Там после запланированных выступлений к микрофону прорвался генетик - мученик и боец, отсидевший свое в сталинских лагерях, - Владимир Эфроимсон, закричавший, что в фильме полуправда, которая хуже лжи. «Вавилов, - громко выкрикивал нежданный оратор, - вовсе не трагический исключительный случай в Российской истории, он одна из многих миллионов жертв самой подлой, самой бессовестной, самой жестокой системы. И систему эту зовут сталинщина».

«И вовсе он не умер в Саратовской тюрьме, - продолжал генетик, - от «упадка сердечной деятельности» (заключение врача Степановой), а сдох, как собака, от пеллагры, то есть, от абсолютного голода». Николай Вавилов, мечтавший накормить всю планету, изучавший в своих многочисленных экспедициях земледельческие культуры, собравший огромную коллекцию семян, за которой в годы войны охотились гитлеровцы, в 1943 году был уморен голодом в саратовской тюрьме! Постижимо ли это уму!... Палачи, которые правили нашей страной, – не наказаны. И до тех пор, пока за собачью смерть Вавилова, за собачью смерть миллионов узников, за собачью смерть миллионов умерших от голода крестьян, сотен тысяч военнопленных, пока за эти смерти не упал ни один волос с головы ни одного из палачей – никто из нас не застрахован от повторения пройденного... Пока на смену партократии у руководства государства не встанут люди, отвечающие за каждый свой поступок, за каждое свое слово – наша страна будет страной рабов, страной, представляющей чудовищный урок всему миру...

Я призываю вас – помните о том, что я сказал вам сегодня. Помните! Помните!»

Великого режиссёра Мейерхольда утопили в нечистотах, писателя Бабея...- и таких примеров бесконечное число. Какое будущее может быть у

России после этого? Никакого! И если появилась возможность уехать, надо немедленно ею воспользоваться.

Я начал готовиться и взял билет на середину января. И в это время пришло искушение в виде новых деловых предложений. Мне предложили встретиться два крупных бизнесмена. Я их знал много лет, но почти не общался. На нашей встрече они предложили мне место начальника коммерческого управления одного из крупнейших банков России. Они сказали, что моя репутация в бизнесе дает гарантию, что я прохожу на эту должность и попросили дать мой паспорт для проверки меня службой безопасности банка. Но внутренний паспорт я уже сдал, как выезжающий на ПМЖ, они этого не знали, конечно. Купить новый паспорт в милиции было возможно, но я никогда не нарушал закон и не хотел это делать сейчас.

Второе предложение было тоже очень интересное. Дело в том, что мой знакомый Валерий был директором крупнейшего в Москве ювелирного завода, который купил у государства израильский миллиардер Ливаев. Валерий предлагал пойти к нему заместителем, изучить ювелирное дело и при появлении нового бизнеса у владельца возглавить его. Мне это было бы интересно полгода назад, когда был этот разговор, но сейчас у меня был другой статус. Но я, всё-таки, пошёл на интервью с Ливаевым, чтобы не подвести моего товарища. Интервью продолжалось около часа. Неожиданно для себя я заинтересовал его совсем по другой причине. Он предложил мне совершенно новый бизнес: скупать дома в Центре, ремонтировать и продавать их. Он один из первых увидел огромную перспективу этого бизнеса. Этот бизнес был для меня, так как я четырнадцать лет проработал в Главном архитектурном управлении и знал очень многих и в Главмосстрое тоже. Это была моя территория. Но покупка, ремонт и продажа дома занимала много времени, а уезжать надо было через месяц, и я отказался. Может быть, это была моя ошибка, так как Ливаев в дальнейшем вложил в этот бизнес два миллиарда долларов, не знаю. Но я остался с семьёй и никогда не жалел об этом. Я не хотел отправить семью, а самому остаться. Как бы они там жили с больной мамой и без меня.

Вот такие искушения, но опять надеяться у меня не было времени. Я окончательно решил уехать, так как считал, что у этой страны нет будущего, а прошлое было ужасным.

«Когда из страны уезжают учёные, инженеры, врачи и остальные представители умственного труда. Уезжает цвет народа - интеллигенция, то потом в такой стране правителями становятся плебеи и проходимцы с

улицы, а депутатами парламента - базарные спекулянты, спортсмены и артисты».

Харс Енсен, политический советник, Швеция.

Из выступления в комитете Риксдага по миграции. 1932 год.

26 декабря вечером я почувствовал сильные боли в правом боку. Это повторялось много раз, как почечные колики. Всегда обезболивающего укола было достаточно. Юля вызвала «скорую помощь». Она приехала довольно быстро, но врач и сестра были без халатов и лекарств. На вопрос, почему они приехали без лекарств, ответа мы не получили. И это столица, что уж говорить о провинции. Стало страшно. Через два часа мы опять вызвали «скорую», но результат был тот же. Глубокой ночью мы вызвали «скорую» в третий раз и всё повторилось, но доктор уговорила меня ехать в больницу, где, как она предполагала, наверное, будут лекарства. Выхода не было, и мы поехали. На улице лежал снег, а температура воздуха была -20 С.

Мы приехали в больницу, и «скорая» оставила меня с женой в приёмной. Никто не появлялся. Минут через двадцать появился мужик лет пятидесяти в белом халате. Я подошел к нему, но он сразу послал меня на три буквы (понятно куда) и скрылся в кабинете. Медицина делала всё возможное, чтобы я умер, но я сопротивлялся. Очевидно, это была последняя попытка Системы задержать меня на Родине любыми средствами. И время выбрали удачное - перед Новым годом, но я очень хотел жить. Через сорок минут из кабинета вышел мужик, очевидно поняв, что мы не уйдём, и спросил, что у меня болит. Мне сделали электрокардиограмму, причём раздели донага и положили на кушетку возле окна. Окно было старое, и из щелей очень дуло холодным воздухом. Я стал крутиться от дикого холода, на что пожилая медсестра обложила меня матом, которого я не слышал со времени моей работы с заключёнными женщинами в Малаховке. Я вежливо предложил ей лечь на моё место, предварительно раздевшись, и получить то же удовольствие от холодного воздуха, но согласия почему-то не получил. Взяли кровь для анализа. И, видно, чувствуя себя виноватым за такой тёплый приём, доктор предложил мне остаться на ночь в больнице на всякий случай. Я принял это заманчивое предложение. Нас в палате было пятеро. Я всё ещё ждал обезболивающего укола, но через два часа ко мне пришёл подвыпивший хирург и сказал, что у меня гнойный аппендицит и что у меня есть выбор: немедленно делать операцию или

умереть через два часа. Выбор, надо сказать, был небольшой, и я выбрал операцию. Но что ж тогда получается: если бы хоть у одной из трёх «скорых» был обезболивающий укол, а это совсем не дефицит, то она меня бы сразу же убила. Ну, как тут не поверить в Бога? А в том, что мне бы сделали укол, сомнений никаких не было, и тогда – прощай, Америка. Опять русская рулетка!

Я разделся, и меня голого и покрытого только тонкой простыней повезли по коридорам в операционную, где после укола анестезиолога я отключился. Проснулся от холода. Я лежал голый на кровати, куда меня, очевидно, сбросили, не покрыв даже простыней. Ну что ж, Москва не Париж, это я понял. Я попросил соседей накрыть меня одеялом, после чего я уснул. Утром пришёл протрезвевший хирург и сказал мне, что во время операции аппендицит лопнул у него в руке и что мне здорово повезло. После этого он велел мне идти в туалет самому, что соответствует американской методике. Я пополз по стене коридора в туалет, но, когда я открыл дверь туалета, то от увиденного там меня стало сильно тошнить. Такого антисанитарного состояния я уже давно не видел, и, опираясь на стенку, вернулся обратно, сказав доктору, что могу пойти туда только под общим наркозом. Он засмеялся и дал мне ключ от своего туалета, где было чисто. В больнице я провёл неделю. Через неделю мне надо было улетать в Нью-Йорк, и надолго. Я попросил врача снять мне швы и выписать из больницы. Он сказал, что мне надо пробыть в больнице три недели после такой операции. Что делать? Я попросил жену купить в валютном магазине две литровых бутылки водки «Абсолют» и принести мне. На следующий день она принесла водку, и я с двумя бутылками пришёл к врачу и поставил их ему на стол. Реакция была мгновенной: «Что ты хочешь?» Я попросил снять мне швы и выписать из больницы. Он согласился сразу без колебаний, добавив, что если будут проблемы, то он примет меня вне очереди. Через сорок минут мы с женой уже были на пути домой. Пора было собираться в Америку.

Глава 8

Эмигрантский треугольник: выживание, плавание, достижения

Через неделю я вылетел в США, штат Мичиган. Был январь 1997 года. Я снял апартаменты и начал ходить на курсы английского языка, сдал экзамен и получил лицензию на право вождения автомобиля. Начиналась новая жизнь, и начинать надо было её почти с нуля. Моя программа должна уже, в который раз, измениться и приспособиться к новой среде.

Я хотел, чтобы семья адаптировалась к новой жизни как можно скорее, поэтому и приехал один, чтобы подготовить кое-какие стартовые условия для них.

Опыт выживания у меня уже имелся, когда я дважды приезжал в Москву. Первый раз, когда поступал в институт, а второй - когда приехал искать работу. Но тогда было легче, так как я был более чем в два раза моложе, говорил на родном языке и отвечал только за себя, ну и правила игры знал. Сейчас все по-другому, но иного пути уже нет.

Шов после операции ещё не зажил, и надо было быть очень осторожным. Вокруг снег со слякотью и позвонить некому. Пойти некуда тоже, так как здесь нет тротуаров и передвигаются все только на машинах. Надо внедряться в новую жизнь, меняться и приспособливаться к новым правилам и условиям жизни. Это очень нелегко, так как я уже взрослый, состоявшийся человек, у которого в принципе всё есть. Мы живём почти в Центре Москвы в новой хорошей квартире. Есть машина и гараж возле дома, престижная работа. Дети учатся в элитной школе.

И ты всё это бросаешь и уезжаешь с семьёй в другую страну, которая тебя не звала, но делает тебе одолжение и не отторгает тебя, а предоставляет равные со своими гражданами условия, за что ей огромное спасибо. Ну, а дальше - ты должен самоутверждаться и доказывать, кто ты есть, раз уж сам выбрал этот путь. Но как это трудно и страшно, правда, тебе не привыкать. Опять ты в стартовой позиции с непредсказуемым финишем.

Как говорил Михаил Жванецкий: «Как двигаться вперёд, если весь опыт сзади».

Но Россия, сама того не желая, сделала из тебя, если и не гладиатора, то, по крайней мере, бойца. И я, вспоминая как мой сын почти каждый день приходил из школы с разбитым носом, сжимаю зубы и сажусь за английский.

Прежде всего нужно выбрать стратегию действий: чего ты хочешь добиться и как ты к этому собираешься идти. Заниматься бизнесом, не зная страны, ментальности, законов было бы несерьезно. Я бы хотел работать инженером, но при плохом английском и без понимания всех функций, которые входят в обязанности инженера в США, этого добиться нельзя.

Поэтому для начала хорошо бы устроиться чертёжником (дизайнером). Но как это сделать? Дело в том, что в Америке все чертежи выполняют на компьютере и существуют четыре или пять основных программ для компьютерного черчения. Значит, нужно найти компанию, где изучают программу, хотя бы одну из них, и взять этот курс. И я начал искать. В апартаментах я познакомился с эмигрантом из Украины, который жил в Америке уже год. Он нашёл такие курсы по программе «Unigraphic», которую использует крупнейшая автомобильная компания мира «Дженерал Моторс». Город организовал эти курсы, чтобы помочь эмигрантам найти квалифицированную работу. Мало того, что учили бесплатно, они ещё платили тебе 10 долларов в час за время учёбы, а потом, после экзамена, устраивали тебя работать дизайнером на «Дженерал Моторс». Это была редкая удача. Я подготовил документы и был готов идти на интервью.

Но в этот момент позвонила жена и сообщила, что мама ночью упала с кровати и сильно ударилась и, если я хочу её увидеть живой, то должен немедленно вылететь в Москву. Выбора у меня не было. Я сдал апартаменты, купил билет и улетел в Москву. В который раз удача отвернулась, и судьба опять кинула меня в неизвестность, опять в стартовую позицию. Но здоровье мамы для меня было важнее всего.

Я не буду всё это описывать. Ну, конечно, я пригласил хороших врачей, но они сказали, что сделать ничего нельзя и надо жить с тем, что есть. Я просидел возле мамы с конца февраля по октябрь. Иногда она приходила в себя, и это был нормальный умный человек, самый близкий мне в жизни, но это бывало не часто. У неё была тяжёлая жизнь, и умирала она тяжело - почему так, я не знаю, но это несправедливо. Ночью я не спал и сидел на кухне, когда неожиданно резко подул ветер, открылась закрытая на ключ балконная дверь. Я вбежал в её комнату, но мама уже не дышала. Было впечатление, что её душа вырвалась в открытую ею балконную дверь. В день, когда мама умерла, она получила разрешение на выезд в Америку. Увы, мама этим разрешением уже воспользоваться не смогла.

Мы решили уезжать всей семьей, а там - будь что будет. По крайней мере, мы будем вместе. Нужно было решить много бытовых проблем: продать квартиру, мебель, выписаться из Москвы и так далее. Самый трудный вопрос был - продать квартиру. Дело в том, что правительство Москвы постоянно меняло правила продажи, и угнаться за изменениями было проблематично. Я нанял компанию, и они вполне профессионально взялись за дело.

Я несколько раз звонил моему новому приятелю в Мичиган на предмет курсов по черчению на компьютере. Я готов был немедленно вылететь, если они открываются опять. Вопрос работы был самым важным. Но он сказал, что курсы он закончил и уже работает на «Дженерал Моторс», а что с курсами происходит дальше, он не интересовался. Было немного обидно, что он не постарался узнать об этом, но, в конце концов, он был не обязан что-то делать для меня. Под Новый год я продал квартиру, гараж, машину и часть мебели, и мы взяли билеты на самолёт в Америку на 23 января 1998 года. После грустных проводов с товарищами мы поехали в аэропорт Шереметьево навстречу неизвестному будущему, но с надеждой на успех.

Не буду описывать издевательства таможенников, которые испытали практически все эмигранты, это традиционное прощание России со своими уже бывшими гражданами, чтобы оставить о себе добрую память. Всё это хорошо известно.

Мы прилетели в Мичиган вечером и поехали в апартаменты, которые снял для нас мой партнёр.

Я просил снять недалеко от хорошей школы, чтобы детям было удобно. Утром мы вышли с женой на заснеженную незнакомую улицу, не представляя, где мы находимся, и очень смутно представляя себе, что делать дальше. Настроение было смешанное. Первым делом я позвонил моему новому приятелю, чтобы повидаться. Когда мы приехали к ним, то увидели, что они чем-то сильно смущены. В дальнейшем оказалось, что его жена поступила на курсы черчения, а мне он соврал, что этим не интересуется. Ведь я ей мог составить конкуренцию. То есть, как в известной поговорке: «дружба дружбой, а табачок врозь». Он хорошо знал, как это важно для выживания нашей семьи, но поступил гадко. Мы тут же, возмущенные, ушли. Дружба закончилась, так и не начавшись.

Но надо было выживать, в конце концов, мы были вместе, а это уже было не мало. Я сам нашёл курсы, прошёл интервью и меня взяли на учёбу. Этот курс был последним, и после нас они закрылись, то есть, мне, всё-таки, немножко повезло. У Жени через несколько месяцев учёбы оценки были одни из лучших в школе, и она ещё подрабатывала в кафе. У Ильи были проблемы с английским, но это было ожидаемо, ему нужно было время. Юля пошла на курсы офисного работника и одновременно работала в магазине. Мы все старались адаптироваться. Я учился работать на

компьютере по 8 часов в день в течение трёх месяцев. Все были сконцентрированы на выживании.

После окончания курса на «Дженерал Моторс» был экзамен. Нужно было в трехмерном пространстве на компьютере создать деталь согласно данному чертежу, используя программу «Unigraphic». Я очень волновался, так как надо было ещё точно понять, что от тебя хотят. Но всё прошло хорошо и без проблем. Уложился в половину отведённого времени и получил оценку «отлично». В 50 лет я стал молодым дизайнером. В России я был Главным инженером проектов и решал сложные инженерные задачи, а сейчас я только послушный карандаш в руках инженера. Это испытание ещё было впереди. Всю группу из одиннадцати человек направили в одно место. Это было хорошо, так как нам надо было ещё многому учиться и помогать друг другу. На следующий день мне позвонили домой и сообщили, что я должен выйти на работу в ночную смену и совершенно в другое место. Это было откровенно плохо, ведь я ещё далеко не всё понимал по-английски, да и опыта работы в «Unigraphic» у меня не было. Но делать было нечего, и вечером я поехал на свою первую в Америке работу. Первую неделю работы практически не было. На следующей неделе ко мне подошла молодая женщина и сказала, что она мой руководитель. После этого она спросила, могу ли я сделать чертёж детали, у которой всего три размера. Я ответил, что могу делать чертежи узлов и много чего ещё. Она очень внимательно на меня посмотрела и отошла. На следующий день мне позвонил менеджер и сказал, что я уволен, потому что моя квалификация выше, чем требуется. Вместо того, чтобы за эти маленькие деньги от меня больше получить, меня уволили. Это был сильный и болезненный удар. Что теперь делать? Я купил факс и стал рассылать мои резюме в разные компании. Всего я разослал около 300 резюме. Две компании пригласили меня на интервью, и 23 декабря, буквально перед Рождеством, я получил два приглашения на работу. Нужно было выбрать, куда пойти работать, но при отсутствии какой-либо информации я выбрал компанию «MSX», так как менеджер на интервью мне понравился больше. Но следует отметить, что взяли меня дизайн-инженером, что по должности на порядок выше дизайнера, и в основной состав. Зарплата тоже была повыше. То есть, одни плюсы по сравнению с работой на «Дженерал Моторс», где я был на контракте. И у меня появилась нормальная медицинская страховка для семьи, что тоже очень важно. Приняли меня довольно доброжелательно.

Смешной случай произошёл у меня с одним сотрудником-англичанином. Он держался несколько обособленно, и я бы сказал, смотрел на остальных свысока. Однажды он важно сказал мне, что мне не мешало бы что-нибудь почитать для развития, и он рекомендует мне повесть Джером К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки». Я ответил ему, что эту повесть я знаю наизусть и спросил, читал ли он «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда, «Сагу о Форсайтах» Джона Голсуорси и так далее. Потом я решил его добить окончательно и спросил, как он относится к живописи Уильяма Тёрнера, которого я очень люблю. Он был удивлен и шокирован, что этот человек из России столько знает об Англии, и больше на эту тему со мной никогда не говорил, но было видно, что зауважал.

Мой знакомый Дмитрий потерял работу, и я попросил моего менеджера Грэга Петерсона взять его на такую же должность, как моя. Он согласился, и мы с Димой стали работать вместе. Дима работал в «Unigraphic» уже около трех лет и иногда помогал мне, так как опыта работы с этой программой у меня не было.

Грэг попросил меня изменить переднюю подвеску (увеличить расстояние между передними колёсами на 28 сантиметров) для большого автомобиля (motorhome), в котором люди могут жить, путешествуя на отдыхе. Это был автомобиль, который производил «Дженерал Моторс». Надо сказать, что это, конечно, работа не для инженера-дизайнера. Значительно позже Грэг мне признался, что мне платят намного меньше стоимости этой работы.

Я часами лежал в гараже под этой машиной, пытаюсь найти оптимальное решение. По сути, существовало два решения: доработать существующую подвеску или сделать абсолютно новую. На новую подвеску уйдёт много времени не только на проектирование, но и на изготовление. Кроме того, новый штамп будет стоить больших денег. Я нашёл самое, как мне казалось, простое решение - нарастить длину и решить все вопросы дешево и быстро, используя почти всё старое оборудование, включая штамп. Компания, которая нас финансировала, была небольшая и не располагала большими ресурсами. Им очень нужно было, чтобы вложения окупались быстро. Всё это я доложил Грэгу и его заместителю (тоже хороший человек). Большого энтузиазма это не вызвало, но решили, что Дима будет работать с новой подвеской, а я - переделывать старую. Но мой опыт подсказывал мне, что я прав. Мы готовили два решения и ждали заключительный ответ руководства компании. На всё это уходило много энергии и усилий.

На выходные мы с женой и детьми решили поехать в Канаду посмотреть на Ниагарский водопад и отдохнуть вместе с новыми знакомыми. Мы впервые были в Канаде, и всё было замечательно. Водопад был великолепен. Все были вместе, и это было главным. Всё больше и больше привыкали к новой жизни, которая не была такой красивой и гладкой, как это представлялось из России, но в целом, нам казалось, что выбор мы сделали правильный.

Руководство компании решило делать мой вариант подвески. Мы быстро сделали чертежи, и большая компания «American Axle» изготовила образец. Начались испытания. Результаты испытаний оказались хорошие, и компания-заказчик начала строить линию по сборке подвески. Вице-президент нашей компании приехал, чтобы поздравить нас с успехом. Он сказал мне много хороших слов и честно признался, что не ожидал, что мы справимся с этой задачей. Приехали инженеры с «Дженерал Моторс» посмотреть на меня. Их подвели ко мне и сказали, что этот из России почти не говорит по-английски, но спроектировал всё сам. Всё это было хорошо, но следующего проекта у компании не было, и начались увольнения. Я попросил у Грэга на себя характеристику, и он написал отличную. Я её храню как память. Вся наша команда стала искать работу, это было очень грустно.

Меня рекомендовали на работу в «American Axle». Интервью вёл Лэрри Хаске - руководитель группы инженеров, которая занималась перспективными разработками. Интервью было лёгким, так как мою работу они уже знали, и я был рекомендован от «MSX». Мне предстояло работать с дифференциалами, передними и задними мостами, осями и так далее. Брели меня на полгода на контракт, с последующим переводом в основной состав. Зарплата приближалась к нормальной. В первые дни мне дали компьютер дизайнера и попросили сделать чертёж картера дифференциала, модель которого в трехмерном пространстве уже была. Дело в том, что это был своего рода экзамен, так как чертёж этот - сложный своими размерными цепочками и допусками, зависящими от посадок подшипников. Я сделал этот чертёж в течение трёх дней, и сам Лэрри взялся его проверять. Он проверял его с пристрастием, но не смог найти ни одной ошибки. После этого он сказал, что я инженер, а не дизайнер, что было правдой, и заменил мне компьютер на инженерный. Я получил новый статус: «ADVANCED PRODUCT ENGINEER».

Произошла моя первая встреча с политкорректностью.

Японская компания «NTM» по контракту проектировала для нашей компании замковое устройство для дифференциала. Что это такое?

Дифференциал - это такая коробка передач, которая распределяет поровну крутящий момент от двигателя на два колеса. Если одно колесо начинает скользить, то мы теряем 50% крутящего момента. Чтобы этого не случилось, включается замковое устройство, благодаря которому весь момент идёт на одно колесо. То есть, потери крутящего момента не происходит.

Мы приехали на совещание в «NTM» по этому вопросу. Было время ланча, и компания любезно нас угостила очень вкусной едой. Было очень жарко, и после обильной еды наступила небольшая сонливость, которая мешала слушать докладчика. Он показывал на чертежах, как они решили все проблемы, и из аудитории были слышны одобрительные возгласы. При всеобщем одобрении докладчик закончил и спросил, есть ли вопросы по докладу. Я сказал, что, как мне кажется, это устройство работать не будет, и объяснил, почему. Это вызвало некоторое замешательство, и докладчик сказал, что они подумают над этим и доработают проект. После совещания ко мне подошёл Лэрри и сообщил, что докладчик попросил его больше меня не приглашать на совещания, потому что я не политкорректен. Я не понял - ведь я сказал правду? Он согласился, но ответил, что сказать надо было завуалировано и в мягкой форме, но как это сделать, он показать не смог. Через некоторое время был изготовлен образец, который на испытаниях сломался через пять минут - было потеряно время, большие деньги, а результат получен нулевой. Вот прямой результат политкорректности.

К большому сожалению, политкорректность проникает во все сферы, как вирус, а особенно - в политике, где полуправда уродует взаимоотношения, реальная истина исчезает и принимаются ошибочные решения, которые только ухудшают ситуацию и часто доводят её до критической.

А параллельно с работой идёт семейная жизнь. Женя поступила в престижный университет и уехала жить в Энн Арбор, где когда-то

Женя и Илья в США

преподавал Иосиф Бродский - Нобелевский лауреат, уехавший из России, а ещё намного раньше учился Джо Дассен - знаменитый французский певец. Кстати, в Энн Арборе жил последние годы и умер лидер Белого движения России Деникин. Илья вырос и занимался довольно успешно карате. Юля начала работать в большой страховой компании.

Мы с приятелями ездили в Чикаго на огромную выставку Ван Гога. Я его видел много раз, но таких размеров выставочную коллекцию - впервые. Это было незабываемое зрелище.

Все были так сосредоточены на выживании, что по России скучать было просто некогда.

Всё вернулось на круги своя: Лэрри поручил мне спроектировать замковое устройство для дифференциала, и я начал изучать историю этого вопроса. Надо сказать, что компания имела большой музей, где хранилось много узлов и деталей для автомобилей со всего мира. И прежде, чем начинать проект, я просидел в музее неделю. Это было очень интересно, и теперь мне надо было решить, по какому пути идти. Но благодаря музею я чётко представлял эти пути. Нужно было спроектировать что-то максимально простое и безотказное и с минимальным количеством деталей. И Муза меня посетила. Когда я показал идею своему начальнику, он не понял, как это устройство работает. Дело в том, что Лэрри был без высшего образования, многих вещей не знал и не понимал. Свою карьеру он сделал как выдвигенец, так как проработал в компании больше тридцати лет. Я показал своё решение другим инженерам, и им очень понравилось. Пришлось создать в «Unigraphic» модуль и снова показать начальнику. Когда он понял, как работает устройство, то с выпученными глазами побежал к своему начальству докладывать и через час прибежал обратно ко мне. Он сказал, что его начальство одобрило идею, и надо срочно делать чертежи и образец. Но это была первая реакция. Вторая реакция была через несколько дней. Его группа занималась этим вопросом почти два года. Они приглашали компании и подписывали контракты, а результата не было, а тут пришёл кто-то из России, едва говорящий по-английски, и в течение 3-х месяцев решил проблему. Это, наверное, обидно, я понимаю. Но мне дали задание, и я его выполнил. Лэрри созвал митинг, где все старательно критиковали моё предложение, причём подготовка к митингу была очевидна, но через сорок минут они сдались. На следующий день все собрались вместе у стола инженера, сидящего напротив меня, и что-то оживлённо начали обсуждать. Меня не пригласили. Так продолжалось неделю, а потом Лэрри попросил

меня подойти к ним. Он гордо сказал, что они тоже кое-что придумали, и попросил оценить. Это был чистый плагиат с небольшими изменениями, но были и ошибки. Я указал на ошибки, которые делали устройство неработоспособным. Поверили сразу и сникли. Лэрри спросил меня, смогу ли я довести до работоспособности это устройство - я согласился. Тогда он попросил вести два проекта, и я в знак согласия кивнул. После изготовления опытных образцов начались испытания. Первые результаты были обнадеживающие.

Но случилось то, чего я от Америки ожидать уж совсем не мог. Как писал Исаак Бабель в рассказе «Как это делалось в Одессе»: «А тем временем несчастье шлялось под окнами, как нищий на заре. Несчастье с шумом ворвалось в контору».

Ко мне подбежал очень взволнованный Лэрри и срывающимся голосом спросил, правда ли, что я еврей. Я ответил утвердительно и сказал, что никогда этого и не скрывал. Видно было, что для него это был сильнейший удар. Тогда он сказал, что мою семью, очевидно, содержит синагога. Я ему ответил, что он говорит абсолютную чушь. Я даже представить не мог, что в 21 веке человек думает на таком пещерном уровне. Он перестал со мной разговаривать и даже - здороваться.

Смешной случай произошёл на общем собрании Технического центра компании, когда выступал вице-президент. Он делал доклад о развитии компании и в конце доклада неожиданно для всех попросил Лэрри Хаске встать. Он сказал, что Лэрри - гордость компании, и что недавно он изобрёл замковое устройство для дифференциала, в котором так нуждалась компания. Далее он сказал, что они даже не могли понять, как работает этот механизм, а Хаске им объяснил. Что такими людьми гордится компания. Всё это время мой начальник стоял с высоко поднятой головой. Сотрудники знали, кто настоящий автор, подмигивали мне и толкали в бок. После совещания они подходили ко мне и говорили, что он ничтожество и не стоит обращать на это внимание. Он не перевёл меня в основной состав компании, как обещал, и это был знак. Да и работать с ним уже стало совершенно невозможно, и я начал искать новую работу. Было очень жалко, так как это было место, где я мог принести большую пользу - у меня были большие идеи и планы. Я видел перспективу развития на много лет вперёд. Конечно, можно обратиться в суд, но Лэрри мог бы отказаться от своих слов. У людей такого низкого уровня развития понятия совести просто нет. Да и работать с этим человеком было бы уже невозможно.

Вот такая невесёлая история, а начиналась всё так хорошо. Бедное моё программное обеспечение - как выдержать и приспособиться к новой среде с таким её поведением и не сломаться. Как мне сохранить здоровье при этих стрессах?

Позвонили из «MSX», предложили мне вернуться к ним для работы на «Форде», и я согласился. Это была широко разрекламированная программа автомобиля с электрическим двигателем. Меня пригласили уже как опытного инженера. Работы было много, приходилось работать и по субботам. Ко мне хорошо относились и казалось, что всё нормально. Я работал с передней и задней подвесками и рамой для трансмиссии. Но через два месяца я почувствовал, что программа начала выдыхаться. Это было интуитивно - может быть, чутье сработало, не знаю, так как никаких внешних признаков не наблюдалось. В принципе, при моём опыте поисков работы, могу сказать, что требуется в среднем около трёх месяцев, чтобы быть у всех на слуху. Конечно, многое зависит и от случая, и от обстоятельств - но это в среднем. И я начал потихоньку искать новую работу. В апреле «Форд» объявил о закрытии программы, и 250 человек оказались на улице. Правда, нам продлили медицинскую страховку на месяц. Но я уже был раскручен и вёл интенсивные переговоры.

Было интересное интервью с огромной канадской компанией «Магна». Со мной беседовал молодой толковый менеджер. Мы разговаривали часа два, после чего он сказал, что берёт меня и хочет показать производство. Два завода компании находились в десяти минутах ходьбы от офиса. Мы ходили по заводам, и я старался запомнить, где что находится, так как считал, что меня уже взяли на работу. После этого мы пришли в офис, и он дал мне бумаги, которые нужно было заполнить для отдела кадров, и спросил, могу ли я выйти на работу в следующий понедельник. Я согласился, но в этот момент вошёл его начальник и начал меня спрашивать про Москву, где он был как турист. Мы поговорили около десяти минут, и он вдруг сказал, что ответ по работе мне пришлют по почте. Молодой менеджер сказал, что он меня уже взял, и в понедельник я должен выйти на работу, но его начальник сказал, что будет так, как он сказал. Я понял, что это отказ. Возможно, что он уже обещал кому-то это место, я не знаю, но выглядело это очень некрасиво. Через десять дней я получил очень смешной отказ, где причиной был мой небольшой опыт. Конечно, я понимаю, что 25 лет работы — это очень мало. Но самое смешное, что меня взял на работу их основной конкурент - «Benteler Automotive» и я, участвуя в

конкурсах от этой компании, выиграл у «Magna» много проектов, несмотря на мой малый опыт. Но это всё ещё впереди.

Я получил приглашение на интервью от большой немецкой компании «Benteler Automotive». Интервью должно было быть в городе Каламазу, что в двух часах езды от меня. Интервью проводил Скотт Нисбет - Главный специалист. Мы проговорили часа полтора, и я попросил его показать мне изделия компании, а я буду комментировать: что, как мне кажется, хорошо, а что - не очень, и объяснять, почему. Мы пошли в цех огромного завода, и он показывал мне изделия, а я высказывал своё мнение. Он спросил, какую я хочу зарплату, я назвал, он уменьшил её на 5 000 долларов, и я согласился, так как выхода у меня не было, и он это понимал. После окончания беседы Скотт сказал, что ответ даст через месяц, так как очень занят переездом в новый Технический центр. «Benteler Automotive» открывал Технический центр компании в 40 минутах езды от моего дома, компания была довольно известная и являлась основным конкурентом «Magna». Нужно было ждать.

В это время я уже купил билет на самолёт и улетел в Москву.

Меня встречал Саша Грошев. Мы поехали к родителям Юли, где я собирался жить эту неделю. Прежде всего, хотелось пойти на могилу мамы на Ваганьковском кладбище. На следующее утро я уже был на кладбище. Я был очень взволнован, но не смог там быть долго, так как боялся, что сердце не выдержит. Это оказалось слишком тяжело. Встреча же с Москвой была приятной и спокойной. В «Моспроекте» на проходной меня пропустили без пропуска, приняв за своего. Люди подходили, здоровались, обнимали, жали руку. Впечатление было такое, что я там продолжаю работать. Это всё, конечно, было приятно. Моя знакомая взяла билет в театр Моссовета на пьесу Островского. Публика была уже чужая, и после того, как в спектакле артист один раз употребил матерное выражение, я встал и ушёл. Запросы у публики, видимо, стали другими, а театр - только зеркало. Город был уже не мой. Ну что же делать, нельзя войти в одну и ту же воду дважды. Появилось много дешёвых ресторанов, город ожил, но я уже был мысленно в Америке с семьей.

Было много встреч и мелких приключений, но главное, я чувствовал, что я был прав, когда уехал в Америку.

Дочь училась очень хорошо: все оценки были «отлично», но что-то мне мешало радоваться. Чего-то не хватало, но я не понимал, чего именно. А тут однажды приехала Женя из университета и в разговоре сказала, что у них по

обмену посылают на год учиться в Англию - в Оксфорд и Кембридж, и тут у меня всё сошлось.

Я вспомнил свой любимый тост: «Иду я как-то по горе Арарат и вижу птицу Феникс, которая, извините за выражение, своим голым задом падает на раскалённую сковородку, вскрикивает, взлетает и падает опять. И спрашиваю я тогда птицу Феникс, почему она падает, извините за выражение, своим голым задом на раскалённую сковородку? И отвечает мне птица Феникс, что она потому падает голым задом на раскалённую сковородку, чтобы её заметили. И я предлагаю выпить за то, чтобы нам не нужно было падать голым задом на раскалённую сковородку, чтобы нас заметили».

Вот чего ей не хватает - Европейского образования. Что-то должно выходить за рамки привычного, чтобы на тебя обратили внимание. Это - как «вишенка на торте». Я попросил её отправить анкеты в Англию. Она не верила, что её могут взять, но послушала меня и отправила. Через три недели раздался звонок из Энн Арбора, и Женя срывающимся голосом прокричала в трубку, что её взяли в Оксфордский университет. Моему счастью не было предела. Если бы мои родители могли услышать это. В субботу приехала Женя и сказала, что образование в Оксфорде стоит в два раза дороже, чем в нашем Университете, и она откажется. Я сказал, что я готов заложить дом, но она поедет в Англию.

Родители Юли переехали жить в Мичиган. Теперь почти все связи с Россией были утрачены. Вся наша жизнь была теперь в Америке.

Пришло письмо от «Benteler Automotive». Это было приглашение на работу, и в нём - приятная неожиданность: зарплата на 5 000 тысяч долларов выше, чем я просил. Как это было кстати в связи с Оксфордом! Теперь все сомнения рассеялись окончательно.

Через неделю я приступил к работе. Должен сказать, что команда подобралась довольно квалифицированная, и большая часть людей была настроена доброжелательно. Мне понадобилось немного времени, чтобы узнать правила и специфику работы по внедрению в массовое производство. Но в общем все было нормально. Я очень быстро освоился и перешёл к проектированию новых узлов.

Смешная ситуация произошла через три недели. Моим соседом оказался индус. Он работал небольшим менеджером. Мы разговорились, и я ему рассказал, что много лет назад у меня был чёрный пояс по карате. В этот момент мимо нас проходил довольно грузный мужчина интеллигентного

вида, и менеджер ему сказал, что у меня чёрный пояс по карате. Он ответил, что его дочь тоже занимается карате, и шутя меня атаковал. Я автоматически бросил его через бедро, и он полетел. Конечно, я его поймал, и мы немного посмеялись. После того, как он ушёл, индус спросил, знаю ли я, кого бросил через бедро - я ответил, что нет. Он засмеялся и сказал, что это был президент нашей компании. Мне стало немного нехорошо. Но всё обошлось, и в дальнейшем у меня сложились с президентом хорошие рабочие отношения. Работы было много, и приходилось часто ездить в Каламазу на наш завод. Оборудование было вполне современное, особенно роботы, а мой инженерный профессионализм рос на глазах.

За четыре года жизни в Америке мы ни разу нормально не отдыхали. Близился наш юбилей - 25 лет совместной жизни, и мы купили путёвку в Мексику в шестизвёздочный отель. Отдых был замечательный. Было ощущение, что мы в раю. Нас обслуживали официанты в белых фраках и перчатках. Я впервые попробовал козий сыр с виноградом и полюбил его. Вставал в шесть часов утра каждый день и шел гулять к морю, которое было великолепным. Так мы не отдыхали ещё никогда. Можно было расслабиться после огромного напряжения, связанного с выживанием в новой среде.

Женечка уехала учиться в Англию. Мы были горды этим безмерно. Она жила в апартаментах, построенных в четырнадцатом веке. Правда, это не всегда было удобно. Через дорогу жила Челси Клинтон. Всё было интересно.

Был ещё раз в Москве. Мой приятель, с которым я организовывал когда-то кооператив «Резерв», стал очень успешным бизнесменом. Он предложил мне пожить в квартире, которую он снимал на Тверской улице возле Моссовета. Это было удобно, и я согласился.

Я оставил вещи и пошёл погулять по Красной площади. На Красной площади ко мне тут же подошёл молодой человек и спросил, который час. Я ему показал на часы на Спасской башне, которые были напротив. В это время другой молодой человек, проходя мимо меня, уронил большую пачку долларов. Я сообщил ему об этом, но он сделал вид, что не услышал, и ушёл. Первый молодой человек поднял эту пачку и радостно сказал мне, что нам здорово повезло, и предложил зайти в подъезд и поделить эти деньги; это был старый приём шайки жуликов с целью ограбить меня. Я сказал молодому человеку, что ему дважды повезло: делиться со мной не надо, и ушёл, оставив его в большой растерянности. Причём, рядом была милиция, но она как бы ничего не видела. На самом же деле на этой площади жулики могли работать только по договорённости с милицией и КГБ. Но все эти

фокусы я знал и только любовался наглостью и непрофессионализмом молодых людей. В моём престижном подъезде пахло мочой - ничего не изменилось, я был дома.

Побывав на всех могилах и поговорив с оставшимися друзьями, я улетел домой, чувствуя, что был здесь, возможно, в последний раз.

Жизнь продолжалась. Позвонил Грэг Петерсон из «MSX» и предложил билеты на баскетбольный матч профессионалов. Я понимал, что разговор пойдёт о работе. Грэг приехал с вице-президентом компании. Они предложили мне вернуться опять к ним, так как получили новый большой контракт с японской компанией, но я отказался, так как нуждался в стабильности, которую они гарантировать не могли. Хорошие люди, но интересы разошлись.

Работая на «Benteler Automotive», я многому научился. Я работал с Ниссаном, Хондой, Крайслером, Фордом и так далее, предполагая, что буду работать в этой компании до пенсии - и опять ошибся. Пришёл экономический кризис, и нашу компанию стало лихорадить. Начались какие-то конфликты в руководстве. Сняли Президента компании, а затем добрались и до Скотта Нисбета. Всё это выглядело отвратительно. В кулуарах сплетничали о нём и говорили всякие гадости. Он сидел в своём кабинете и не выходил. Я пришёл к нему и сказал, что мне плевать на все сплетни и он всегда может на меня рассчитывать. Мне кажется, он был тронут этой поддержкой. Увы, его уволили. Тучи сгущались. Из Германии прилетел человек с полномочиями увольнять людей и началось... Уволили несколько классных специалистов и, наконец, этот человек добрался и до меня. Я почувствовал, что он стал следить за мной. Я любил свою работу и приходил всегда раньше, а уходил на час-два позже. Когда я приходил, то смотрел минут десять «Новости», а потом начинал работать. Всё было как всегда, но он подбежал ко мне и сказал, что я не имею права в рабочее время смотреть «Новости». Я ему ответил, что я начинаю официально работать через полчаса, и он ушёл ни с чем. Мой начальник позвал меня в кабинет и показал мне, что два моих сослуживца постоянно пишут доносы на меня. Это было странно и крайне неприятно. Я с ними работал каждый день и у нас были ровные отношения. Зачем они это делали? Вот так. Человек из Германии подошёл ко мне и потребовал, чтобы я закончил свою работу через неделю. Это было не нужно и совершенно невозможно, так как необходимо было изготовить двадцать больших листов чертежей, а рабочая ситуация этого не требовала, да и дизайнера у меня на данный момент не было. Он сказал, что

дизайнера оформят на работу, и потребовал, чтобы я закончил работу через неделю. Всё было ясно. На следующий день появился дизайнер, который не знал наших правил, да и пришёл он на несколько дней. У меня было большое желание врезать этому человеку из Германии, но тогда было бы не миновать тюрьмы. Я попросил дизайнера чем-нибудь заполнить 20 листов и дал ему для этого старые чертежи. Позвонил на завод, объяснил ситуацию и попросил подписать эту ерунду. Они согласились, понимая, что происходит - мы проработали вместе не один год. В пятницу я поехал в Каламазу и подписал все 20 листов. Инженеры завода пожелали мне удачи, хотя никто в неё не верил в данном случае. В понедельник я отдал чертежи немцу, но он их даже не смотрел. В четверг меня вызвал мой начальник и долго говорил мне, что он меня очень уважает и счастлив работать со мной. Он хотел показать мне, что не имеет никакого отношения к тому, что происходит. В пятницу, за 15 минут до окончания рабочего дня, он вызвал меня (там уже

Мичиган. Я с женой

была женщина из отдела кадров) и сообщил, что я уволен. Я забрал свои вещи и ушёл. По дороге ко мне подходили возмущённые сотрудники, давали мне свои телефоны и всячески старались поддержать меня. Среди них были даже мои недоброжелатели. Всё усугублялось тем, что в этот день у моей жены был юбилей, и дома меня ждали за накрытым столом, чтобы отпраздновать это событие. Я позвонил домой и сообщил эту неприятную новость. Жена заплакала и с тех пор не отмечает свой день рождения.

Я проработал на «Benteler Automotive» ровно пять лет. Мне уже 59, искать работу трудно, особенно во время кризиса, но - деваться некуда.

Меня взяли в небольшую компанию (20 человек). Хозяин жил в Вашингтоне. Он хотел что-нибудь сделать и быстро продать компанию на этой волне. Он получил заказ от большой военной компании на разработку гибридного двигателя. В мою задачу входило разработать и встроить внутри колеса статор и ротор, установленные на планетарную коробку передач, которую я тоже должен был разработать. Задача сложная, и у меня был только один дизайнер, который оказался ещё и пьющим.

От руководства помощи не было никакой. Они, в основном, искали покупателей для продажи компании. Я работал практически без выходных по 13-14 часов в день. Правда, платили хорошо. Я не буду описывать это время, так как интересного ничего не было. Но через три месяца почувствовал, что здоровье на пределе. Руководство компании доверия и уважения не вызывали. Я закончил проектирование, и ряд заводов изготовили детали. Было понятно, что работать с этим руководством невозможно; я стал интенсивно искать работу и потихоньку перевозить свои вещи домой. Мы собрали весь узел и начали испытания. После удачной работы узла в течении часа счастливое руководство заявило мне, что, хотя я и хороший инженер, но денег у них больше нет, а я ничего другого и не ждал, и расстался с ними с большой радостью. Все вещи я уже отвёз домой и расставался с компанией легко, тем более, что у меня уже были приглашения на интервью.

Вечером мне позвонил посредник и спросил, хочу ли я работать на «General Dynamic», я ответил, что хочу. Это была огромная компания, которая выпускала танки и бронетранспортёры с главным офисом в Мичигане, а в других местах ещё - военные суда и самолёты. Как инженеру, мне это было очень интересно. Сомнения были только в том, возьмут ли меня. Мне могли отказать по двум причинам: я из России - врага США - и мой возраст. В 59 лет перспективы не просматривались. Но, тем не менее, утром я был на

интервью. Со мной беседовали два человека: Кэн и Кевин (менеджер и лидер). Мы говорили около пятидесяти минут, после чего Кэн сказал, что ответ будет через 10 дней. По моему опыту, это был отказ. Если берут, то видно сразу. Но я, к счастью, очень ошибся. Вечером мне позвонил посредник и сказал, что получил извещение, что меня берут, и через неделю я должен выйти на работу. Я не мог в это поверить и был счастлив. Зарплату дали намного больше, чем я получал на предыдущей работе. Конечно, это был контракт, но через год был возможен переход в основной состав. Всё замечательно, но ещё нужно доказать, что ты хороший инженер, а это было совсем не просто, так как с танками и бронетранспортёрами я никогда не работал и названия деталей и узлов не знал даже на русском языке.

Мне поручили вести контракт с английской компанией, которая была в этом бизнесе 150 лет. Она была разработчиком планетарной коробки передач для огромного нового проекта, который правительство поручило вести трём компаниям: Boeing, BAE и General Dynamics. Помимо всех проблем, трудности возникали с языком. Но выбора у меня не было, и я полностью окунулся в работу.

Анализируя чертежи англичан, я, как мне показалось, нашёл в них один существенный недостаток и пошёл к Кэну, чтобы обсудить это. Он очень удивился, но, после объяснений, согласился со мной. Я подготовил альтернативное предложение, и с этим мы полетели в Англию. Первый раз я был в Англии, про которую много читал и слышал, всё было интересно и познавательно. А с Кэном и Кевиним я подружился, и эта дружба продолжается и сейчас. Англичане согласились с нашими замечаниями. После этого митинга инженеры из Великобритании стали уважительно ко мне относиться, и работать стало намного легче.

Они повели нас в аргентинский ресторан, где я увидел в меню говяжий язык и заказал его. Англичане вместе с Кэном были удивлены и спросили меня, можно ли это есть. Дело в том, что американцы язык не едят. Я ответил, что это очень вкусное и популярное в России блюдо. Все ждали, пока я съем первый кусок, а потом быстро начали есть сами.

В дальнейшем мы работали вместе, доверяя и помогая друг другу. К сожалению, после первых испытаний проект был закрыт по приказу министра обороны.

Меня перевели в основной состав, что свидетельствовало о доверии ко мне как специалисту и человеку. А дальше пошли другие проекты...

В страну пришёл очередной экономический кризис, и у нас начались увольнения. Увольняли моих приятелей, с которыми уже сложились хорошие рабочие отношения. В какой-то момент я почувствовал, что подбираются и ко мне. Я подошёл к Кэну и спросил, искать ли мне работу, и он сказал, что это меня не касается. Я ему поверил сразу и успокоился.

Мы работали над новым большим проектом, где я проектировал раму, на которую устанавливались двигатель с трансмиссией и ещё много разных вспомогательных узлов. Затем этот огромный узел устанавливался в корпус машины. Рама была связующим звеном между всеми этими частями. Мы закончили проектирование, после чего заводы изготовили всё в металле. Остальные необходимые узлы, такие, как двигатель, трансмиссия и другие были закуплены. Всё это надо было собрать и установить в корпусе машины. Огромная ответственная работа. Головной сборочный завод находился в Канаде. Для всей этой работы четверо разработчиков, включая меня, отправились в Канаду на две недели. До нашего приезда все основные узлы уже были собраны, и нужно было установить их на раму и потом в корпус. Мы рассчитывали, что в течение двух недель устраним все погрешности, которые могут появиться при проектировании и изготовлении, и установим силовой агрегат в корпус. Но жизнь преподнесла нам приятный сюрприз. Весь силовой агрегат был установлен на раму в течение двух часов без проблем, а потом в корпус в течение часа. Группа канадских инженеров аплодировала мне, а один подбежал и сказал, что впервые в его жизни первая установка силового блока прошла без ошибок, и поздравил меня с успехом. После этого канадцы отправили поздравление моему руководству. Мне сказали, что я могу возвращаться домой. Казалось, что всё прекрасно, но это было не совсем так. Дело в том, что Канада считалась за границей и в этом случае командировочные были в три раза выше. За две недели я мог дополнительно заработать 1500 долларов, а вместо этого уехал домой. Успех обошёлся мне в 1500 долларов. А мои товарищи проработали эти две недели. Кто остался в выигрыше?

Я проектировал довольно сложный узел для танка «Абрамс» и для его испытаний вылетел на правительственный полигон на границе с Мексикой. Жара была выше 40 градусов по Цельсию. Пока механики собирали узел, я сидел на танке и представлял себе, что сказали бы мои родители, если бы им рассказали об этом - не поверили бы.

Мы с женой были в Италии. Венеция и Флоренция произвели на меня неизгладимое впечатление. Особенно Флоренция, где жили и работали Микеланджело, да Винчи, Рафаэль - великие мастера. Я ходил по улицам, по которым ходили они. Музеи были замечательные, особенно в Ватикане, где я увидел Сикстинскую Мадонну и много других шедевров. Как почти в одно и тоже время, в одной стране жило столько гениев?

После Италии на следующий год мы поехали в Париж и сразу пошли в Лувр смотреть «Джоконду» да Винчи, с которой я уже был немножко знаком. Нашу незабываемую встречу я описывал в 5-й главе этих очерков. Мне хотелось побольше пообщаться с известным произведением. Увы, результат был тот же. Нет-нет, я ничего не пил и вёл себя прилично, но вокруг портрета было человек триста и добраться до него было невозможно. Да и на этот раз пуленепробиваемое стекло отражало лампы освещения, и наш контакт опять не состоялся - обидно.

Портрет Джиневры ди Бенчи кисти Леонардо да Винчи (Я слева)

Моя дочь получила к этому времени звание PhD в статистике, вышла замуж и переехала жить в штат Вирджиния, который граничит с Вашингтоном. В Вашингтоне есть замечательная Национальная галерея искусств. Её коллекция относится к лучшим мировым собраниям произведений изобразительного искусства.

Жемчужиной коллекции считается портрет Джиневры ди Бенчи кисти Леонардо да Винчи. Основоположник истории искусств Джорджо Вазари назвал это произведение «прекраснейшим».

Изображение Джиневры ди Бенчи столь совершенно, что, кажется, это не портрет, а сама Джиневра во плоти. Потрясающая картина. Каждый раз, когда я приезжаю к дочери, она отвозит меня к этому портрету, который Леонардо написал в 22 года - поверить в это невозможно. Я простаиваю часами возле него и пытаюсь мысленно разговаривать с ней. Возле портрета мало людей, нет пуленепробиваемого стекла, и я стою в полуметре от неё.

Я, всё-таки, нашёл Леонардо, и каждая встреча с ним приносит огромную радость, а тогда в Москве это казалось из области фантастики.

Ещё там есть картина Рафаэля «Мадонна Альба», замечательная работа Тициана «Венера перед зеркалом», целая комната произведений Рембрандта, комната картин Халса и много других. Эта галерея - моё любимое место. Я могу разговаривать с людьми на картинах Халса, Рембрандта, Дюрера... Они такие же как мы, только одеты по-другому, и у них те же жизненные проблемы, только время другое.

Эти путешествия с посещением музеев - огромная разрядка после дикого напряжения, связанного с постоянной необходимостью выживать, которое преследует меня всю жизнь.

А жизнь продолжалась. Сын учился в хорошем университете в Энн Арборе, но, в отличие от дочери, на инженера-механика. Во время прохождения летней практики в «General Dynamics» он понравился руководству, и его пригласили на работу к нам, затем он получил Master Degree и сейчас работает в большой компании.

Я проработал на «General Dynamics» около десяти успешных лет, но однажды врачи нашли у меня серьёзное заболевание, и пришлось делать операцию, которая длилась больше пяти часов. Интересно, что название робота, который использовали при операции, было «Да Винчи» - ну, не мистика?

После этого я стал задумываться о выходе на пенсию. Я заработал пенсию, дом мы выкупили, дети самостоятельно стоят на ногах. Мы с женой независимы. Я проработал сорок пять лет очень напряжённо – может, пора и отдохнуть?

Вот как очень точно об этом пишет Андрей Макаревич:
«В определенный момент человек замечает, что его родное, единственное и еще вчера такое послушное тело больше не такое послушное. Человек понимает, какое счастье было его не замечать, и еще понимает, что счастье это покинуло его навсегда. Отныне он внутри машины, которая с каждым днем все настойчивее требует капремонта на ближайших станциях техобслуживания. Загибающийся автомобиль сообщает вам о своих проблемах стуками, хрипами, мигающими лампочками. Тело беседует с вами с помощью боли. Оно становится в этом плане таким изобретательным и разнообразным, что порой вызывает искреннее восхищение. И вы с этой сволочью один на один. Жаловаться бессмысленно — у детей вы будете вызывать раздражение: они просто не поймут, о чем вы, у них сейчас совсем другие проблемы. А голова? Этот твой домик, внутри которого ты, как тебе казалось, не стареешь и привычно командуешь телом? Долгое время действительно так и было, и вот кончилось: ты по привычке приказываешь себе легко выпорхнуть из машины, а тело нескладно выкарабкивается, медленно перенося вес на ногу, которая, естественно, болит. В общем жизнь ваша наполняется совершенно новыми смыслами. И если вы держите эту безостановочную серию ударов, отлично понимая, что победы не будет и задача в том, чтобы красиво проиграть, если вы не потеряли способности улыбаться, шутить и иногда даже нравиться женщинам — вы настоящий герой». Точнее не скажешь. Пора переходить к следующему этапу жизни - созерцанию, последнему, по-видимому. Сегодня я только вначале этого пути. Как же, всё-таки, «мучительно больно, что бесцельно прожитые годы» так быстро прошли!

Послесловие

Я прожил сложную жизнь. Я должен был воевать, чтобы выжить, чтобы сохранить своё человеческое достоинство и жить там, где хотел, создать

детям условия для нормальной жизни. Я боролся с системой, которая уничтожила миллионы людей. Мне повезло, что, когда я родился, система уже начала сдавать, хотя и была ещё достаточно сильна, чтобы уничтожить любого. Я дрался, но остался жив и благодарен Богу за это. Моя программная система выжила, хотя изрядно потрепалась.

Почему я написал эту книгу? Для этого есть несколько причин.

Прошлое приходит ко мне постоянно, мешая жить сегодня. Как с этим бороться, я не знаю, но попробовал свою жизнь описать на бумаге, передать воздух и моё понимание этого момента, а вдруг станет легче, и я хоть частично освобожусь от него. Я снова увидел образы и лица людей, уже отсутствующих в этой жизни, но все ещё смотрящих на меня живыми глазами. Вспомнил свои бурные переживания, удачи и разочарования. Прочитал свою книгу, полную цветных иллюстраций.

Я вышел из этой гонки живым, чтобы иметь время просто созерцать и по возможности наслаждаться увиденными картинами, которые носишь в памяти после долгой жизни и к которым, когда твоя активность идет на убыль, обращаешься с совершенно другим восприятием, чем когда-либо прежде.

Мои дети - американцы, но они должны знать, откуда мы, и представлять себе этот долгий путь исхода, на который ушла почти вся жизнь их родителей. Они должны знать историю своей семьи и ту цену, которую мы заплатили за их сегодняшнюю жизнь. Может быть, мой опыт выживания в тяжёлых условиях социалистической среды поможет им принять правильное решение или будет поддержкой в тяжёлой ситуации.

Помимо всего, я пока живой свидетель распада и гибели империи под названием СССР, участник исхода евреев из неё.

Много событий, в которых я был участником, не вошли в эту книгу, чтобы не перегружать читателя, который за последние 20-30 лет сильно изменился с появлением компьютеров, Интернета и др. Люди не могут читать толстые книги, обдумывать и переживать прочитанное - нет времени на это, а жаль. Ты думаешь, что завтра вернёшься и перечитаешь опять, чтобы понять глубже, но этого никогда не происходит - Интернет забирает время на другие, более свежие события, оставляя предыдущие.

Я хотел поделиться своими знаниями о России с американцами, чтобы они лишились иллюзий и не строили воздушных замков.

Есть два пути для России, чтобы построить цивилизованное общество: покаяться в совершённых преступлениях или найти в своих рядах человека,

подобного Моисею. Если этого не произойдёт, весь этот ужас будет продолжаться.

Моя самая любимая книга - Книга Екклесиаста, или Проповедника. Она была написана более тысячи лет назад, но читается так, как будто написана сегодня моим современником.

Всего несколько цитат в конце этих очерков.

«Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем.

Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после.

Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все - суета и томление духа!

И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это - томление духа; потому что во mnogой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь.

И увидел я, что преимущество мудрости перед глупостью такое же, как преимущество света перед тьмою:

у мудрого глаза его - в голове его, а глупый ходит во тьме; но узнал я, что одна участь постигает их всех.

И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их: и вот, всё - суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем!

Как вышел он нагим из утробы матери своей, таким и отходит, каким пришел, и ничего не возьмёт от труда своего, что мог он понести в руке своей. И это тяжкий недуг: каким пришёл он, таким и отходит. Какая же польза ему, что он трудился на ветер?

Время разбрасывать камни, и время собирать камни»

Всё как бы правильно и всё повторяется, но тогда и жизнь бессмысленна и познание её тоже. Зачем мы рождаемся и умираем?

Но так уж устроен человек и так запрограммирован, что он, всё-таки, надеется и живёт даже в самых тяжёлых ситуациях, иначе зачем всё это, но это уже для другой книги...

Оглавление:

Предисловие	2
Глава 1. 41-ый. Эвакуация	3
Глава 2. Человек второго сорта.....	5
Глава 3. Иногородний студент.....	14
Глава 4. Молодой специалист.....	36
Глава 5. Бомж. Вне закона.....	43
Глава 6. Вновь Москва.....	58
Глава 7. Перестройка. Бизнес. Перестрелки.....	75
Глава 8. Эмигрантский треугольник-Выживание, плавание, достижения.....	99
Послесловие	120